ФИЛОЛОГИЯ
И
ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№ 2

2015

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2015

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайский государственный педагогический университет
Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

А.А. Чувакин, д.ф.н., проф. (Барнаул, председатель), О.В. Александрова, д.ф.н., проф. (Москва), К.В. Анисимов, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Н. Басовская, д.ф.н., проф. (Москва), В.В. Красных, д.ф.н., проф. (Москва), Л.О. Бутакова, д.ф.н., проф. (Омск), Т.Д. Венедиктова, д.ф.н., проф. (Москва), О.М. Гончарова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева, д.ф.н., проф. (Красноярск), Е.Г. Елина, д.ф.н., проф. (Саратов), Е.Ю. Иванова, д.ф.н., проф. (Санкт-Петербург), Ю. Левинг, PhD, проф. (Канада, Галифакс), О.Т. Молчанова, д.ф.н., проф. (Польша, Щецин), М.Ю. Сидорова, д.ф.н., проф. (Москва), И.В. Силантьев, д.ф.н., проф. (Новосибирск), К.Б. Уразаева, д.ф.н., проф. (Казахстан, Астана), И.Ф. Ухванова, д.ф.н., проф. (Белоруссия, Минск), Э. Хоффман, Dr. Philol, доц. (Австрия, Вена), А.П. Чудинов, д.ф.н., проф. (Екатеринбург).

Главный редактор

Т.В. Чернышова

Редакционная коллегия

Е.А. Худенко (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

С.В. Доронина, М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru
Эл. адрес журнала на сайте АлтГУ:
http://www.asu.ru/structure/faculties/philology/nauk/philo_journal/
Эл. адрес журнала в системе РИНЦ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=25826

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

О.И. Опарина. Наука, мировоззрение и язык в XIX веке (некоторые моменты и основные тенденции) 7
Н.А. Каленова. Приватность частного письма и возможность его опубликования: правовой и этический аспекты проблемы 18
С.В. Синцова. Мотив маски как основа взаимодействия фольклорных и литературных традиций в «Майской ночи…» Н.В. Гоголя 30
С.М. Козлова. «Чайка» А. Чеховаи «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло: обратная связь 39
А.С. Поршнева. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Бегство на север» 51
А.И. Куляпин. Продавцы против покупателей: хронотоп магазина в художественном мире В.М. Шукшина 62
О.В. Протопопова. Стилистические явления в деловой словесности периода ВОВ как отпечаток эпохи 69
Н.Г. Нестерова. Прагматика побудительных высказываний в радиодискурсе 81
Ю.В. Богоявленская. Воздействующий потенциал парцелляциив медиатексте 93
Е.А. Сивкова. Орфографические и графические особенности написания гласных после шипящих и «ц» в текстах разных территорий XV века 103

Научные сообщения

Д.С. Скокова. Пространство и поэт в эстетике М.А. Волошина: стихотворение «Дом Поэта» 116
М.Ю. Аржанников. Модель текста средневековых немецких заклинаний 123
Г.М. Булякова, Р.И. Шахмухаметова. Раскрытие детской психологии в условиях военной действительности в повестях А. Бикчентаева..... 130
С.С. Комбу. Первый роман тувинской литературы 136
Г.В. Напреенко. О двух подходах к идентификационному моделированию текста 142

И.С. Кожеватова. Факторы, повышающие инвективный потенциал иронии (на материале современной публицистики)..... 151
Ю.В. Хаперская. Функционирование производных предлогов в газетно-публицистическом стиле..... 158

Проблемы филологического образования

Т.Ю. Кулинкина, С.А. Мансков, Т.А. Семилет. Аксиологический и праксиологический аспекты творческих конкурсов студентов-журналистов..... 166
Э.В. Малыгина, А.А. Чувакин. *Практическая риторика*. Примерная программа учебной дисциплины. (Для профиля «Прикладная филология /Русский язык и литература/»)... 171
Т.В. Чернышова. *Судебная лингвистическая экспертиза: Аналитико-экспертная деятельность филолога-практика.* Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций..... 176

Критика и библиография

О.В. Марьина. *Филология в системе современного гуманитарного знания* (учебное пособие / под редакцией Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 200 с.)..... 183

Филология : люди, факты, события

А.М. Сулейманов, Н.М. Сиражитдинова. Назидательная поэтика произведений Мустая Карима..... 185

Резюме..... 187
Наши авторы.....203

CONTENTS

Articles

O.I. Oparina. Science, Worldview, and Language in the 19th Century (Some Aspects and Main Tendencies).....
N.A. Kalyonova. The Privacy of a Private Letter and the Possibility of its Publication: Legal and Ethical Aspects of the Problem.....
S.V. Sintsova. The Motif of a Mask as a Basis of Interaction of Folklore and Literary Traditions in *May Night…* by N. Gogol.....
S.M. Kozlova. *The Seagull* by A. Chekhov and *The Six Characters in Search of the Author* by L. Pirandello: the Return Projection .....
A.S. Porshneva. Plot and Space Complex «Border Crossing» in K. Mann's Novel *Flight to the North* .....
A.I. Kulyapin. The Sellers against the Buyers: Chronotope of the Store in the Artistic World of V. Shukshin .....
O.V. Protopopova. Stylistic Phenomena in Business Literature of the World War II Period as an Imprint of the Epoch.....
N.G. Nesterova. Pragmatics of Imperative Utterance in Radiodiscourse .....
Yu.V. Bogoyavlenskaya. Effecting Potential of Parceling in Newspaper Text.....
E.A. Sivkova. Spelling and Graphic Peculiarities of Writing Vowels after Sibilants and «ц» in the Texts of Different Territories of the 15th century .....

Scientific reports

D.S. Skokova. Space and Poet in Aesthetic System of M.A. Voloshin: *Poet's House*.....
M.Yu. Arzhannikov. The Model of a Medieval German Invocation Text.....
G.M. Bulyakova, R.I. Shakhmukhametova. The Disclosure of Child Psychology under Military Reality in Stories by A. Bikchentaev .....
S.S. Kombu. The First Novel of Tuvinian Literature.....
G.V. Napreenko. Two Approaches to Identification Modeling of the Text .....
I.S. Kozhevatova. Factors that Increase Invective Potential of Irony (by the Material of Journalistic Texts).....

Y.V. Khaperskaya. Functioning of Derivative Prepositions in Newspaper Style .....

Problems of philological education

T.Yu. Kulinkina, S.A. Manskov, T.A. Semilet. Axiological and Praxeological Aspects of Journalism Students' Work Contests .....
E.V. Malygina, A.A. Chuvakin. *Practical rhetoric*. Sample Syllabus. (For the Profile «Applied Philology /Russian Language and Literature/») .....
T.V. Chernyshova. *Forensic Linguistic Inquiry: Analytical Expert Activity of a Practical Philologist.* Sample Syllabus of the Professional Retraining for Pedagogical Staff of General Education Institutions .....

Critics and bibliography

O.V. Mar'ina. *Philology in a system of contemporary humanitarian knowledge* (Work-Book / Ed. by T.V. Chernyshova, A.A. Chuvakin. – Barnaul: Altai State University Publishing, 2014. – 200 p.) .....

Philology: people, facts, events

A.M. Suleimanov, N.M. Sirazhitdinova. Edifying Poetics of Mustai Karim's Works .....

Summary .....
Our authors .....

СТАТЬИ

НАУКА, МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ЯЗЫК В XIX ВЕКЕ (НЕКОТОРЫЕ МОМЕНТЫ И ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

О.И. Опарина

Ключевые слова: научные достижения, картина мира, языковая личность, научно-популярная литература.
Keywords: scientific achievements, worldview, language personality, popular science literature.

Любой человек тесно связан с той эпохой, в которой он живет. Ей предшествовали исторические, социальные, культурные, научные события, составляющие определенный «багаж». Суть самообразования личности – изучить всю накопленную информацию, ознакомиться с существовавшими идеями, чтобы, осмыслив их, двигаться дальше. Однако за знаниями, постигаемыми человеком, стоит определенная система мировоззрения, которая формирует его отношение к действительности и к бытовым ситуациям. Мировидение, характерное для той или иной эпохи, формирует и определенный язык. Опираясь на тезис В.Н. Ярцевой, что «язык – явление общественное, его развитие всегда связано с развитием общества» [Ярцева, 1977, с. 33], естественно проследить изменения в языке науки, отражающие мировоззренческие тенденции, прослеживающиеся на завершающем этапе периода классической науки. Научные материалы демонстрируют тенденции своего времени и хранят его «дух поиска». Каждое научное достижение есть результат разработок в рамках определенного направления, сформированного в результате преобладания той или иной системы взглядов. В свою очередь, сами результаты научных открытий становятся основой определенного взгляда на мир. Краткий экскурс в историю этих достижений позволяет не только отразить общую картину развития науч-

ной мысли в XIX веке, но и показать, насколько убедительно эти достижения популяризируются в научных текстах.

Любая идея становится достоянием общества благодаря ее речевой репрезентации, как в письменной, так и в устной форме. За каждым текстом стоит его автор, в нашем случае – ученый, стремящийся донести свои мысли и взгляды до читателя. Именно в XIX веке возникает необходимость не только изложить научные концепции для ограниченного круга специалистов, но и сделать их достоянием широкого круга образованных людей и ввести их в образовательные курсы, что, безусловно, отражается на языке изложения. Цель статьи – проследить взаимосвязи между развитием науки (ее достижениями, научной деятельностью конкретных людей) и изменениями в мировоззрении людей, отразившимися в системе языка в целом, с одной стороны; и попытками ряда ученых изменить стиль изложения, который демонстрируют их работы, с другой.

Предметом рассмотрения стали стилистические особенности и концептуальная реализация общей и научной картины мира, зафиксированные в материале словарей и текстах отдельных ученых на фоне экстралингвистического материала, отражающего «дух эпохи». Для достижения обозначенных выше целей следует применить комплексный подход, основывающийся на междисциплинарных исследованиях. В их число входят изучение языковой личности и ее деятельностного взаимодействия с окружающим миром (Ю.С. Степанов, А. Вежбицкая, Т.А. Комова, В.В. Красных и др.), изучение формирования смыслов в процессе концептуализации и категоризации (Дж. Лакофф, Д.С. Лихачев и др.), разработки в области психолингвистики (А.А. Леонтьев, В.Я. Шабес и др.).

Традиционно, говоря об этапах формирования письменной научной речи, принято выделять несколько периодов [Разинкина, 1978; Ольшки, 1933; Манерко, 2010]. XVI век – время начала написания работ на английском языке, характеризуется отсутствием четкой жанровой дифференциации, своеобразным смешением стилей, когда сугубо научное изложение чередовалось с поэтическими вставками [Разинкина, 1978], или отступлениями, рассказывающими о личных наблюдениях, забавных случаях из жизни авторов. Следующий период – XVII век – время укрепления позиций английского языка в качестве языка научного общения и формирования стилевых особенностей научного жанра. Интерес к науке и научным достижением возрастает, и, как результат, в 1660 году в Лондоне возникает Королевское научное общество. Предметом обсуждения на его заседаниях становятся вопросы естественнонаучной области: геометрия, физика, астрономия, навига-

ция, химия, медицина и др. К концу века намечается тенденция к «обезличиванию» – деперсонализации изложения. Автор, несомненно, присутствует в тексте, но указание на него приобретает характер устойчивых лексико-синтаксических клише. XVIII век – эпоха стандартизации научного стиля изложения: ориентация на нормы книжной письменной речи, правила композиции, отход от личной манеры изложения, стремление к максимально логичному и четкому повествованию. Основной целью всех исследований было познание окружающего порядка вещей для выведения универсальных системно организованных законов мироустройства.

В первой половине XIX века прослеживается стремление «перестроить по-новому плану целиком или в частях уже воздвигнутое здание – либо потому, что основы его представляются недостаточно надежными, либо потому, что расположение частей его признается неудобным» [История XIX века, 1938, т. 4, с. 167]. Характерными чертами развития научной мысли является расширение круга идей, то есть раздвигаются горизонты «дозволенного» для изучения. В это же время подвергаются сомнению многие постулаты, принимаемые наукой без колебаний как аксиомы. Например, математики исследуют и доказывают возможность обосновать геометрию, отказавшись от постулата Эвклида, то есть безоговорочная истина начинает восприниматься как гипотеза, что, несомненно, имеет научную смелость и демонстрирует новый взгляд на окружающий мир. Мироздание постепенно перестает быть тайной, данной человеку. Он начинает досконально его изучать, чтобы экспериментально разобраться в его структуре и взаимодействиях.

Особая роль в развитии науки того времени принадлежит французской, английской и немецкой школам. Остановимся подробнее на некоторых достижениях англоязычных ученых, чтобы частично воссоздать атмосферу того времени и посмотреть на характер тех достижений.

Среди математиков можно назвать Августа де Моргана (1806-1871), профессора Лондонского университета известного своей остроумной, образной манерой изложения. В его работах часто используются фразеологизмы (порой имеющие библейские аллюзии) и неожиданные сравнения. *A handful of dust* / *it was judged by its fruits* / *the chain of the history discovery* / *common as life insurance has now become* [Morgan, 1838]. Его тексту присущи вставки как в виде предложений, так и вводных слов или замечаний, отражающих позицию автора, способствующих его присутствию в повествовании, корректирующих наше восприятие и расставляющих нужные акценты. Приведу ряд

примеров: <…> *deserves the most honourable remembrance from all who treat the history of this science… / and more than this… / a step is equally gained… / though some of the details may be complicated… / as much as possible*…[Morgan, 1838]. Как правило, эти замечания выделяются запятыми, что создает определенную ритмическую организацию изложения, то способствуя последовательному восприятию материала, то нарушая его, тем самым подчеркивая главное и удерживая внимание читателя. Научные трактаты Августа де Моргана могут быть хорошей иллюстрацией экспрессивного синтаксиса, изучению которого посвящены работы О.В. Александровой [Александрова, 1984]. Для отражения позиции автора и упрощения излагаемых идей используются образные фрагменты, создаваемые введением предложений, отсылающих к другим отраслям знаний. *That good plants of such a species require the warmth of mysticism and superstition in their early growth is not a rule of absolute generality. / A handful of dice, or even a single pack of card, may have its combinations exhausted by a moderate degree of industry…* [Morgan, 1838]. Интересно обратить внимание на употребление слова *industry* в еще старом значении (в дальнейшем изменения в семантике этого слова будут рассмотрены подробнее).

Вильям-Роуан Гамильтон (1805-1865) изобрел новые исчисления. Занимательна история этого открытия. В течение многих лет Гамильтон стремился найти символическое отображение для трехмерного пространства, аналогичное тому, которое мнимые числа дают для плоскости. Однажды (16 октября 1843 года) он прогуливался с женой по берегу королевского канала в Дублине. Во время прогулки к нему пришло решение задачи. Гамильтон вырезал его перочинным ножом на камне моста Брума в виде формулы: i2=j2=k2=ijk= -1. Спустя месяц ученый сделал доклад в Ирландской королевской академии. В отличие от текстов А. де Моргана тексты В.Р. Гамильтона имеют строгую структурную организацию и лаконичный стиль. Характер изложения напоминает современные работы научного дискурса: нейтральность, отстраненность автора, безличность повествования. Употребление личных местоимений *we* и *I* обусловлено скорее следованием уже сформировавшимся стандартам научного стиля или личным опытом автора (*The manner in which I have deduced it... / I shall continue to call… / I observe… / I am going to shew…*) [Hamilton, 2001].

В 1815 году Вильям Смит (1769-1839) издал геологическую карту Англии, охарактеризовав пласты по содержавшимся в них ископаемым. Его работа, посвященная описанию почв, интересна и с точки зрения языка. С одной стороны, трактат соответствует сложившимся к тому времени стандартам. Так, автор предпочитает деперсонификацию

изложения, часто употребляя пассивный залог, синтаксические конструкции со сложным подлежащим. *In some places* ***it appears to be covered with*** *Brickearth.* / ***Shells are found perfect*** *in this sort…* / ***Oysters****, of various sorts, found plentifully in the Strata over Chalk,* ***seem to define the course*** / *…which are considered to be alluvial…* [Smith, 1916]. С другой же – стиль изложения напоминает неспешную беседу, в которой автор предстает как человек, уважительно относящийся к собеседнику и восхищающийся искусством Природы, олицетворяя ее. ***Nature furnishes the clue*** *to each of these sciences, and to the most extensive application of their benefits.* ***She*** *had also given the Farmer other more easy helps, to much of the useful knowledge he requires* [Smith, 1916]. Он стремится уйти от сухой научности, сделав повествование легким для восприятия. *The order of nature which is shown by my discoveries, suggests the outline of the work …* / *The Sand lies next the Chalk, and the clay over that forms insular hills* [Smith, 1916]. Как следствие, в работе употребляются короткие предложения и стилистически-маркированная лексика (превосходная степень прилагательных, метафоры – *trifling exceptions, insular hills* и т.д.). *This thick Stratum <…> and most abundant in its environs /* ***The greatest length****… /* ***The greatest breadths****… /* ***The most extensively useful*** *part of this science…* [Smith, 1916]. В. Смит представляет читателя, которому адресованы результаты его исследований. *In the present state of our knowledge of these Strata, and the shells they contain, any attempt at a minute division of them, seems, therefore, more likely to perplex, than instruct* ***the reader****.* / ***Farmers, by whom*** *the advantages of this science must be carried into effect; and while the theory is in the possession* ***of one class of men****, and the practice in* ***another, who*** *have little or no connexion, it is greatly to be feared, that the culture of land may long remain without its expected benefits from Chemistry* [Smith, 1916].

Выдающимся ученым первой половины XIX века является Майкл Фарадей (1794-1867). Главным открытием М. Фарадея стало явление магнитной индукции в 1831 году, что нашло применение в технике (превращение механической энергии в электрическую). Важно подчеркнуть, что новое мышление, новое философское восприятие, не совсем согласующееся с существовавшими и господствовавшими тогда научными стереотипами, привело его к революционному открытию.

Английский физик Джеймс-Прескотт Джоуль (1818-1889) занимался изучением законов развития теплоты в электрическом токе. Допуская пропорциональную зависимость между количеством теплоты и работой, он сделал ряд опытов (1843-1845) и получил число 425 килограммометров, то есть почти точно такую же величину, какая принята

в наше время. Кроме того, его имя обозначает единицу измерения в физике (Джоуль – количество теплоты).

Среди наиболее значимых ученых середины XIX века можно назвать Дж. Сильвестера (1814-1897), которому математика обязана многими техническими терминами, включая «инвариант» (*invariant*) и «дискриминант» (*discriminant*), ставшими неотъемлемой частью современной математики и имеющими такую же понятийную трактовку. Он также интересовался классической поэзией и ритмически организовывал текст научных работ («*That is to say, there will be four classes, extensile even, extensile odd, contractile even and contractile odd*» [Sylvester, 1973]).

Невозможно не упомянуть и Джорджа Буля (1815-1864), автора булевой алгебры и логики, суть которой состоит в сведении всех высказываний к «истинным» и «ложным». В дальнейшем данный механизм мышления стал основой системы двоичного исчисления, базовой при создании компьютеров.

Вильям Томпсон (впоследствии лорд Кельвин, 1824-1907) изобрел аппарат для отправки и приема телеграфных сигналов, ему также принадлежит изобретение многих инструментов, позволяющих производить более точные измерения, как в лабораторных условиях, так и в повседневной жизни. Его имя стала носить единица измерения термодинамической температуры (К – Кельвин).

Вышеперечисленные открытия – это малая часть достижений первой половины XIX века, демонстрирующих и ряд новых тенденций: наука перестала быть достоянием только академий, университетов и сообществ ученых. В Англии особую позицию занимают научные общества Оксфорда и Кембриджа. Однако там сохраняется своего рода «избранность» науки как привилегии ограниченного и небольшого числа отдельных мыслителей, что отражается на стилистике научных работ. Многие научные гипотезы благодаря экспериментальному обоснованию находят подтверждение. Пересматриваются старые работы, существующие данные уточняются опытным путем с помощью новых приборов. Промышленный прогресс подталкивает к практическим исследованиям.

Естественно, что пересмотр существовавших научных истин и проверка известных результатов требовали от ученого умений и навыков в отстаивании своих идей. Как следствие, б**о**льшую значимость приобретает необходимость доказывать новую точку зрения, отходя от старых стандартов. Возрастает роль ученого как языковой личности. Наука связывается с формой общественного сознания. Индивидуальные картины мира отдельных ученых объективируются в виде научных

текстов, представляющих собой отдельные фрагменты научной картины мира, которые, соединяясь, формируют единую языковую картину мира.

Научные общества предлагают другую модель обмена взглядов: дискуссию, обсуждение. В научных текстах появляются новые способы отстоять свою правоту и убедить в ней читателя. Ч. Дарвин широко использует риторические вопросы, вопросно-ответные комплексы в своих трудах: *... we must admit that many domestic breeds must have originated in Europe; for whence otherwise could they have been derived? So it is in India* [Darwin, 1859]. Ученый мир перестает быть изолированным, ряд авторов, как было показано выше, выбирают стиль «беседы»(*chatty style)* или используют в своих работах элементы разговорной речи. Они выступают как прекрасные стилисты, ораторы, искусно владеющие языком и делающие свои выступления и произведения привлекательными. В их текстах широко используются эмоционально-экспрессивная лексика (*memorable example, excellent example, the brilliancy of the discharge, the most beautiful machinery, analytical beauty and power*) и метафоры, преднамеренно сокращающие расстояние между автором и читателем (слушателем). Их научные работы становились занимательными и интересными, что способствовало популяризации их научных позиций и науки в целом.

Наука становится авторской, личность ученого оказывается не менее значимой, чем его открытия. Многие открытые величины и понятия, как отмечалось выше, получают названия в честь ученых (Джоуль, Келвин, Булевая алгебра). Практическое применение результатов фундаментальных исследований способствует появлению «научно-популярных работ» (Д. Буль «The Right Use of Leisure», «The Social Aspect of Intellectual Science», Б. Пирс «American Almanac and Repository of Useful Knowledge», С. Ньюкомб «Popular Astronomy»), целью которых является ознакомление все большего числа образованных людей с новыми научными идеями (иногда для этого используется жанр обращения / addresses).

Увлечение естествознанием приводит к желанию некоторых ученых применить методы исследования и систематизации точных наук в гуманитарной сфере (Г. Спенсер «The Philosophy of Style», Д. Сильвестр «The Laws of Verse Or Principles of Versification Exemplified in Metrical Translations»).

Авторы цитируемой выше «Истории XIX века» обосновывают такие достижения в науке новым мировоззрением, оформившимся в философское течение – положительную философию О.Конта, которая «всегда останется ценным памятником состояния научных идей того

периода …» [История XIX века, 1938, т. 4, с. 196]. К ее достижениям относят классификацию теоретических наук, изложение научного метода в разных его формах, разработку закона «3-х стадий» (теологической, метафизической и позитивной). Позитивная стадия, в частности, подразумевает необходимость переоценивать априорные понятия, подтверждая их или ставя под сомнения.

В середине XIX века одним из главных вопросов была проблема пропаганды образования. Абстрактные теории высшего образования надо было изложить в учебниках для среднего образования. Открытия первой половины века увеличивали объем обязательного для изучения материала. В программе среднего образования появлялось все больше предметов. Многочисленность новых идей и открытий диктовала необходимость изложения их в более сжатой форме и, по возможности, в наименьший промежуток времени. Рост числа практических открытий и их применения стал причиной возникновения проблемы «перегруженности» учебного курса. Появляется опасность разрыва между фактическими знаниями и глубокими научными теориями. Однако в Англии существовал широкий выбор приемов и методов в образовании, разнообразие учебных учреждений с их собственной системой преподавания помогало приспособиться к новым требованиям.

Развитие науки и техники отразилось в лексической системе английского языка. В своей книге «The Adventure of English» М. Брегг пишет: *«…in 1851, at the Great Exhibition, the English language showed the world what it had made of the machine age. A new vocabulary was on display»* [Bragg, 2011, с. 225]. В относительно широкое употребление входят научные слова-термины *steam-vessel, reservoir, eduction pipe, siphon, power-looms, electro-plating, self-acting mills, wireless*. М. Брегг приводит ряд слов из разных областей естественных наук с указанием года, когда слово впервые было употреблено: *diphtheria* 1857, *morphology* 1828, *paleontology* 1838, *ethnology* 1842, *silicon* 1817, *caffeine* 1830, *centigrade* 1812, *electron* 1891, *bacterium* 1847, *symbiosis* 1877, *kleptomania* 1830, *claustrophobia* 1879 и т.д. [Bragg, 2011, с. 226-227]. Он также отмечает возрастающее употребление слов из греческого и латыни, иногда через французский язык (*opus, ego, sanatorium, aquarium, referendum*), которые вошли в повседневный язык городских жителей. Наряду с лексемами активно используются в словообразовании отдельные морфемы: префиксы (*antropo-, bio-, neo-, poly-, tele-*) и суффиксы*(-ize , -ogy, -morphy, -gram*) [Bragg, 2011, с. 227].

Некоторые слова изменяют свою семантику и приобретают современное значение. Так, *industrious* присутствовало в языке с1566 как *усердный, умелый*, *industrial* употреблялось для разграничения выра-

щенных людьми и выросших в природе фруктов. В 1776 А. Смит пишет о «*funds destined for the maintenance of industry*» [Bragg, 2011, с. 228], употребляя слово уже в ином значении (*the production of goods for sale, especially in factories, or of materials that can be used in the production of goods* и, соответственно, *the people and organizations that work in industry*) [LDELC, 2003, с. 673]. К 40-ым годам именно это значение стало основным (*national industries, leaders of industry, industrial revolution*, а *industrialism* характеризовал новый уклад общества). Оксфордский словарь приводит ряд примеров употребления слова в новом значении, датируемых серединой века: в 1844 – *The anarchy of civilized industrialism*, 1869 – *Poet sang of a golden age returned and they hymned industrialism in exquisite language* [OED, 1933, с. 236]. Именно измененное в середине XIX века значение слова стало основным в современном английском языке.

В XIX веке английский постепенно становится международным языком науки и техники. М. Брегг приводит любопытный факт, что с 1750-го по 1900-й год половина всех материалов по промышленным инновациям и естественным наукам издавалась на английском [Bragg, 2011, с. 227].

Новый облик языка менял в свою очередь мышление людей, оно становилось механистическим. Большое число молодых людей в конце XIX века выбирали сферой своей деятельности естественные предметы (биологию, химию, физику, математику), которые были популярными и считались передовыми.

В заключение обратим внимание на то, как понималась научная деятельность и наука в популярных энциклопедических словарях, изданных на рубеже XIX–XX веков в России.

Энциклопедический словарь Ф.Ф. Павленкова (1-ое издание – 1899 год, 2-ое – 1905 год) приобрел известность благодаря простой манере изложения и умеренной цене. Он был нацелен на широкие слои населения. В предисловии к первому изданию автор подчеркивает, что его субъективность касается только отбора трактуемых понятий и лексических единиц, объяснения же, по его мнению, в высшей степени объективны, так как «при толковании основное внимание обращалось на фактические данные» [Павленков, 1905, с. 0], причем выводы из них предоставляется делать самому читателю. Позиция Ф.Ф. Павленкова отражает отношение ко всему процессу приобретения и обмена знаниями, суть которого состоит в том, чтобы дать максимальное количество достоверных фактов, тогда читатель сам сформирует свое собственное мнение в результате логических умозаключений и личного видения предмета рассмотрения.

Ф.Ф. Павленков выделяет «две большие группы» наук: опытные / эмпирические и философские / умозрительные. Автор делит знания (а по данному им определению наука – это знание) на практические, получаемые опытным путем, и абстрактные, работающие на умозрительных рассуждениях. Научная истина воспринималась как «истина, добытая строгим научным путем изучения» в противопоставление «врожденной, данной откровением» [Павленков, 1905, с. 1454]. Повествуя о классификации наук, Ф.Ф. Павленков уточняет, что она весьма разнообразна. В качестве примеров даются классификации древних греков на логику и этику; деление, предложенное Ф. Бэконом, на историю, философию и поэзию. Важно замечание, сделанное относительно Ф. Бэкона, который называется «первым систематизатором человеческих знаний» [Павленков, 1905, с. 1454]. В статье также кратко изложены позиции «французов» и О.Конта, основного представителя позитивизма. Заключительная фраза статьи очень важна, так как она отражает в целом отношение к научному знанию: «все эти классификации наук искусственны, не точны и не имеют серьезного значения» [Павленков, 1905, с. 1454]. Это подтверждает три базовых положения, о которых говорилось: неприятие ничего как истины, стремление доказать все практически или посредством точных, систематичных умозаключений. Множественность мнений, подходов в рамках строгой научной методологии способствовали быстрому росту науки.

Другое определение представлено в словаре Брокгауза и Эфрона. Автор статьи о науке В.С. Соловьев, и толкование понятия «наука» дано с его позиций, которые не были близки натурфилософии. Он пишет: «Наука – в широком смысле совокупность всяких сведений, подвергнутых некоторой умственной проверке или отчету и приведенных в известный систематический порядок <…> В более тесном смысле из области Н. исключаются, с одной стороны, все чисто фактические и технические сведения и указания, а с другой стороны – все чисто умозрительные построения, и она определяется как объективно-достоверное и систематическое знание о действительных явлениях со стороны их закономерности или неизменного порядка» [Энциклопедический словарь, 1897, с. 506]. В.С. Соловьев сужает это понятие, исключая практические сведения, главное – «умственная проверка», работа разума, логики по систематизации и обобщению фактов, подготовки обоснования и признания их универсальности, что совпадает с позицией Ф.Ф. Павленкова. Интересно замечание, сделанное в заключении статьи: «В XIX в., после разочарования в натурфилософии Шеллинга и панлогизме Гегеля, большинство прогрессивных научных деятелей попало под влияние материалистической метафизики, которой

невольно подчинялись и приверженцы французского позитивизма. В последние десятилетия замечался поворот к более глубокому и многостороннему объединению философии и науки, результат которого еще не выяснился» [Энциклопедический словарь, 1897, с. 506]. Таким образом, философ намечает возможные пути развития научной мысли в XX веке. Он подчеркивает основополагающую и решающую роль ученого как носителя определенных взглядов и создателя мировоззренческих концепций.

В XIX веке происходила смена *картины мира* под влиянием деятельности ученых и их работ, в которых прослеживаются две тенденции: объективное изложение фактов и доказательство их логической связи, позволяющей сделать соответствующие выводы; и создание выразительных авторских текстов, посредством языковых средств побуждающих читателя разделить точку зрения автора. Новая понятийная картина, сформировавшаяся к рубежу веков благодаря исследовательской и просветительской деятельности ученых-реформаторов, создала новый тип языковой личности, автора – ученого, стремящегося донести свои идеи в наиболее понятной и доступной форме. Научная картина мира, сформировавшаяся к середине XIX века, предопределила развитие общества в XX веке.

Литература

Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале англ.яз. М., 1984.

Вежбицкая А. Семантические универсалии в описании языков. М., 1999.

История XIX века. Под.ред. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 4,6,8.

Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. М., 2001.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М., 1997.

Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997.

Манерко Л.А. Английская научная речь: этапы формирования // Вестник Моск.ун-та. Сер. 22. 2010. № 1.

Ольшки Л. История научной лит-ры на новых языках. М.-Л., 1933. Т. 1,2,3.

Павленков Ф.Ф. Энциклопедический словарь. СПб., 1905.

Разинкина Н.М. Развитие языка английской научной литературы: Лингвостилистическое исследование. М., 1978.

Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.

Шабес В.Я. Событие и текст. М., 1989.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1897. Т. 40.

Языковая личность:От слова к тексту. На материале англоязычного дискурса. М., 2013.

Ярцева В.Н. Научно-техническая революция и развитие языка // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М., 1977.

Bragg M. The Adventure of English. New York, 2011.

Darwin Charles R. The Origin of Species by Means of Natural Selection. [Электронный ресурс]. URL: http://www.literature.org/authors/darwin-charles/the-origin-of-species-6th-edition/

Hamilton W.R. Theory of systems of rays. [Электронный ресурс]. URL: http://www.emis.de/classics/Hamilton/PtFst.pdf

Lakoff G. Cognitive Linguistics. [Электронный ресурс]. URL: http://www.en.wikipedia.org/wiki/George_Lakoff

Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow, 2003.

Morgan A. De An essay on probabilities, and their application to life contingencies and insurance offices. [Электронный ресурс]. URL: http://books.google.ru/books?id=NtA3AAAAMAAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false

The Oxford English Dictionary. Oxford:University Press, 1933. Vol. V.

Smith W. Strata identified by organized fossils. [Электронный ресурс]. URL: http://gsahist.org/biographies/002StrataOrganizedFos.htm

Sylvester J.J. The collected mathematical papers. [Электронный ресурс]. URL: http://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=umhistmath;idno=AAS8085.0003.001

ПРИВАТНОСТЬ ЧАСТНОГО ПИСЬМА И ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО ОПУБЛИКОВАНИЯ: ПРАВОВОЙ И ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Н.А. Каленова

Ключевые слова: частное письмо, авторское право, приватность, коммуникация.

Keywords: private letter, copyright, privacy, communication.

Интерес к эпистолярию в современной лингвистике можно объяснить несколькими взаимообусловленными факторами. Во-первых, внимание к человеку говорящему, идущее от идей Л.В. Щербы, В.фон Гумбольдта и др., становится все более пристальным «в наши дни у тех исследователей, которые через посредство языка ищут познания Человека» [Звегинцев, 1984, с. 363]. В этом смысле источники личного происхождения, к числу которых принадлежит частное письмо, – бесценный материал, один из наиболее неопосредованных способов письменного выражения особенностей языковой личности.

Во-вторых, становится все больше публикаций писем, и не только известных людей. Например, публикация писем участников Великой Отечественной войны, кроме патриотического воспитания общества, пытающегося осознать проявившиеся в дни тяжелых испытаний осо-

бенности характера своего народа, составляет документальную, многомерную картину эпохи, которая «представляет для исследователей самостоятельный интерес» [«Я ведь действительно историк»…, 2012, с. 93]. Публикации отражают жизнь и рядового солдата [Живые строки войны, 2005], и тех, кто был в тылу [«Здравствуй, Ваня!»…, 2007]. Важными оказываются вопросы национального самосознания [«Сохрани мои письма», 2007; Они сражались за Родину, 2005; Будницкий, 2010 и др.]. Отдельными изданиями выходят сборники писем определенной группы людей [От пушек к науке…, 2008] или одного человека [Зорина, 2008; Курапова, 2008]. Таким образом, начало XXI века характеризуется все большим количеством изданий, в которых опубликованы частные письма.

В-третьих, эпистолярий оказался малоизученным материалом лингвистических изысканий, что связано с разного рода причинами, одна из которых – отсутствие четких критериев к выделению группы источников. Признавая этот факт, ученые рассматривают частное письмо в том или ином аспекте, дополняя знание об этом сложном коммуникативном явлении (Подробнее в обзорах: [Белунова, 2000, с. 13–15; Курьянович, 2013*а*, с. 3–5; Курьянович, 2013*б*, с. 16–18; Каленова, 2013 и др.]. Таким образом, несмотря на все более пристальное внимание к частному письму, проблем для лингвистического изыскания еще очень много.

Частное письмо представляет текст [Нижникова, 1991], доминантной категорией которого признается диалогизация, являющая собой «высшую степень проявления диалогичности, поскольку отражает не только ориентированность речи на адресата (адресованность), но и двуначалие ее, проявляющееся в виде ответа на письмо адресата» [Белунова, 2000, с. 332]. Как динамическая коммуникативная система, частное письмо занимает промежуточное положение между разговорной и книжной речью, структурируется специфическими речевыми формами и формулами речевого этикета, имеет общий принцип структуры коммуникативного акта, объективирует результаты авторской интерпретации реалий окружающей действительности, учитывает фактор адресата, реализует намерение адресанта к коммуникации и коммуникативную стратегию иллокутивного акта особого типа [Ковалева, 2001, с. 160]. Выделяют также такие признаки частного письма как политематичность [Курьянович, 2013*б*, с. 72 и др.], многофункциональность [Козлова, Кушнина, 2012, с. 302] и др. С позиций когнитивистики письмо рассматривается как дискурс [Гусева, 2003; Курьянович, 2013*а*; Фесенко, 2009; Забабурова, 2002; Фокина, 2010 и др.]. Лингвоперсонологический подход к исследованию эпистолярия выяв-

ляет особую роль языковой личности автора письма [Курьянович, 2013*б*, с. 169; Кормилицына, 1996; Сапожникова, 2005; Фокина, 2010 и др.]. Таким образом, при отсутствии единого всеобъемлющего определения такого явления как частное письмо разноаспектные исследования выявляют его характерные признаки.

Одним из основных признаков частного письма является интимность, или приватность, коммуникации, то есть изначальная адресованность одному, реже – большему количеству коммуникантов. В том случае, если уже изначально, по замыслу автора, этот признак нарушен, можно говорить о стилизации художественного произведения, созданного по некоторым жанровым «правилам». Так, «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя нельзя отнести к личной переписке: автор подготовил эти записи к публикации, преобразуя тексты личных писем, возвращенных ему корреспондентами, тексты черновиков: «*Я как рассмотрел все то, что писал разным лицам в последнее время, особенно нуждавшимся и требовавшим от меня душевной помощи, вижу, что из этого может составиться книга, полезная людям, страждущим на разных поприщах...*» (Н.В. Гоголь Н.М. Языкову, 21 апреля 1846 года) [Гоголь, 2009, с. 543]. Автор, чувствуя важность той информации, которая заключена в письмах, подготовил тексты к публикации, а не опубликовал их в том виде, в каком они были написаны конкретному адресату.

Приступая к публикации писем великих художников слова, деятелей культуры, общественных деятелей, ученые неизбежно сталкивались с вопросом об этичности публикации личной переписки. В свое время позиция ученых была сформулирована четко: «...публикация личных писем выдающихся деятелей прошлого стала общепризнанным фактом, и никто уже не видит здесь какого-либо нарушения юридических или этических норм, праздного любопытства или самоуправного вмешательства в авторскую волю... Что бы ни говорили противники публикации личной переписки, можно утверждать, что это потребность науки и широких масс читателей» [Прохоров, 1964, с. 16]. Впрочем, Д.С. Лихачев, обосновывая понятие «воля автора» как один из основных научных критериев в признании текста художественного произведения основным, резюмирует: «Я думаю, что вопрос о воле автора следовало бы обсудить более внимательно, чем это делалось до сих пор» [Лихачев, 1965, с. 160].

Правовому и этическому аспекту публикации писем А.С. Пушкина в историческом разрезе были посвящены страницы предисловия, в котором Б.Л. Модзалевский подробно описывает не только этапы публикации писем великого поэта, но и отношение современни-

ков, близких людей Пушкина к публикации его писем в разные периоды [Пушкин, 1926, с. VI–XLII]. Приведем лишь интересное с точки зрения рассматриваемой нами проблемы мнение Г.А. Пушкина: «*Эти письма, написанные отцом моим в ранней его молодости, – письма совершенно домашние и семейные. Произвольное издание их в свет есть совершенное нарушение всякого приличия и самого Цензурного Устава, коим разрешается (ст. 268) печатать частные письма, не предназначавшиеся для публики, не иначе, как с совокупного согласия тех лиц, коими они писаны и к кому писаны, или, в случаях их смерти, с согласия их наследников*» (цит. по: [Пушкин, 1926, с. XIII–XIV]. В словах Г.А. Пушкина имеет место апелляция как к правовому аспекту проблемы (ссылка на ст. 268 Цензурного Устава), так и к этическому («*совершенное нарушение всякого приличия*»).

Обратим внимание, что Цензурный Устав 1828 года с поправками в его Положение «О правах сочинителей, переводчиков и издателей» от 1857 года, действовавший на момент первых публикаций писем А.С. Пушкина (1858), содержал пункт 293, гласивший: «*Частные письма, не предназначавшиеся для публики, могут быть издаваемы в свет* ***токмо*** *с совокупного согласия, как того лица, ком они писаны, так и того, к кому писаны; в случае же смерти их обоих, или одного кого-либо, с согласия наследников*». «В 1830 г. было утверждено новое Положение о правах сочинителей, переводчиков и издателей, которое значительно дополнило правила 1828 г., решив вопросы об охране статей в журналах, частных писем, хрестоматий и т.д.» [Свечникова, 2009, с. 9]. Следует предположить, что срока, по истечении которого письма становятся общественным достоянием, Устав не устанавливал и не предполагал. Соответственно, публикация частных писем без согласия участников переписки или их наследников была незаконной.

Воля автора писем признается приоритетной. Воля автора выступает связующим звеном и в правовой, и в нравственной основе публикации частных писем.

О судьбе писем в той или иной форме высказывались многие выдающиеся деятели культуры и искусства. Так, И.А. Гончаров последовательно разграничивает правовой аспект и этический. Юридически решение о публикации писем, как и любого другого документа или произведения, могут принять лишь наследники автора. Гончарова более волнует, что «*по законам нравственного права, по чувству справедливости, принадлежит ли и должно ли принадлежать такое право и близким лицам, законным наследникам умершего лица <…> Право же издания писем должно оставаться навсегда за самим автором <…> Ратуя за соблюдение приличий в отношении к живым и к*

воле усопших, я не претендую на безусловное разделение моего взгляда, но искренно желаю (а со мной и очень многие, смею уверить), чтобы вопрос о печатании частной переписки был глубоко обдуман и решен в удовлетворительном для всех сторон смысле. <…> Я указываю выше и средство не становиться в щекотливое положение нарушителей их воли: это – не объявлять писем и бумаг преждевременно, по крайней мере, пока еще живы современники автора и корреспонденты, и потом не всегда целиком, а печатать в извлечениях, выписках, те письма, которые, кроме общеинтересного, изобилуют интимными и семейными подробностями» [Гончаров, 1952, с. 194–195].

Из своих писем Гончаров завещал «*не печатать ничего, что я не напечатал, или на что не передал права издания и что не напечатаю при жизни сам*» [Гончаров, 1952, с. 181]. Несмотря на это, письма И.А. Гончарова опубликованы, как и письма И.А. Бунина, который также четко выразил свою волю: «*Все мои письма (ко всем, кому я писал во всю мою жизнь) не печатать, не издавать*» [Бунин, 1967, с. 480].

Как видим, воля автора не всегда учитывалась при принятии решения о публикации писем. Это обусловлено тем, что на весах оказываются, с одной стороны, воля автора (или отсутствие четкого распоряжения судьбой источников личного происхождения), а с другой, – значимость материалов для научных изысканий. Обосновывая важность публикации эпистолярия, Н.В. Яковлев резюмирует: «Полное собрание писем образует основу и для биографии, и для истории творчества» [Салтыков-Щедрин, 1924, с. III].

Не углубляясь в историю авторского права в России [Чупова, 2004; Свечникова, 2009 и др.], отметим, что, несмотря на фрагментарное обращение к правовому статусу частного письма [Попов, 1913; Красавчикова, 1979; Кисилева, 2006 и др.], правовые проблемы обнародования частных писем не получили должного внимания, к которому в 1910 г. призывал А.Ф. Кони [Кони, 1969]. В связи с тем, что «главное содержание писем и дневников – события личной жизни» [Кони, 1969, с. 288], «надо же хоть в этой сокровенной области оставить его в покое, когда он сам не заявляет желания поделиться роптанием своей души <…> с праздной толпой» [Кони, 1969, с. 295].

Можно сказать, что обращения юристов к правовому статусу письма содержат комментарии существующего законодательства, как например, в статье [Попов, 1913], посвященной анализу нормативно-правовой базы авторского права в редакции 15 марта 1911 года, или возможные решения проблемы правового статуса частного письма. Так, А.Ф. Кони считал, что «правильнее всего было бы признать, что

частные письма, не предназначавшиеся к напечатанию, не составляют предмета авторского права и, во всяком случае, могут быть изданы в свет лишь с обоюдного согласия писавшего и получателя» [Кони, 1969, с. 291]. Срок, по истечении которого можно было бы (в случае имеющейся на то воли автора) опубликовать письма, должен быть более чем 50 лет, так как за это время могут быть еще живы родственники, дети или внуки автора, корреспондента, третьих лиц, упомянутых в письме, поэтому публикацию писем «можно допустить лишь тогда, когда это не может задеть, уязвить или возмутить ничьих личных чувств» [Кони, 1969, с. 292]. Таким образом, экскурс в историю авторского права подчеркивает актуальность

В современном правовом пространстве существует Часть IV Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)[1], охраняющая результаты интеллектуальной деятельности. Частное письмо не входит в перечисленные в статье 1225 ГК РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» объекты авторского права. Ст. 1259 ГК РФ содержит более подробный перечень объектов авторского права, уточняя: «…и другие произведения».

В свою очередь, п. 3 ст. 1259 ГК РФ определяет: «Авторские права распространяются как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, выраженные в какой-либо объективной форме, в том числе в письменной, устной форме (в виде публичного произнесения, публичного исполнения и иной подобной форме), в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме».

Итак, частное письмо, официально не являясь объектом авторского права, практикой применения нормативного акта приравнивается к иным письменным результатам речемыслительной деятельности личности.

На одном из сайтов, представляющем собой виртуальную библиотеку, есть особый раздел, посвященный авторскому праву: «*Мы чтем закон об авторском праве. В последней редакции которого, свободное использование произведений возможно через 70 лет после смерти автора (за исключением некоторых случаев)* (Печатается в авторской орфографии и пунктуации. – *К.Н.)*» [Авторские права, URL]. Далее указано, что из всех материалов, которые могли бы быть размещены на данном сайте, его авторы, зная позицию сына В.С. Высоцкого,

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая), от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 23.07.2013) (с изм. и доп., вступающими в силу с 01.09.2013). [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/popular/gkrf4/

оставили только тексты песен, так как позиция правообладателя относительно текстов песен им не известна. Также на «свой страх и риск» [Авторские права, URL] размещен на сайте текст романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита», который «*опубликован после смерти автора в 1968 году... Там много юридических моментов, но в итоге, в общественное достояние он перейдет в 2039 году. Мы надеемся, у родственников-правообладателей хватит мудрости не начинать кампанию удаления его текста из Интернета*» [Авторские права, URL].

Кроме того, авторы сайта объяснили отсутствие материала, в том числе и писем, в некоторых разделах, посвященных отдельным поэтам и прозаикам. Так, Н. Гумилев умер в 1921 году, а его реабилитация датируется 1991 годом. Согласно закону об авторских и смежных правах, 70 лет, через которые произведения поэта и мыслителя перейдут в общественное достояние, следует отсчитывать от даты реабилитации. «*В один прекрасный момент родственники-правообладатели решили, что стихам Гумилева в интернете не место. Началась кампания по удалению его текстов со всех сайтов. В том числе и нам, как добропорядочным гражданам, пришлось удалить его произведения*».

Размышляя о влиянии закона об авторском праве и смежных правах на развитие культуры, авторы сайта резюмируют: «*Вполне возможно в союзе писателей, в литературном институте вести список авторов, по кому официально можно публиковать материалы в Интернете. Мы уверены, все российские электронные библиотеки поддержат подобную инициативу. Это серьезно облегчило бы работу*». Подчеркнем, данный электронный ресурс – один из немногих, настолько серьезно отнесшихся к правовому аспекту публикации материалов.

Таким образом, частное письмо становится в один ряд с художественным произведением. Если считать письмо, именно частное, а также мемуары, дневники, записки и т.д. произведениями, тогда закон распространяется на эти источники личного происхождения. Но возникает вопрос: правомерно ли уравнивать художественное произведение, созданное для обнародования, и источник личного происхождения, созданный как автокоммуникация, изначально не предполагающий обнародование иногда даже для самых близких.

П. 3 ст. 1259 ГК РФ устанавливает, что охрана авторским правом предоставляется с момента, когда результат творческой деятельности гражданина (произведения) будет выражен в какой-либо объективной форме. Объективная форма – это форма существования произведения во внешнем мире (материальная форма). Более того, для признания

произведения, выраженного в объективной форме, объектом авторского права не имеет значения способ выражения.

В случае, если на частное письмо действительно распространяется нормативная база, представленная в Части IV ГК РФ, то «исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора». Закон предусматривает: «Если автор произведения был репрессирован и посмертно реабилитирован, срок действия исключительного права считается продленным и семьдесят лет исчисляются с 1 января года, следующего за годом реабилитации автора произведения» (п. 4 ст. 1281 Ч. IV ГК РФ). А также: «Если автор работал во время Великой Отечественной войны или участвовал в ней, срок действия исключительного права, установленный настоящей статьей, увеличивается на четыре года».

П. 3. ст. 1268 ГК РФ учитывает волю автора: «Произведение, не обнародованное при жизни автора, может быть обнародовано после его смерти лицом, обладающим исключительным правом на произведение, если обнародование не противоречит воле автора произведения, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном)».

«По истечении срока действия исключительного права, – указывает п. 1 ст. 1282 ГК РФ, – произведение науки, литературы или искусства, как обнародованное, так и необнародованное, переходит в общественное достояние». И далее: «Перешедшее в общественное достояние необнародованное произведение может быть обнародовано любым лицом, если только обнародование произведения ***не противоречит воле автора*** (выделено нами. – *К.Н.*) , определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном)» (п. 3. ст. 1282 ГК РФ). Итак, обратим внимание на особую роль воли автора как одного из основных критериев в правовом аспекте публикации писем.

Обратимся далее к ст. 137 Уголовного Кодекса РФ[1] (УК РФ), обеспечивающей реализацию конституционного права гражданина РФ на неприкосновенность частной жизни, которое закреплено в ст. 23 и 24 Конституции РФ. По ст. 137 УК РФ преследуются «незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично де-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации, от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014). [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=158516

монстрирующемся произведении или средствах массовой информации». В Определении Конституционного Суда РФ от 9 июня 2005 г. N 248-О указано понятие *частная жизнь*, которая «выражается в свободе общения между людьми на неформальной основе в сферах семейной жизни, родственных и дружественных связей, интимных и других личных отношений, привязанностей, симпатий и антипатий. Частную жизнь составляет распоряжение семейным бюджетом, личной собственностью, денежными вкладами, взаимоотношения в кругу семьи, родственников, друзей и знакомых, религиозные или политические убеждения, действия в соответствии с ними и др.». Сферой существования частного письма является частная жизнь его автора, адресата, третьих лиц, упомянутых в письме.

Ст. 138 УК РФ защищает право гражданина РФ на тайну переписки. Предметом преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ, выступают почтовая или телеграфная корреспонденция, телефонные переговоры, почтовые, телеграфные и иные сообщения. По закону преследуются любые незаконные действия, нарушающие тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений граждан (ч.ч. 1, 2 ст. 138 УК РФ).

Анализ нормативно-правовой базы, существующей на сегодняшний день, показывает, что вопрос о публикации частных писем не имеет четких правовых параметров. Между тем правовой аспект публикации источников личного происхождения приобретает все большую актуальность.

Этический аспект публикации частных писем еще менее изучен. Как справедливо утверждает А.Н. Алексеев, «письменная «эстафета памяти» («память до востребования») нуждается в осмыслении: и как культурная задача общества, и как нравственный императив личности» [Алексеев, 2007, с. 51]. Общественное мнение по анализируемой проблеме на современном этапе можно было бы подвергнуть исследованию, опираясь на материалы различных форумов, как существующих, так и инициированных исследователем. Кроме того, объективные данные могли бы предоставить масштабные опросы. Однако диахронический срез в таком случае невозможен, по крайней мере, затруднен, в связи с тем, что не изучена история отношения к проблеме публикации частных писем в предыдущие годы. Предпринятый в [Архипова, 2012] комплекс экспериментов может представлять интерес для лингвиста, внимание которого сосредоточено на психологической основе источников личного происхождения.

Материал одного из форумов (Про Читать чужие письма // http://lovehate.ru/opinions/10501) позволяет сделать некоторые выводы.

Голосование «за» чтение чужих писем и «против» сопровождалось комментариями участников. Большинство (59%) участников высказалось «за» чтение писем, поясняя, что имеет в виду чтение писем великих людей, людей, которых уже давно нет в живых.

Пользователь Retro пишет 12 мая 2005 года: «*Так. Получается, что я только и делаю, что читаю чужие письма. И с удовольствием ведь читаю! Из последних Чехов, Бердслей, Лиля Брик. В планах Гумилев. И Скотт Фитцджеральд, для меня, как писатель начался именно с писем к своей дочери, а совсем не с «Великого Гетсби». Зачастую именно письма являются лучшим проявлением творчества великих и не великих людей. Да и где еще можно поучиться культуре эпистолярного жанра, как ни в нем самом? Так что читала, читаю, и читать буду. Ведь и мессаги на ЛХ – это маленькие чужие письма. Всем. Себе. Никому*». Та же мысль звучит в сообщении пользователя Shakal (10 мая 2005 года): «*Да это очень полезно бывает как для историков, так и других гумманитариев. В письмах обычно человек душу открывает. Особенно хорошо читать письма знаменитостей и поэтов. Типа Пушкина и пр. Советую почитать переписку Ленина и Зиновьева*».

Попытку развести материал на два пласта предпринимает tanez (12 мая 2005 года): «*Иногда это бывает прикольно. Особенно, если тот, чье письмо читаешь, уже помер. А вот письма живых читать западло, как мне кажется*».

Противники большинства, как можно предположить, выражают свое отношение к обсуждаемой проблеме, имея в виду чтение писем близких людей, знакомых: «*Я презираю тех людей, которые оправдывают чтение чужих писем*» (Lasse, 11 мая 2005 года), «*потому что это подло. Хоть и интересно до жути. Но такова натура человеческая: постоянно хочется залезть не в свое дело, прочитать чужое письмо, посплетничать за спиной и т.д. Противно…*» (Fadde, 20 октября 2001 года).

Как видим, отношение людей к проблеме публикации писем существенно зависит от того, какие письма имеются в виду. Чтение писем выдающихся личностей воспринимается как норма, не осуждается. Интерес к частной переписке знакомых, близких людей в большинстве случаев осуждается как аморальный поступок, низменные проявления худших свойств личности. Подчеркнем, выводы сделаны на весьма небольшом по объему материале.

Говоря о специфике письма, А.Н. Алексеев заключает, что «приватное письмо принципиально не должно быть «прозрачным», а всякая перлюстрация (за исключением специально оговоренных Законом случаев) является посягательством на тайну личной жизни, равно как и не

разрешенное автором и адресатом «чтение чужих писем» подлежит моральному осуждению» [Алексеев, 2007, с. 55]. При этом ученый указывает на особую ценность письма как источника разноаспектных исследований: «В заключение, подчеркнем целесообразность и перспективность специализированного исследования *письма*, для постижения не только природы этого социального феномена и множественности его ипостасей, но и его места и роли в системе человеческой коммуникации и жизни общества, от глубокой древности до наших дней» [Алексеев, 2007, с. 56]. Итак, одним из основных специфических признаков частного письма является его приватность. Эта черта и делает письмо столь информативным для науки.

Современный этап развития интереса к эпистолярию характеризуется рядом нерешенных проблем. Приватность частного письма, особенно ее правовые и этические аспекты, изучены не в полной мере. Воля автора, как представляется, – тот основной критерий, на который следует опираться в обосновании более четкой нормативно-правовой базы, а также точка пересечения правовых и нравственных основ публикации частных писем.

Литература

Авторские права. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lit-info.ru/articles/copyright.htm

Алексеев А.Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4.

Архипова М.В. Психологические свойства и представления, связанные с практикой ведения личного дневника // Вестник русской христианской гуманитарной академии. Т. 13. 2012. № 3.

Белунова Н.И. Текст дружеского письма творческой интеллигенции конца XIX–первой четверти XX века как объект лингвистического исследования (коммуникативный аспект): дис. … д-ра филол. наук. СПб., 2000.

Бухаркин П.Е. Образ адресата в письмах Д.И. Фонвизина из Франции к П.И. Панину // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. истории, яз., лит. 1980. № 20. Вып. 4.

Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта // Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.

Каленова Н.А. О проблемах и перспективах исследования частного письма в современной лингвистике // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2013. № 1.

Киселева Т.А. Устные произведения и частные письма – объекты авторского права в XIX веке // Вестник Костромского государственного технологического университета. 2006. № 14.

Ковалева Н.А.Русское частное письмо XIX века. Коммуникация. Жанр. Речевая структура. М., 2001.

Козлова О.Д., Кушнина Л.В. Эго-текст в культурноречевом пространстве // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4.

Кони А.Ф. Собрание сочинений в 8-ми тт. М., 1969. Т. 7.

Кормилицына М.А. Языковая личность В.В. Виноградова в его письмах жене // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26.

Красавчикова Л.О. Авторское право и право на письма, дневники, записки, заметки // Проблемы советского авторского права. М., 1979.

Курьянович А.В. Динамика жанрово-стилистических особенностей русского эпистолярного дискурса носителей элитарного типа речевой культуры (XX–XXI вв.): автореф. дис. … д-ра филол. наук. Томск, 2013*а*.

Курьянович А.А. Теоретические вопросы изучения эпистолярия в современной лингвистике. Томск, 2013*б*.

Лихачев Д.С. Ответ Б.Я. Бухштабу и Е.И. Прохорову // Русская литература. 1965. № 3.

Нижникова Л.В. Письмо как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1991.

Попов Б.В. Частные письма, не предназначавшиеся к напечатанию // Журнал Министерства юстиции. 1913. № 4.

Прохоров Е.И. Издание эпистолярного наследия // Принципы издания эпистолярных текстов. Вопросы текстологии. М., 1964. Вып. 3.

Сапожникова Н.В. «Авторский голос» как элемент эпистолярно-историософской репрезентации личности (на материалах XIX века) // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 34.

Свечникова И.В. Авторское право. М., 2009.

Фокина К.В. Аксиологическая модель языковой личности в дружеском эпистолярном дискурсе (на материале писем швейцарского писателя XX века Макса Фриша): дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2010.

Чупова М.Д. История авторского права в России XIX в.: дис. … канд. юр. наук. М., 2000.

Источники

Будницкий О. Евреи на войне // Лехаим. 2010. Май, № 5 (217). [Электронный ресурс]. URL: http://www.lechaim.ru/ARHIV/217/217.html

Бунин И.А. Собрание сочинений в 9-ти тт. М., 1967. Т. 9.

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 тт. М, 2009. Т. 6.

Гончаров И.А. Собрание сочинений в 8-ми тт. М., 1952. Т. 8.

Живые строки войны. Екатеринбург, 2005.

«Здравствуй, Ваня!»: как на самом деле жилось в тылу // Родина. 2007. N 5.

Зорина Е.П. Земля забвения: Иван Колос в воспоминаниях и письмах. М., 2008.

Курапова Е.Р. «Что такое Теберда…». Из писем М.В. Мечкиной мужу Д.А. Эпштейну. 1928 г. // Отечественные архивы. 2008. № 4.

Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. М., 2005.

Пушкин А.С. Письма. Труды Пушкинского дома АН СССР. М., Л., 1926. Т. I.

«Сохрани мои письма…». Сб. писем евреев периода Великой Отечественной войны. М., 2010.

От пушек к науке. Воспоминания, дневники и письма участников Великой Отечественной войны – ветеранов Томского государственного университета. Томск, 2008.

Салтыков-Щедрин М.Е. Письма 1845–1889 гг. с приложением писем к нему и других материалов. Ленинград, 1924.

«Я ведь действительно историк». Письма с фронта В.И. Шункова из Отдела рукописей РГБ. 14 декабря 1943 – 9 июня 1945 г. // Отечественные архивы. 2012. № 1.

МОТИВ МАСКИ КАК ОСНОВА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ФОЛЬКЛОРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ТРАДИЦИЙ В «МАЙСКОЙ НОЧИ…» Н.В. ГОГОЛЯ

С.В. Синцова

Ключевые слова: традиции, гендерная проблематика, мотив маски, метаморфозы.
Keywords: tradition, gender, motif of a mask, metamorphosis.

Раннее творчество Н.В. Гоголя оказало серьезное влияние на его дальнейшие художественные находки и достижения. Так, уже в поэме «Ганц Кюхельгартен» и в прозаическом цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» возникает ряд тем, мотивов, которые определят некие «сквозные линии» всего гоголевского творчества. Одна из таких смыслопорождающих доминант, проходящих через все творения писателя – гендерная проблематика, развитие которой особенно интересует автора данной статьи [Синцова, 2011*а*]. Изучение такого рода проблематики неизбежно привело и к необходимости выявить истоки ее появления. Выяснилось, что гендерная проблематика формировалась не только на основе литературных подражаний начинающего писателя («Ганц Кюхельгартен» [Синцова, 2011]), но и выкристаллизовывалась из взаимодействия литературных традиций с фольклорными источниками [Синцова, 2011*б*].

Именно такое взаимодействие (сближение, отталкивание, слияние) позволило Гоголю пережить, ощутить и осмыслить тот собственно художественный потенциал, который обещала гендерная проблематика. Взаимодействие фольклорных[1] и собственно литературных[2] обра-

[1] О фольклорных источниках творчества Гоголя, особенно его «Вечеров…», существует немало исследований. Данной проблеме посвящены работы В.И. Абаева, Ю.А. Барабаша, О.А. Державиной, Е.Е. Дмитриевой, А. Карпенко, В.Ш. Кривоноса, И.П. Лупановой, А.Б. Мартыненко, В. Милорадовича, В. Перетц, В.И. Петрова, Г.И. Чудакова, К. Неверовой, Ф. Елеонского, Н.Л. Степанова, А. Немзера и др. Г.А. Гуковский считал, что выявление такого рода фольклорных источников не столь уж важно для понимания гоголевского цикла, что писателю важнее было передать сам дух фольклора [Гуковский, 1959].

[2] Подробнее о литературных источниках «Вечеров…» в работах Е.И. Анненковой и Н.Е. Крутиковой. Последней удалось увидеть в цикле переклички с украинской литературой. Такая малороссийская литературная традиция, повлиявшая на создание гоголевского цикла, видится исследователям (Л.Б. Мартыненко, В. Гиппиус, Е.В. Дмитриева, В. Перетц, В.А. Розов, О.А. Державина, К.Л. Степанов, В.И. Еремена, П.И. Петров) весьма обширной и глубокой (И.П. Котляревский, П.П. Гулаг-Артемовский, Г.Ф. Квитко-Основьяненко, В.Т. Нарежный).

зов, тем, сюжетов обеспечило разрушение штампов, традиционных сюжетных линий, устоявшихся культурных коннотатов, что веками складывались вокруг представлений о мужском и женском[1]. Чтобы они стали неисчерпаемым и оригинальным источником для творчества начинающего писателя, нужно было найти в них некие новые повороты, скрытые, оригинальные смыслопорождающие возможности. В этом плане «Вечера…» стали для творчества Гоголя тем бесценным опытом долгой и кропотливой работы над художественными аспектами гендерной проблематики, которая определила одно из важнейших направлений всего дальнейшего творчества.

Значительный комплекс фольклорных и литературных традиций, возможных влияний, неких общих культурных ориентиров был «сфокусирован» Гоголем с помощью ряда мотивов и образов, имеющих яркую «гендерную окрашенность». Особенно важной и устойчивой оказалась традиционная для литературы и культуры в целом тема влюбленных, испытаний их чувств. Эта тема стала одним из важнейших «горизонтов» цикла, который в первую очередь обеспечил сложное и длительное взаимодействие собственно фольклорных и литературно-художественных источников в раннем творчестве Гоголя.

Начало развитию этой темы было положено в первой повести цикла «Сорочинская ярмарка», в которой фольклорные образы и мотивы вступали в органическое соединение с собственно литературными на основе некоей «карнавальной» стихии [Синцова, 2011]. В следующей повести «Вечер накануне Ивана Купала» условием взаимодействия литературных и фольклорных влияний на Гоголя стал сюжет о вмешательстве нечистой силы в отношения влюбленных. В этой повести мистические начала разрушили своими кознями счастье влюбленных. Гоголь, видимо, почувствовал, что такого рода «пограничный» сюжет, способный интегрировать фольклорные и собственно литературные мотивы, имеет и другие возможности смыслопорождения. Поэтому замысел «Майской ночи, или утопленницы» сформирован «от противного» к «Вечеру накануне Ивана Купалы».

Здесь потусторонние силы вмешиваются в течение любовной истории с самыми благоприятными последствиями. А в отношениях Ганны и Левко не замешаны ни богатство, ни расчет родителей. Но не только мотивную структуру, композиционное построение «Майской ночи…» тоже можно определить как «зеркальное» по отношению к предшествующей повести. События мира человеческого и мира руса-

[1] Под термином «гендерный» в данной статье будет подразумеваться весь комплекс культурных коннотатов, что закреплен за понятиями «мужское» и «женское».

лочьего только на первый взгляд не соотносимы, развиваются на основе разных интересов (любовь и месть). Пристальное вглядывание читателя обнаруживает общую глубинную закономерность существования обоих миров: и тот, и другой основаны на неких превращениях. Суть таких превращений – в срывании многочисленных личин с подлинной сути персонажей.

Такая игра с масками, «харями» может быть самой разной: от невинного переодевания до грубого или изощренного притворства. Особенно отчетливо череда превращений прослеживается в истории о дочке сотника и ее мачехе. Красавица-жена сотника ночью оборачивается жуткой черной кошкой, оказывается ведьмой. Ее чары и влияние на мужа приводят к тому, что любимую и балованную дочь сотник сначала заставляет работать как мужчину, а потом выгоняет из дома. Утопившаяся панночка превратилась в русалку и сама напала на притеснительницу-мачеху, утащив ее под воду. Но и там ведьма схитрила, превратившись в одну из утопленниц. Разоблачить ее смог лишь Левко, наблюдая за игрой в ворона и цыплят. По поведению, по черноте тела он понял, кто перед ним.

Создавая череду таких преображений, Гоголь в каждом из превращений персонажей угадывает возможности литературного обогащения, «расцвечивая» тем самым новыми смысловыми нюансами и психологическими причинами довольно банальный фольклорный сюжет о злой мачехе, утонувшей падчерице и возмездии за зло. Так, в момент преображения героев Гоголь намечает то возможную сюжетную линию, то особенную характеристику, то яркую деталь, то возможный символический образ. Оставаясь верен первоначальному замыслу цикла, он формирует такого рода «проекты» возможного смыслодвижения на основе срастания фольклорных и литературных традиций. В контексте мотива игры с масками не всегда можно даже различить, какая из этих традиций преобладает или скрывает другую, становясь подобием маски.

Например, явно фольклорного происхождения история о злой мачехе-ведьме, о превращении счастливой дочери сотника в изгнанницу переходит в иную смысловую и стилистическую плоскости в причитаниях-укорах обиженной девушки. На первый взгляд, они выглядят как обычные причитания, близкие народным песням, но содержат и необычные смысловые оттенки, а также мотивировки поступков персонажей, создавая тем самым скрытый «подтекст» хорошо знакомой истории.

Так, первый упрек девушки обращен не к ведьме, а к отцу, нарушившему свое обещание, данное дочери до женитьбы (к сердцу будет

прижимать, серьги и монисты дарить). Так возникает намек, что дочь не может простить сотнику не только не сдержанного обещания, но и то, что он позволил мачехе вытеснить из души отца любовь к дочери. В результате образ девушки обретает скрытый символический оттенок драгоценной части души, которую сотник еще и сам отверг, когда выгнал дочь из дома, отправил в изгнание. Кусок хлеба, который он ей не дал на дорогу – еще один потенциальный символ «голода» по отцовской любви. Не случайно, наверное, Андрий дает воеводиной дочке именно кусок хлеба, а потом его же и отнимает, чтобы не умерла, переев после долгого воздержания от пищи («Тарас Бульба») [Синцова, 2009]. Образ скитающейся части мужской души, воплощенный в панночке, сформировал также скрытую сюжетную линию в повести «Вий» [Синцова, 2010], где сохранились мотивы, связанные с отношениями дочери и ее отца.

Только второй упрек девушки-изгнанницы обращен к ведьме. Но не о ее происках горюет дочь сотника, а о грешной душе отца. *«Погубила ведьма грешную душу твою!»* [Гоголь, 1976, с. 58]. Один из смыслов этой фразы сообщает образу ведьмы символический оттенок: впущенная в душу вместо дочери, она приносит с собой грех. Его символом, очевидно, становится черная кошка, преследовавшая девушку. Отрубленная лапа с железными когтями выглядит в таком смысловом поле как отброшенное притворство якобы любящего отца, который сознательно выбрал греховный путь для своей души. Так возникает еще и перекличка с образом Петруся, добровольно заключившего договор с нечистой силой, отдавшего ей на растерзание «детское» воплощение своей души. Даже ассоциация дочки сотника с Пидоркой едва намечена во фразе *«Прости тебя бог»*. Она напоминает о молитвах молчаливой и иссохшей (без хлеба…) монахини.

Но особенно странным выглядит предположение несчастной девушки, что Бог, видимо, не велит ей жить на белом свете. Как будто это Бог подталкивает ее к самоубийству, и теперь его волю, а не отца, она исполняет, как покорная дочь. «Погубил ты, батьку, родную дочку свою! Погубила ведьма грушную душу твою! Прости тебя бог; а мне, несчастной, видно, не велит он жить на белом свете» [Гоголь, 1976, с. 58]. Соответственно, и ее превращение в русалку, и месть мачехе обретают оттенок исполнения некоей божьей воли, стремящейся очистить мир людей от греха и скверны.

Но почему-то утопленница не может достичь желаемого. Очевидно, русалка чего-то лишилась, перестав быть человеком, если даже своего злейшего врага не может отличить от подруг. А ведь она *«…собирает всякую ночь утопленниц и заглядывает поодиночке каж-*

дой в лицо, … но до сих пор не узнала» [Гоголь, 1976, с. 58]. Правда, и обычные люди не могут ей помочь даже под страхом смерти (грозится утопить). Соответственно, в обычных людях угадываются некие «русалочьи» черты, не позволяющие им видеть под личинами и масками скрывающееся зло. Так возникает скрытая параллель русалочьих игр с миром живых. А также намечается возможность разделения всех персонажей-людей на две группы, одна из которых, подобно русалкам, лишена прозорливости в отношении зла, а другая обладает такой прозорливостью по каким-то причинам.

Эти качества героев из реального мира постепенно определяются в истории о голове и его попытках соблазнить возлюбленную сына. Во второй главке дана развернутая характеристика этого достойного с виду человека, у которого есть только одна извинительная слабость: хорошенькие поселянки. Превращение головы из достойного и уважаемого человека в низкого и подлого соблазнителя, способного разрушить счастье собственного сына, связано именно с этой слабостью. Левко застает отца на свидании с Ганной. Такое неожиданное преображение персонажа порождает ассоциации с историей о русалке и ведьме, а также о дочери сотника и ее отце-обманщике.

Так, Левко видит при свете месяца блистающее лицо Ганны и темный высокий силуэт перед ней. Мотив заглядывания в лица утопленниц, среди которых спряталась ведьма, сообщает и образу Левко, и отчасти образу Ганны смысловую соотнесенность с дочерью сотника, ставшей русалкой. Высокий человек, в котором Левко вдруг узнает отца, – подобие ведьмы. Но в образе головы в этом случае есть и скрытая ассоциативная отнесенность с сотником, поскольку Ганна открыто обвиняет его в обмане. *«Ты лжешь; ты обманываешь меня; ты меня не любишь; я никогда не поверю, чтобы ты меня любил!»* [Гоголь, 1976, с. 63].

Благодаря таким ассоциациям у данного эпизода намечается оттенок иного выстраивания отношений между сотником и его дочерью: в ответ на уверения в любви девушка, умудренная опытом предательства, унижений и скитания, уличает во лжи своеобразное подобие отца (зрелый возраст головы). Ведь он в момент объяснения с Ганной, по сути дела, готов пожертвовать счастьем сына, готов как бы изгнать его из своей души, предлагая тем самым Ганне роль мачехи… Поэтому взгляд Левко в лицо отца содержит оттенки созерцания «ведьминской», греховной сущности, способной обречь и Левко на скитание по миру. Не случайно Левко, как пишет Гоголь, «остолбенел». Он не просто поражен (в психологическом плане), но еще и как бы околдован:

«...Но в это время свет пал на лицо его, и Левко остолбенел, увидевши, что перед ним стоял отец его» [Гоголь, 1976, с. 63].

Такое «срывание маски» с головы вновь порождает странное «преображение» этого персонажа: он вдруг уподобляется Ганне (парубки в темноте принимают его за возлюбленную Левко и лезут целовать). Возможно, так Гоголь пытается активизировать мотив изгнания из мужской души его прекрасной «дочерней» сущности. Теперь еще и Левко уподоблен сотнику и вместо дочери изгоняет из своей души любовь к отцу. Ганна в этом случае символизирует такую любовь-привязанность.

Не этим ли объясняется неожиданная решимость Левко «побесить хорошенько сегодня голову» [Гоголь, 1976, с. 64]? В такой решимости наказать подобие ведьмы (голова) угадывается желание мести и наказания. Русалки искали ведьму, чтобы высечь ее плетьми из зеленого тростника. Поэтому проказы парубков над головою – нечто похожее на порку ведьмы, а сами парубки, любящие куролесить по ночам, при месяце, – подобие русалок.

Их наказание голове – в продолжении его разоблачений. Такие разоблачения уподоблены не только ударам тростника, но и игре в ворона и цыплят. Проказы должны вывести голову из себя, чтобы он прилюдно явил свою подлинную сущность, те «грехи», что принесла в душу мужчины ведьма (через сотника).

Первый из таких грехов обнаруживается случайно, без умысла парубков. Заблудившийся пьяный Каленик приходит в хату головы и хулит того за грубое обращение с людьми (обливал людей на морозе). Голова гневается, готов прогнать незваного гостя (в нарушение традиций гостеприимства). Не случайно винокур уподобляет его «побранки» тещиному проклятию, которое убило ее прожорливого гостя. Но жадный голова готов взять на себя и грех смертоубийства, поскольку продолжает проклинать умершего (видимо, как и теща продолжает хулить винокура – скрытого подобия головы) [Гоголь, 1976, с. 68].

Новым разоблачением становится песня парубков, в которой осмеивается не только похотливость старика, его внешнее уродство, глупость (сед и крив, дурень). Он также уподоблен мертвецу *(«тебя б нежно в домовину…»*), а также нашкодившему ребенку. Ведь это голова собирался таскать Левко за чуб, а хлопцы в песне предлагают то же сделать с самим головой [Гоголь, 1976, с. 68–69].

Такое открытое поношение и одновременно разоблачение опять приводит к своеобразному преображению головы. Он начинает вести себя как *«старый, опытный кот»*, который ловит *«неопытную мышь»*. Так еще раз активизирована ассоциация с ведьмой, ее появлением в

виде черной кошки. Не случайно любимая одежда головы – черная свитка.

Но ведьма-кошка охотилась на дочку сотника, а голова с приспешниками ловит «дьявола в вывороченном тулупе», причем опять-таки черного цвета. Так возникает новый смысловой оттенок эпизода. Поскольку голова – подобие сотника с греховной ведьминой душой, то он ловит как бы свою черную сущность, всякий раз выставляя ее на всеобщее обозрение. Любопытно, что воплощением такой его сущности становится свояченица-сожительница, которую вновь и вновь подсовывают парубки в качестве «мыши» для охотящегося «кота»-головы.

Первое, о чем заявляет плененная свояченица, что голова дурак (нет в одноглазой башке ни капли мозгу), а еще *«проклятый медведь»* с *«железными лапами»*. Так происходит еще одно превращение: кошки с железными когтями – в медведя. Видимо, это косвенное указание на тяжелый характер головы и его стремление силой подчинять себе людей (как ломает медведь). Не случайно далее следует его размышление о том, как *«прошколить хорошенько»* всех этих *«повес»*. Дьявола же в вывороченном тулупе желательно заковать в кандалы. *«Пусть знают, что значит власть!»* [Гоголь, 1976, с. 71]. Так, возможно, у образа головы формируются смысловые оттенки, которые позднее Гоголь сообщит образу городничего в пьесе «Ревизор» (его произвол и злоупотребления властью) и Собакевича (медведь).

Второе обнаружение свояченицы чуть не заканчивается ее сожжением и чуть не превращает голову и его пособников в убийц-инквизиторов. Возможность такого превращения вновь чревата разоблачением из уст ревнивой сожительницы. Она заявляет прилюдно о шашнях головы с Ганною, намекая, что вместе с Левко видела все свидание и слышала разговор.

Заключительными преображениями головы становятся: уподобление пьяному Каленику (пойман в вывороченном тулупе) и бабе, лечащей от испуга (голова сам обещает приспешникам, что даст им «переполоху» от испуга).

Такое символическое наказание подобия сотника и ведьмы в реальном мире (сожительница головы в черном вывороченном тулупе – как греховная сторона души сотника, воплотившаяся в кошке-ведьме) рождает преображение и мира фантастического. Левко, оказавшись на берегу пруда, видит в воде картину природы, дом, панну, исполненными чарующей красоты, таинственной жизни. Описание это во многом предваряет фантастический пейзаж из «Вия», когда Хома летит с ведьмой на плечах. Как в «Вие» средоточием видения становится русалка, так и в сне Левко из окна дома, отраженного в пруду, высовывается

головка панны-утопленницы. Даже выражение ее лица примерно такое же: *«Она качает слегка головою, она машет, она усмехается»* [Гоголь, 1976, с. 75]. А когда слышит песню Левко, то даже смеется… В результате мертвая красавица как бы отчасти оживает, а источником ее оживления становится песня парубка, в которую он вкладывает *«сладкую тишину и раздолье… в своем сердце»*. Так намечена возможность превращения сотниковой дочки в воплощение души Левко; души, откликнувшейся на его песню; души ожившей, заговорившей, засмеявшейся… Не случайно жалобы и мольбы панночки находят такой живой отклик в сердце парубка, наполнив его *«тяжелым, полным жалости и грусти чувством»* [Гоголь, 1976, с. 76].

Помогая русалке разоблачить ведьму, Левко пристально вглядывается в лицо злой женщины. Так возникает ассоциация с созерцанием лица головы на свидании с Ганной. Эта ассоциация во многом объясняет, почему именно Левко, а до него Ганне удалось увидеть «черную» ведьминскую сущность за личинами головы и псевдорусалки. Оба были обмануты близкими людьми, отвергнуты ими. В начале повести упоминается, что Ганна долго жила на чужбине. Опыт одиночества и страдания – вот что роднит их с русалкой, которая так жаловалась Левко на свою долю. Эти страдания застили ей глаза слезами, поэтому ее глазами и стал Левко, уже отомстивший отцу, стойко перенесший предательство родного человека…

Но и русалка знает что-то такое, чем способна помочь Левко, как бы передав ему какие-то из своих качеств. Оно обнаруживается в записке, отданной Левко и адресованной голове. Записка, якобы, от комиссара. Поэтому этот образ выглядит подобием личины, надетой на русалку, ее слишком нежный, эфемерный образ, лишенный, казалось бы, всякой жизненной сметки. Эту способность надевать личину, выкручиваясь из сложных обстоятельств, тут же перенимает и Левко. Он выдумывает довольно правдоподобную историю о том, как попало к нему письмо комиссара, да еще и льстит отцу обещанием его начальника приехать на обед. Так личина и ложь становятся главным орудием в борьбе влюбленных за свое счастье. Надев их, и Левко, и сотникова дочь отчасти уподобились ведьме, обманщику сотнику. Поэтому зло сохранилось в мире. Его воплощением по-прежнему остался голова. Он и Левко собирается выпороть нагайкой, и людей обложить поборами, и свадьбу он сыграет только в угоду комиссару.

Таким образом, Гоголь сумел создать весьма оригинальную повесть. Она вроде бы написана на сюжет из народной жизни, содержит явные фольклорные мотивы, темы, образы. Но динамика скрытых смыслов, рождающихся в моменты преображения персонажей (мета-

морфозы), сообщает всей повести довольно сложный и разветвленный поток ассоциаций, выстраивая скрытые отношения между героями, намечая возможные сюжетные линии. Все эти смыслы едва угадываются, как бы «реют» над текстом, подобно лунному свету над поверхностью пруда, сообщая тем самым «Майской ночи…» глубинную «литературность», обнаруживая связь с авторским размышлением о подлинной сути человеческой души, о ее личинах, о последствиях их сбрасывания.

Оба этих «пласта» – фольклорный и литературный – получают возможность тесно взаимодействовать благодаря, прежде всего, мотиву маски. Он выступает своеобразным культурным «аттрактором», порождая в сознании Гоголя одновременно и «народные» образы, и сугубо литературные ассоциации. В результате в повести образуется целая цепь условных «точек», в которых литературные и фольклорные влияния настолько сближаются, что частично утрачивают свою отчетливую культурную маркированность. Такого рода интеграция становится условием для порождения гоголевским сознанием совершенно новых смысловых оттенков, нюансов, которые шаг за шагом наполняют мотив маски собственно авторскими значениями. Их спонтанное возникновение сопровождается своеобразным «разрастанием» мотива маски: с ним вступают в сложное и многоплановое взаимодействие мотивы метаморфоз, разоблачения (сбрасывание личин), зеркальности, вперенного взгляда и др. Уже в таких комбинациях можно усмотреть творческую работу авторского мышления.

Но помимо его «комбинаторной активности», есть также признаки и энергичной эвристической работы. Одним из ярких ее проявлений становятся необычные образы, детали, символические оттенки, неожиданные сюжетные «векторы», которые как раз и возникают в таких «точках притяжения» фольклорных и собственно литературных влияний. Как показал анализ, почти каждый из таких спонтанно рожденных образов и мотивов, сюжетных линий и значений деталей оказался чреват ассоциацией с более поздними произведениями Гоголя. На этом основании можно утверждать, что именно взаимодействие двух «пластов» стало тем условием, которое обеспечило постепенный переход начинающего писателя от процесса подражания и «ученичества» к творческому созиданию, поискам того нового, что можно было в будущем сделать основой собственного творчества. И повесть «Майская ночь...» наглядно демонстрирует этот процесс, поскольку в ней удалось обнаружить множество примет того интертекста, который мы весьма условно называем «гендерным», и который, по нашему мнению, во многом определил самодвижение всего творчества великого писателя [Синцова, 2011*а*].

Литература

Гоголь Н.В. Майская ночь, или утопленница // Н.В. Гоголь. Собр. соч в 7-ми тт. М., 1976. Т. 1.

Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.-Л., 1959.

Синцова С.В. Гендерная проблематика «Вечеров на хуторе близ Диканьки» как результат взаимодействия фольклорных и литературных традиций // Вестник ТГГПУ. 2011. № 1(23).

Синцова С.В. Мистические и культурно-художественные контексты повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» // Пространство культуры. 2009. № 4.

Синцова С.В. Символика повести Н.В. Гоголя «Вий»: гендерные оттенки значений // Пространство культуры. 2010. № 2.

Синцова С.В. Тайны мужского и женского в художественных интуициях Н.В. Гоголя. М., 2011*а*.

Синцова С.В. Художественные аспекты гендерной проблематики в поэме Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Текст. Произведение. Читатель. Казань, 2011*б*. Вып. 2.

«ЧАЙКА» А. ЧЕХОВА И «ШЕСТЬ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОИСКАХ АВТОРА» Л. ПИРАНДЕЛЛО: ОБРАТНАЯ СВЯЗЬ

С.М. Козлова

Ключевые слова: традиция, модерн, драма, автор, персонаж.
Keywords: tradition, modernist style, drama, author, character.

Проблема чеховской традиции в творчестве Луиджи Пиранделло освещена достаточно широко в работах Б. Зингермана, Е.И. Топуридзе, С.К. Бушуевой, М.М. Молодцовой. В этих и других работах эволюционно-исторический принцип сравнительного анализа направляет интенцию исследователя на творчество «наследника» традиции, которое получает преимущества в качестве динамического, инновационного объекта, тогда как творчество «основателя» традиции представляется объектом, эпистомологически неподвижным.

Наша задача состоит в опыте рассмотрения двух литературных явлений, сосуществующих в культурном пространстве прошлого как объекты равнонаправленного действия по принципу взаимоотражения. Используемый нами прием обратной проекции текста «наследника» традиции на текст «предшественника», по сути, неизбежный при сравнительно-историческом подходе, позволяет актуализировать некоторые содержательные и формальные элементы того и другого произве-

дений. Предметом сравнительного анализа являются комедия А.П. Чехова «Чайка» и комедия Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора».

Чехов и Пиранделло – современники. Пиранделло моложе Чехова на 7 лет. Творческое становление русского и итальянского драматургов протекало в едином общеевропейском культурном пространстве, где скрестились реалистические традиции XIX века и декадентские течения рубежа веков. Влияние и символистской, и натуралистической драматургии этого времени по-своему, но одинаково сильно пережили оба писателя. Правда, творческая зрелость Пиранделло состоялась в период авангардистского движения в театре, которого не знал Чехов. Но замечательно, что самая авангардная пьеса Пиранделло «Шесть персонажей…», принесшая автору мировую известность, в то же время – самая чеховская в его творчестве.

Название комедии Пиранделло, с одной стороны, отсылает к одному из ведущих мотивов чеховской «Чайки», с другой, – служит кодом интерпретации последнего.

В чеховской комедии действуют два писателя и профессиональная актриса – творцы, создатели художественных образов – и лица, которые предлагают себя «творцам» в качестве героев их произведений, хотят *воплотиться* в художественные образы. Откровенно это желание заявляют Сорин, Маша, Медведенко. Менее очевидно проявляют его Дорн и Шамраев с их недоверием к «нынешним авторам». Дорн явно игнорирует Тригорина. Его трогает треплевский «*сюжет из области отвлеченных идей»,* но смущает отсутствие «*определенной мысли» и «цели»,* которое может привести автора *«к гибели от таланта»* [Чехов, 1978, с. 18-19]. Шамраев категорически отрицает состоятельность современного искусства: *«Прежде были могучие дубы, а теперь мы видим только пни»* [Чехов, 1978, с. 12]. Не по своей воле играет роль *персонажа* Нина Заречная в «сюжете для небольшого рассказа» Тригорина. В последнем действии, по-прежнему недовоплощенная, она приносит свою «тяжелую драму» Треплеву. Таким образом, у Чехова шесть персонажей, которые либо прямо, либо косвенно ищут автора. Кстати, у Пиранделло также вполне определенное и активное желание быть *воплощенными* на сцене проявляют только три персонажа: Отец, Мать, Падчерица. Сын не желает своего текстуального завершения, так как не верит в возможности современного театра сказать всю правду о человеке.

Пиранделло в характеристике персонажей использует театральную гиперболу, желая «*создать впечатление, что это фигуры, сотворенные искусством».* Для этого он предлагает маски, «статуарные

формы костюмов», «каждая фигура должна выражать одно неизменное чувство: Отец – угрызение совести, Падчерица – мстительность, Сын – презрение…» и т.д. [Пиранделло, 1960, с. 353-354] . И в чеховских персонажах отчетливо отмечена некоторая намеренная неподвижность, постоянство облика, костюма, душевного состояния. Их фигуры также выражают одно неизменное чувство: Сорин – неосуществленное желание, Медведенко – вечную заботу, Маша – безнадежную любовь, Дорн – вечный «Jeune premier», Шамраев – плут, маленький деспот своих хозяев.

Пиранделло, «остраняя» персонажей, в то же время настаивает, чтобы они действовали *«не как призраки, а как реальные воплощения, как незыблемые порождения фантазии, то есть тем самым они будут реальнее и устойчивее, чем переменчивое естество актеров»* [Пиранделло, 1960, с. 353]. Эта любимая идея итальянского драматурга, утверждающая субстанциональность образов искусства, реальность которых не изменяется никогда, в то время как реальность живых «меняется с каждым днем», у Чехова выражена не так обнаженно и декларативно в более широком экзистенциальном плане. Демаркационную линию между живым и неживым, реальным и призрачным существованием проводит актриса Аркадина в реплике: *«Я работаю, я чувствую, я постоянно в суете, а вы сидите все на одном месте, не живете…»* [Чехов, 1978, с. 21]. Но «неживые», с ее точки зрения, – люди домашние, привязанные, «притянутые» к деревне, саду, озеру, где они были сотворены неведомым Творцом. Потому их экзистенциальность оказывается более прочной и материальной, она обеспечена той обыденностью жизни, в которой ничего не происходит, кроме самой жизни, воспроизводящей себя в *«тысячах форм»*, говоря словами героев Пиранделло. Аркадина, Тригорин только тогда и обретают человеческую и жизненную субстанциональность, когда «плачут, удят рыбу, играют в карты, смеются и сердятся, как все». Но именно эти моменты их реальности представляются парадоксально неправдоподобными:

«Нина (*одна*). Как странно видеть, что известная артистка плачет, да еще по такому пустяковому поводу! И не странно ли, знаменитый писатель, любимец публики, о нем пишут во всех газетах <…> а он целый день ловит рыбу и радуется, что поймал двух головлей» [Чехов, 1978, с. 26].

В отличие от людей обыкновенных, неоформленных и неготовых, но сущих и единосущих, люди известные – *живые* – раздвоены на частного и публичного человека, вынужденные быть *актерами* не только по профессии, но и по жизни. Переменчивая, бессущественная природа *актеров, авторов* выражается в их каждодневной суете, в ски-

тальчестве без прочного пристанища, дома, в самопоедании (*«Тригорин. …Съедаю собственную жизнь…»*). Особо отмечена зыбкость, пограничность существования Треплева – и в его фамилии, и в его суицидных стремлениях, и в душевном беспокойстве. Тем не менее, эти суета, переменчивость, беспокойство создают представление, что они «более живые», чем те, которые только «едят, пьют, любят, ходят, носят свои пиджаки». Но именно этих, последних изображают «жрецы святого искусства», которых беспощадно судит «новатор» Треплев.

Герои Пиранделло – современники авангардистского разгрома «жрецов святого искусства», – напротив, упрекают новых авторов в том, что они «создают людей куда более живых, чем те, которые едят, дышат и числятся на службе» [Пиранделло, 1960, с. 356]. Парадоксальность этого заявления в том, что оно принадлежит персонажам, природа которых условна. Они – обнаженный прием, лабораторный опыт сотворения художественного образа на глазах у зрителя. Парадоксы театра Пиранделло не только игра, и не «скорлупа абстрактной идеи», а способ включить маленького человека с его «маленькой моралью» и тривиальными истинами в поле напряженного философско-эстетического диспута. Ту же задачу решал Чехов, осуществив в «Чайке» синтез реальных и условных, пластических и дискурсивных элементов. В «Чайке» развернуто пространство игры, в котором, как позднее у Пиранделло, на глазах у зрителей *реальные* лица превращаются в персонажи книг и спектакля, а книжные сюжеты материализуются в жизненные ситуации.

Персонажи Чехова в своем желании воплотиться в произведение искусства не обладают и малой долей страстного напора героев Пиранделло. Причина и в разнице национального темперамента, и в разнице социального положения героев русского и итальянского авторов, о чем писал Б. Зингерман: «Наэлектризованная неустойчивая атмосфера, чреватая бурными вспышками эмоций, неожиданными признаниями, отчаянными саморазоблачениями, характерная для “пиранделлизма”, тем более накаляется, что на сцене действуют южане, люди с безудержным подвижным темпераментом, легко возбудимые, к тому же не позабывшие своего простонародного происхождения» [Зингерман, 1979, с. 213-214].

Но дело здесь и в особой разработке темы старого и нового искусства. Мертвенно-сонная пассивность чеховских *персонажей* мотивируется глубокой традиционностью этих типажей, амплуа, масок, созданных давно, но так и не раскрывших своей сути и правды:

«Маша. А у меня такое чувство, как будто я родилась уже давно-давно; жизнь свою я тащу волоком, как бесконечный шлейф… И часто

не бывает никакой охоты жить. *(Садится.)* Конечно, это все пустяки. Надо встряхнуться, сбросить с себя все это» [Чехов, 1978, с. 21].

Задача искусства, по-видимому, для Чехова состояла в том, чтобы, не отказываясь от старых, вечных форм, вдохнуть в них новую жизнь. Завязкой «филологического» сюжета в «Чайке» становится приезд знаменитых автора и актрисы, в надежде на которых пробуждаются от сна, *встряхиваются*, оживают невоплощенные *персонажи*.

Сорин буквально появляется на сцене, едва пробудившись от *«долгого спанья»… «Голова и борода взлохмаченные».* В ответ на первый же знак внимания к нему – брошенному и запущенному – (ср., персонажи Пиранделло, «брошенные» автором) – со стороны первого же сочинителя – Треплева он выкладывает ему «трагедию своей жизни». Но Треплева *жизнь* не интересует, его волнует ее *конец*. И Сорин осторожно выпытывает у него сведения о другом авторе: «*Что за человек ее беллетрист?»* Беллетристу тоже трагедия неудачника неинтересна и невнятна, и *персонаж*, лишенный надежды на воплощение, питавшей его «реальность», как будто дематериализуется: «*пошатывается»,* едва не падает, его уводят со сцены [Чехов, 1978, с. 36-37]. В четвертом действии, которое начинается также ожиданием приезда Аркадиной и Тригорина, Сорин вновь оживает. Этот заключительный акт, кроме того, начинается «окликанием» нового *автора*, теперь уже известного писателя – Треплева:

«Маша (*окликает.*) Константин Гаврилович! (*Осматриваясь*) Нет никого. Старик каждую минуту все спрашивает, где Костя, где Костя… Жить без него не может…» [Чехов, 1978, с. 45].

Нет особого риска в том, чтобы прочесть эту реплику в духе Пиранделло как страх персонажа умереть, так и не воплотившись, как невозможность существования персонажа без автора и текста. Вся роль Сорина в последнем акте, впрочем, как и в первом, состоит в том, чтобы сообщить о желании «дать Косте» свою жизнь в качестве «сюжета для повести». Но Костя по-прежнему «носится в хаосе грез», а прибывшего Тригорина занимает другой сюжет; Аркадина же вообще не расположена «обращать внимание» на кого-либо и что-либо кроме себя и своей суетной и явно преходящей славы. *Персонаж*, не востребованный *авторами,* вновь впадает в «долгое спанье», чтобы уже не проснуться до конца действия. Название, предложенное Сориным для своего сюжета, «Человек, который хотел» – отражает его человеческую и *персонажную* неполноценность. Сорин, таким образом, в чистом виде выражает идею невоплощенности, оставленности человека Высшим ли Творцом, наделившим его способностью *хотеть*, трагическим ли роком, оставшимся безразличным к его желаниям, творцами ли

драм и романов, пренебрегшими человеком, который только «ест, пьет, любит, ходит, носит пиджак действительного статского советника». Невоплощенность Сорина выражена его постоянным ощущением *несытости,* означающей недостаточность тела, жизненной плоти. Эта недостаточность определяется и его второстепенной ролью в пьесе Чехова – автора, который, говоря словами Пиранделло, создал "настоящий живой персонаж", но не дал ему настоящего большого тела-текста. Хотя именно Сорин среди других действующих лиц мог бы быть не *сором,* а *солью* жизни. Он хозяин имения, о котором Тригорин, вполне состоявшийся писатель, говорит: «*Если бы я жил в такой усадьбе, у озера, то разве я стал бы писать?»* [Чехов, 1978, с. 54], то есть не стал бы творить и наращивать свою жизненную плоть. Сорин сам – тело, которым живы, сыты и пока еще укоренены бездомные аристократы духа. «Трагедия» Сорина – это трагедия русского дворянства, родовое тело которого старо, вяло, «шатается», тело непроизводительное (Сорин хотел иметь семью – и не имеет) и потому утрачивающее и дух свой: хотел стать литератором – и не стал. Чехов в «Чайке» пока только констатировал невнимание искусства и общества к этому грозному симптому. Но он же показал, что задача исследования этого процесса не по плечу ни «пейзажисту» Тригорину, ни «символисту» Треплеву и тем самым обосновал необходимость этой миссии для своего театра «новой формы». Из второстепенного персонажа он вырастил главного героя «Дяди Вани» – последнего «работника» и хранителя дворянского гнезда – и текст «Вишневого сада» – драмы и комедии русского дворянства, не осуществившего ни одного из своих гуманистических мечтаний и обязательств перед народом, обществом и Россией.

В этом смысле становится понятной социально-историческая и культурологическая функция другого персонажа, ищущего своего автора – Медведенко, учителя-разночинца, просветителя, «духовника» народа. Его невоплощенность, бестелесность выражена прежде всего в постоянной заботе о том, чтобы убедить «авторов» не «отделять дух от материи, так как, быть может, самый дух есть совокупность материальных атомов». Медведенко в вечной заботе о том, как найти, увеличить и присоединить отделенную обществом от его духа материю, без которой дух чахнет: «Маша. Скучный ты стал. Прежде, бывало, хоть пофилософствуешь…» [Чехов, 1978, с. 46]. Правда, в отличие от Сорина, молодого разночинского тела Медведева хватило на то, чтобы создать семью и произвести «ребеночка», но не на то, чтобы «стать литератором». Зато как недовоплощенный *персонаж* он точно знает, какой *литератор* ему нужен. Медведенко определенно осудил «отвлечен-

ность» творения Треплева и «живо» обратился к Тригорину: «А вот, знаете ли, описать бы в пьесе и потом сыграть на сцене, как живет наш брат-учитель. Трудно, трудно живется» [Чехов, 1978, с. 15].

Аркадина, актриса, к которой также обращена реплика, решительно закрывает эту проблему в искусстве, предпочитая пейзажную тематику: *«…Не будем говорить ни о пьесах, ни об атомах. Вечер такой славный!»* [Чехов, 1978, с. 15]. Медведенко-*персонажу,* тем не менее, повезло больше, чем Сорину. Тригорин, судя по его словам в «записной книжке», вероятно, даст ему «место под солнцем», которого просят персонажи Пиранделло, но только не в его – учительской, а в другой – любовной пьесе, где он явится в роли неудачливого влюбленного. Образ его, возможно, будет правдоподобен, но, как говорят герои Пиранделло, правды в нем не будет.

Кстати, Пиранделло невольно в своей комедии почти буквально «рассказал» о литературной судьбе образа учителя в творчестве Чехова: *«Представьте себе персонаж, вроде любого из нас, на которого свалилось тяжкое несчастье – авторская фантазия произвела его на свет, а потом отказала ему в месте под солнцем! <…> мы много раз пытались убедить его сесть за перо <…> Ах, жизнь, жизнь… Какие только сцены мы ему не предлагали! <…> он так и не решился. <…> Я думаю, господин директор, что тому причиной скорее его презрение к театру, театру, которого требует публика…»* [Пиранделло, 1960, с. 401].

Известно, что Чехов создал образ «живого настоящего» сельского учителя в ранней драме, оставшейся незаконченной, скорее всего, по той причине, что, будучи вручена автором знаменитой актрисе М. Ермоловой для ее бенефиса, отклика не получила. Условное название, данное этой «брошенной» автором пьесе, – «Безотцовщина» – символично в смысле судьбы персонажей и самого творения, покинутых автором-отцом. Поиск *автора персонажем* Медведенко в «Чайке» апеллирует, таким образом, и к самому Чехову, дописавшему, довоплотившему его «трудную» жизнь не в драме, а в «учительских» повестях и рассказах.

Если говорить о «масочности», «призрачности» персонажей Пиранделло, выражающих «одно неизменное чувство», то самым точным их прообразом в пьесе Чехова является Маша. Ее фигура, действительно, как будто лишена плоти, плоская, подобно тени. У Сорина есть прошлое, есть перемена чувств: любовь к Нине, жалость к Косте, страх смерти и пр. У Медведенко есть будущее, растущее благодаря его попечению о детях. У Маши нет ничего, кроме безнадежной любви к Треплеву и столь же безнадежного желания «вырвать ее из сердца».

Мрачным тоном она начинает действие, роковой тенью следует за своим возлюбленным, отсчитывая в игре в лото последние минуты его жизни, готовая последовать за ним в могилу. В этом очерке характера Маши сквозит и нечто от высокой трагедии рока, и нечто тривиальное: *«Маша. Вот глупости. Безнадежная любовь – это только в романах»*. [Чехов, 1978, с. 47]. Неслучайно она первая привлекла к себе внимание модного «беллетриста». Тригорина интересует внешняя, экстравагантная поза Маши, которая может удивить и развлечь публику:

«Тригорин. (*Записывая в книжку*.) Нюхает табак и пьет водку… Всегда в черном» [Чехов, 1978, с. 28].

«Тяжелая драма», которую она носит в себе, скрытая за «шлейфом» литературной традиции и штампов, ему, пожалуй, не по силам, как и ее «рассказ по совести» о женщинах, пьющих водку в России чаще, чем можно подумать. «Можете воспользоваться», – предлагает она свой «сюжет» Тригорину, мало веря при этом в возможность своего полнокровного воплощения. Маша называет писателя «человеком простым», его книги «книжками» и никаких родственных обязательств названному «отцу» не дает: *«Только не пишите “многоуважаемой”, а просто так: Марье, родства не помнящей, неизвестно для чего живущей на свете»*, выразив последней репликой свою невоплощенность.

Вечный траур Маши делает ее, скорее, персонажем для «снов» Треплева с их мировой скорбью и ужасом пустоты и одиночества в мире. Напротив, юная Нина, исполненная счастливых и честолюбивых надежд, героиня не его романа. Апокалиптическая тональность его спектакля не находит отзвука в ее душе, она не понимает его роковых символов, тогда как Маша «едва сдерживает восторг», когда речь идет о творениях ее *бледного* и *печального* поэта. Заблуждение Треплева в том, что он в погоне за призраками не замечает материала, который щедро дает сама жизнь, хлопочет о «новых формах», не умея отдаваться душевной склонности, хотя сознает, что *«…человек пишет, не думая ни о каких формах, пишет, потому что это свободно льется из его души»* [Чехов, 1978, с. 56]. Нина бежит от Треплева – автора вечной скорби – к автору, который «рвет цветы жизни». Маша пребывает «целые годы» в ожидании, тоске, оцепенении, оживая лишь в присутствии своего божества, в заботе о том, чтобы ему «не мешали работать». Все напрасно: Треплев «носится в хаосе грез», который его и поглощает. Удел Маши, как и других персонажей, ищущих Автора, – остаться невоплощенной. И в этой трагикомической судьбе героини ненаписанного Треплевым романа выражено сожаление о погибшем таланте, который слишком поздно догадался, что в искусстве, как и в жизни, *«всем хватит места, и новым, и*

старым», печальным и радостным, любимым и нелюбимым: – «зачем толкаться?»

В перипетиях действия Нины Заречной последовательно воспроизведена история сотворения и оставленности персонажа и поиска им автора. Реальная, первозданная в единстве одухотворенности и юной телесности Нина будит и питает творческую фантазию двух авторов, один из которых, умерщвляя живую плоть, персонифицирует ее в образе абстрактной мировой души, другой, подрезая крылья, превращает в героиню банального сюжета. Треплев бросил сотворенный образ, не дав ему жизни, не доиграв спектакля. Тригорин оставил Нину, вернувшись к прежним литературным привязанностям, потому что не хватило ни силы, ни веры в театр, в новое искусство. Незаконченность, неполноценность творения Тригорина выражены, во-первых, в признании Нины: *«Я стала мелочною, ничтожною, играла бессмысленно… Я не знала, что делать с руками, не умела стоять на сцене, не владела голосом»* [Чехов, 1978, с. 58].

Во-вторых, в метафорическом образе «чучела чайки», изготовленного по рецепту Тригорина и хранящегося в книжном шкафу, «забытого» самим автором, не говоря о читателях его произведений. В своем буквальном значении эта метафора обыграна в споре героев Пиранделло, обсуждающих проблемы современного искусства: *«Директор. …Профессия актера – профессия самая благородная. И если нынешние авторы поставляют нам идиотские пьесы, выводят какие-то чучела вместо человеческих характеров, то это не значит, что мы не можем гордиться своими подмостками…»* [Пиранделло, 1960, с. 356].

Нина вновь возвращается к озеру, к месту «преступления» своих *авторов*, ощущая человеческую и *персонажную* неполноценность. Недостаточность плоти, тела передается в ситуации, когда слышат ее плач со стороны заброшенного треплевского театра, но не видят, кто плачет. Или в мотиве худобы в ее портрете, чувстве голода во время ее последней встречи с Треплевым *(«Я еле на ногах стою… я истощена, мне хочется есть…»*). Выбиваясь из последних сил, Нина все выкладывает и выкладывает уже почти готовую «*тяжелую драму»* маститому автору – только записывай, но вызывает прямо противоположное действие: Треплев «*рвет все свои рукописи и бросает под стол, потом отпирает правую дверь и уходит»* – навеки.

Однако судьба Нины Заречной в этой филологической линии сюжета «Чайки», как и других невоплощенных персонажей, представлена Чеховым не столь безнадежной. Ей удается осуществить сокровенное желание всех героев, безуспешно искавших автора: и Сорин, и Медведенко, и Нина, и Дорн хотели бы сами «стать литераторами» или хотя бы

побывать на их месте: *«Дорн. …Если бы мне пришлось испытать подъем духа, какой бывает у художников во время творчества…»; «Нина. …Если бы я была таким писателем, как вы, то я отдала бы толпе всю свою жизнь»* [Чехов, 1978, с. 19, 31].

В финале Нина чувствует себя *«настоящей»* художницей – артисткой, идеальный образ которой как бы нечаянно нарисовал Дорн: *«Дорн. Движешься потом в толпе без всякой цели <…> живешь с нею вместе, сливаешься с нею психически и начинаешь верить, что в самом деле возможна одна мировая душа, которую когда-то в вашей пьесе играла Нина Заречная»* [Чехов, 1978, с. 49].

Такой мировой душой, способной вобрать в себя *«материальные атомы»* любых существ, душ, судеб – «*все жизни, все жизни, все жизни»* – и ощущает себя Нина, когда, покидая Треплева, читает его монолог «*Люди, львы, куропатки…»*. Но если в драме Треплева все эти жизни *угасли*, то в творчестве Нины Заречной они должны наконец *воплотиться* и ожить.

В комедии Пиранделло все персонажи, ищущие автора, прочно сплетены кровными связями в единый узел семейной драмы, действие которой централизовано инцестуальным мотивом. Семейная спайка, психологическая сосредоточенность на травматическом, патогенном аспекте событий стирает индивидуальность персонажей, мотивирует их безымянность.

Связи между персонажами Чехова более свободны, организованы в большей степени не столько семейными, сколько любовными отношениями. Вынужденная одинокость каждого из них сохраняет индивидуальность лица и собственной судьбы, не похожих на другие. Автономность судеб, персонажей создает, в свою очередь, полифоническую структуру действия чеховской комедии, которая, наконец, образует пространство «жизни», обеспечивающее свободный выбор сюжетов, персонажей, форм для искусства, что позволяет разрешить, или, по крайней мере, показать бессмысленность споров о новых и старых формах, о том, кого и как следует изображать. В этом отношении Пиранделло, завязавший действие на откровенно скандальном материале, не разрешает филологических дискуссий в пьесе, но еще более проблематизирует их.

В то же время намеренно спровоцированная острота нравственно-эстетических проблем, обсуждаемых в комедии Пиранделло, создает известный интеллектуализм, который позволяет «облагородить» тривиальный сюжет. Эстетизация последнего, кроме того, осуществляется обнажением приема, остранением персонажей, посредством чего формируется комедийный пафос интеллектуального дискурса. В то же время такие условные приемы театральной гиперболы как маска, котурны,

статуарность костюмов, патетика самовыражения героев включает тривиальную мелодраму в жанровую парадигму трагедии вплоть до античной трагедии рока, хранителя неких вечных законов. Как заметил Э. Бентли, «Пиранделло чутко прислушивался к этому голосу судьбы и в эпоху, которую называют нетрагедийной, обрел в своем творчестве ноту скорби, вернув ей первозданную тревожность античной трагедии» [Бентли, 1978, с. 127]. «Маленькая мораль» маленьких безвестных и безымянных людей в финале пьесы Пиранделло освящена Древним Законом, которому принесены в жертву незаконнорожденные дети Матери, принадлежавшей двум мужьям, и ценой их жизней восстанавливается законная семья – Отец, Мать, Сын. Однако завершающий последнюю сцену смех Падчерицы над тремя нелепо *застывшими* фигурами отчуждает трагический пафос, возвращая действие в лоно комедии.

Банальная простота чеховских фабул общеизвестна, но и над его семейными сценами витает дух Рока древней трагедии с хором эриний, жертвами которых в «Чайке» стали дитя Нины Заречной и сын Аркадиной. Роковые страсти чеховских героев протекают, как уже говорилось, в редуцированной или латентной форме не только в силу указанных выше причин национального или социального свойства, но и в силу сохраненной Чеховым этики и эстетики классического театра, традиционно выносившего «за сцену», в темпоральный разрыв между актами откровенно брутальные или эротические действия, все то, что почти смакует Пиранделло. Тривиальность, мелодраматизм персонажей и ситуаций Чехов снимает приемами тонкого лиризма: пейзаж, музыкальные образы, символика деталей, пауза, уединенный монолог и пр. Эти приемы, охотно применявшиеся Пиранделло в ранних пьесах, в «Шести персонажах…» исключены, или фарсово обыграны, как например, садовый пейзаж, непременный сценический элемент художественного мира Чехова и чеховский код в пьесах итальянских драматургов-«интимистов». Уступка, которую делает герой пьесы Директор как *автор персонажу* – Падчерице в виде «уголка сада» и «клочка неба» означает жизнеспособность чеховской традиции в театре эпохи наступления урбанистической цивилизации, отчуждавшей человека от природы, о чем плачет *горючими слезами* Падчерица. Эта уступка также позволяла Пиранделло отретушировать слишком густые краски эпизода в *заведенье мадам Паче,* после которого следует *садовая* сцена с лирическим катарсисом, хотя и приправленным большой дозой мелодраматизма за счет "детских" персонажей. Комедийного остранения мелодраматических сцен с детскими жертвами Пиранделло добивается рискованным балансированием действия на грани трагедии и фарса, реальности и вымысла, искусства и жизни:

«*Из-за деревьев, где прятался Мальчик, раздается выстрел.*

Мать с душераздирающим криком подбегает вместе с Сыном и актерами к месту общей сумятицы. <…> Затем постепенно двумя параллельными потоками актеры возвращаются на сцену.

***Премьерша** (выходя справа, страдальческим голосом). Умер! Бедный ребенок! Какое горе!*

***Премьер** (возвращаясь слева, смеется). Да не думал он умирать! Это же игра! Видимость! Не верьте!*

***Другие актеры** (появляются справа). Игра?*

- Увы, это сама реальность!

- Он умер! <…>

***Директор** (не в силах сдержаться). Видимость! Реальность! Игра! Смерть! Идите вы все к черту! Свет! Свет! Дайте свет!»* [Пиранделло, 1960, с. 409].

Карнавальный, в бахтинском смысле, эффект этой сцены позволяет вспомнить и острее ощутить ее прообраз – финальный пуант в чеховской «Чайке», заканчивающейся таким же карнавализованным самоубийством главного героя:

«Направо за сценой выстрел; все вздрагивают.

***Аркадина** (испуганно). Что такое?*

***Дорн**. Ничего. Это, должно быть, в моей походной аптеке что-нибудь лопнуло. Не беспокойтесь. (Уходит в правую дверь, через полминуты возвращается) Так и есть. Лопнула склянка с эфиром. (Напевает) «Я вновь пред тобою стою очарован…»*

***Аркадина** (садясь за стол). Фуй, я испугалась…»* [Чехов, 1978, с. 60].

Таким образом, можно сказать, что пьеса Пиранделло является модернистской разработкой и интерпретацией чеховской «Чайки», позволяет найти ключ к жанровой загадке «странной» комедии Чехова, подтвердить вывод Ежи Фарыно о том, что текст «Чайки» «создан уже на языке искусства XX века», чем «устраняется возможность связывать Чехова с другими системами – натурализмом, с одной стороны, и символизмом – с другой» [Фарыно, 1994, с. 113].

Литература

Бентли Эрик. Жизнь драмы. М. 1978.

Зингерман Б. Очерки истории драмы 20 века. М., 1979.

Пиранделло Луиджи. Шесть персонажей в поисках автора. М., 1960.

Чехов А.П. Чайка. Комедия в четырех действиях // Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти тт. М., 1978. Т. 13.

Фарыно Ежи. Семиотика чеховской «Чайки» // Русский текст. 1994. № 2.

СЮЖЕТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС «ПЕРЕХОД ГРАНИЦЫ» В РОМАНЕ КЛАУСА МАННА «БЕГСТВО НА СЕВЕР»

А.С. Поршнева

Ключевые слова: эмиграция, эмигрантский роман, К. Манн, граница, пространство, жертвоприношение.
Keywords: exile, exile novel, K. Mann, border, space, sacrifice.

Клаус Манн, покинувший Германию после прихода к власти национал-социалистов в 1933 году, является автором двух романов о немецких эмигрантах – «Бегство на север» и «Вулкан». Оба этих произведения всегда оставались на периферии внимания исследователей, поскольку К. Манн известен в первую очередь как автор романа «Мефистофель» (изучением которого занимались, например, Н.Н. Кудашова [Кудашова, 2006], Ф. Альбрехт [Albrecht, 1988], Л. Фитцсиммонс [Fitzsimmons, 2001]). Малая проза К. Манна достаточно подробно изучена Н.Н. Сутягиной (см.: [Сутягина 2008*а*; Сутягина 2008*б*; Сутягина 2008*в*]). При этом роман «Бегство на север», практически не замечавшийся критиками и, как и «Вулкан», не переведенный на русский язык, может быть рассмотрен не только в контексте творчества Манна в целом, но и в контексте поэтики немецкого эмигрантского романа. «Бегство на север» тематически примыкает к ранее изученным нами произведениям об эмигрантах, созданным Э.М. Ремарком и Л. Фейхтвангером, и демонстрирует существенное сходство с ними в аспекте организации пространства и построения сюжета.

В. Фрювальд и Ф. Шидер, размышляя об актуальных проблемах исследования эмиграции, задаются вопросом, изучались ли уже «структурообразующая роль эмиграции», «литературная топология эмиграции или как минимум эмиграция как структурная предпосылка литературы»[1] [Frühwald, Schieder, 1981, s. 15], и не дают на этот вопрос положительного ответа. Настоящая статья, посвященная вопросам взаимодействия сюжета и пространства в эмигрантском романе, продолжает серию публикаций, вносящую определенный вклад в ликвидацию данной лакуны в изучении немецкой эмигрантской литературы.

[1] Здесь и далее перевод всех цитируемых фрагментов научного и художественного текста наш. – *А.П.*

Зависимость сюжета от пространственно-временной организации неоднократно отмечалась теоретиками литературы. Так, Н.Д. Тамарченко пишет: «Изображенное пространство-время – это условия, *определяющие характер событий и логику их следования друг за другом*» (выделено мной. – *А.П.*) [Тамарченко, Тюпа, Бройтман, 2004, с. 178]. Сюжетное событие – это перемещение героя в качественно другое пространство, по определению Ю.М. Лотмана – «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1998, с. 223]; сюжет при таком рассмотрении оказывается в определенной степени «производным» от пространства.

«Перемещение персонажа через границу» связано с прохождением им рубежного пространства, которое М.М. Бахтин называет «пороговым», или «переломным» хронотопом – это «проникнутый высокой эмоционально-ценностной интенсивностью» хронотоп, который «может сочетаться и с мотивом встречи, но наиболее существенное его восполнение – это хронотоп к р и з и с а и жизненного п е р е л о м а» [Бахтин, 1986, с. 280]. Комплекс сюжетных событий, локализованных в этом пространстве и детерминированных его «переломным» характером, обеспечивает «компенсирующий», катарсический характер сюжета (см.: [Поршнева, 2010, с. 61–71]).

Организация пространства эмиграции. Пространство, по которому передвигается Иоганна – главная героиня романа «Бегство на север», – в очень большой степени детерминировано ситуацией эмиграции; выстроенное из перспективы героя-эмигранта пространство мы называем пространством эмиграции. Базой для его формирования является, прежде всего, география Европы.

Изучение пространственной организации романа «Бегство на север» (см.: [Поршнева, 2012*б*]) показало, что аксиологические характеристики пространства эмиграции, выстроенного из перспективы героини-эмигрантки, в структурном отношении воспроизводят концентрические круги пространства классического мифа при полной аксиологической его инверсии. Символически центральная часть мира – Третий Рейх – осознается как враждебная земля, где царят беззаконие, ложь и насилие, ценностно негативная зона. Швеция – страна первого «кольца» вокруг Германии, – изображается у К. Манна как страна «пустая» и аксиологически нейтральная, поскольку она не допускает влияния наци, но и не ведет никакой борьбы с их тоталитарным режимом. Франция же, страна второго «кольца», имеет «положительный» ценностный статус в пространстве эмиграции, поскольку там разворачивается организованная политическая борьба против наци.

Первый переход границы. Концентрически выстроенное пространство ведет героиню определенным маршрутом, «предписывая» ей поэтапное удаление от темного центра пространства эмиграции (подробнее см.: [Поршнева, 2012*а*]). Гипотетически она могла бы пересечь немецко-французскую границу (как это делали в реальности многие эмигранты [Ben Ammar, 2000 / 2001]) и напрямую переместиться из центра пространства эмиграции в его второе «кольцо», однако логика этого пространства препятствует этому и обязывает героиню пройти сначала через одну из стран первого «кольца».

В ходе своего движения по пространству эмиграции Иоганна – главная героиня романа – дважды пересекает границу, хотя в центре авторского внимания находится прежде всего второй переход. Первой границей на ее пути становится немецко-шведская, которую она преодолевает на корабле, направляясь к своей шведской подруге Карин с намерением провести у нее несколько дней. Порт, в который прибывает корабль, описан в следующих выражениях: *Прибывающие быстро смешивались с теми, кто ждал, люди находили друг друга среди размахиваний руками и криков, повсюду царили хаос голосов и громкий смех, проливались и слезы радости, потому что некоторые провели долгое время в чужих странах и теперь северная родина приняла их снова* [Mann, 2003, s. 7][1]. На уровне внешнего «декора» порт соответствует «пороговому» («переломному») хронотопу, который «может сочетаться <…> с мотивом встречи» [Бахтин, 1986, с. 280] (именно это наблюдает и переживает Иоганна в порту).

Сюжетные события «поддерживают» пороговый статус данного места, поскольку для Иоганны перемещение из Германии в Швецию означает не механическое удаление в пространстве, а начало нового жизненного этапа. Дальнейшее проживание на территории Германии для нее невозможно, поскольку для тоталитарного режима Третьего Рейха она политически неблагонадежна: Иоганна состоит в студенческом коммунистическом объединении, а ее старший брат Георг, живя в Париже, разворачивает там политическую деятельность против режима. После нескольких арестов она принимает решение перебраться во Францию и выбирает путь через Швецию. В порту, пересекая границу, она *оставляла позади себя не только корабль* [s. 8] и испытывала *некоторый страх – что теперь будет?* [s. 8]. Следствием пересечения Иоганной этой первой границы становится существенное изменение ее жизни: она оказывается в безопасности, знакомится с новой страной, существенно отличающейся от ее родины, и вступает в новые отноше-

[1] Далее ссылки на это издание даются в квадратных скобках с указанием страницы.

ния. В первый же вечер она осознает, *что она была на чужбине и что обратной дороги для нее больше не было* [s. 36], *она была отделена от ее страны* [s. 36]; что она находится *в очень отдаленной стране, где-то далеко на севере. Известные события, зловещие и радикально все меняющие, которые касались и задевали ее чудовищно сильно, остались где-то очень далеко* [s. 25]. Перейдя границу, Иоганна оказывается в принципиально другом пространстве, в котором «зловещие события» ее прошлого – аресты и преследования – оказываются неактуальными, поскольку этой границей она от них «отделена».

Пространство, в котором оказывается героиня в результате первого перехода, своей «инородностью» по отношению к предыдущему меняет и ее саму. Так, например, смертельно опасная поездка ее друга Бруно в Германию, которую она воспринимает как *бесчеловечную жертву* [s. 185], наталкивает ее на следующие размышления: «…*что есть человечность? Пару недель назад я бы не задалась этим вопросом, думает Иоганна с внезапным испугом. Что со мной случилось? Неужели я уже так много забыла и разучилась? Итак, я становлюсь чувствительной и теряю самообладание, потому что кто-то подвергает себя опасности – только потому, что этот кто-то случайно был моим другом. Когда я сама еще была во всем этом, для меня это было бы чем-то само собой разумеющимся – прекрасным и строгим*…» [s. 185–186]. На примере этого внутреннего монолога можно увидеть, насколько существенно пребывание в новом пространстве повлияло на ценностные установки Иоганны, сместив приоритеты с ценностей политических на общечеловеческие.

В связи со всем этим первый переход границы у героини романа может быть квалифицирован как подлинный переход. В изученных нами ранее романах Э.М. Ремарка и Л. Фейхтвангера была обнаружена следующая закономерность: подлинный переход границы невозможен, если он не предваряется какими-либо событиями рубежного характера – местью, которая «гасит» травму прошлого, или жертвой, приносимой самим героем или кем-то другим в его пользу (см.: [Поршнева, 2010; Поршнева, 2012*в*]). В случае Иоганны данная закономерность тоже действует: первый переход героини подготовлен жертвой ее матери, которая заключалась в сдаче в залог столового серебра ради получения денег на билет для дочери. В романе приведена сцена прощания матери и дочери: «*Какой испуганной была тогда мама, она говорила очень тихо, и банкноту она достала из своей черной сумочки дрожащими пальцами, деньги на билет, мятая банкнота, собственно, она не имела права ее принимать, заложенное столовое серебро, папа, который больше не может позволить себе сигару, папа, чьи картины пылятся*

на складе. "Будь здорова, дитя мое", – сказала мама, дрожащими губами, и Иоганна тоже почти плакала, – "выберись благополучно на свободу!"» [s. 68]. Затрудненные финансовые обстоятельства делают поступок матери именно жертвой, которую она приносит осознанно – чтобы Иоганна оказалась «на свободе». Без этой жертвы героиня не смогла бы оплатить билет до Стокгольма и не пересекла бы первую границу.

Второй переход границы. Во второй раз Иоганна пересекает другую границу – между первым и вторым «кольцом» пространства эмиграции, между Швецией и Францией, и этот переход изменяет ее жизненную ситуацию в не меньшей степени, чем предыдущий. Если в результате первого перехода героиня покинула смертельно опасное для нее «негативное» пространство и попала в безопасное и «нейтральное», то в процессе второго перехода она в перемещается из «нейтральной» Швеции в ценностно «позитивную», политически активную Францию.

Состояние героини между первым и вторым переходом границы обнаруживает следующие особенности. В этот период в ее настроениях доминирует ощущение бессмысленности происходящего: «*У меня действительно в голове все перемешалось* [s. 27]; *Сейчас бывают моменты, когда мне все кажется таким бессмысленным – таким до умопомрачения бессмысленным… Тогда я думаю: почему ты, собственно, здесь? Ты с таким же успехом могла бы быть где-то еще. Почему тебя не удержали в Германии? – думаю я в таких случаях. Тебя ведь могли убить в Германии, и так было бы, наверное, лучше всего»* [s. 31]. Осознание Иоганной своей жизни как «бессмысленной» ставит вопрос о способах и путях придания ей осмысленности; решение этой проблемы также связано у К. Манна с феноменом перехода границы.

В отличие от первого перехода, где пограничное пространство – «буфер», нейтральная полоса между Третьим Рейхом и первым «кольцом» пространства эмиграции – не разработано, в ходе второго перехода Иоганна попадает именно в такую пограничную зону. В роли этого «буфера» выступает Лапландия – обособленная северная часть Швеции, которая не составляет единого целого с остальной страной.

В плане моделирования образа Швеции как пустого пространства Лапландия представляет собой апофеоз этой пустоты: *Теперь они ехали через голую, как степи, землю, на которой почти не было возвышений и деревьев* [s. 226]. На границе с Лапландией герои *во всех формах прощаются с Европой* [s. 237]. Между ними происходит обмен репликами следующего содержания: *«…я не знала, что в Европе есть местность, где живет так мало людей». – «Это уже и не вполне Европа»*

[s. 230]. В Лапландии герои оказываются *посреди пустоты* [s. 237], в абсолютно пустой, *голой*, ничем и никем не заполненной зоне, в которой *не было уже практически больше ничего* [s. 248]. По словам Иоганны, *примерно так же, как здесь, должно быть, все выглядит на Луне* [s. 249]. За счет этого создается законченный образ Лапландии как большой пустоты, нейтральной полосы, не принадлежащей ни к первому, ни ко второму «кольцу» вокруг Германии, не являющейся частью Европы и даже (в силу «лунного» колорита) земного мира.

Именно в этом «буфере» Иоганна делает выбор, определяющий всю ее дальнейшую жизнь: несмотря на свои чувства к Рагнару, она отказывается ехать с ним в Исландию и принимает решение перебраться во Францию, чтобы вместе с братом Георгом и его товарищами участвовать в организованной политической борьбе против наци. «Пороговый» статус данных событий и особое пространственное положение Лапландии позволяют квалифицировать ее как «пороговый» хронотоп.

Выбор героини сопровождается двойным жертвоприношением: одну жертву приносит Бруно, другую – сама Иоганна. Каждая из жертв становится необходимым условием перехода границы.

Бруно, друг Иоганны и товарищ ее брата Георга, нелегально отправляется в Германию из Парижа для выполнения политической работы. Иоганна с самого начала осознает его готовность к жертве, о чем и рассказывает Карин: *Для него теперь существует только одно: послужить делу собственной кровью – в буквальном смысле собственной кровью, понимаешь. <…> Чтобы все было по-другому. …Чтобы все стало правильным. Чтобы больше не нужно было стыдиться за людей. Чтобы эта земля наконец-то, наконец-то получила разумное лицо. Чтобы жизнь стала чем-то стоящим – стоящим для* ***всех****, знаешь.* ***Дело*** *– это значит просто будущее, а оно может быть только социализмом* [s. 39]. Когда в 6-й главе романа Иоганна узнает об отъезде Бруно в Германию, она понимает, что это решение он принял добровольно: *Скорее всего, он сам настаивал на том, чтобы взять на себя эту смертельно опасную задачу. Но что за бесчеловечность – принять эту бесчеловечную жертву! При этом Иоганна знала, как сильно Георг был привязан к Бруно. Они бесчеловечны, как на войне* [s. 85]. Арест Бруно в Кельне вызывает у нее следующие мысли: *Бруно, который участвовал в покушении, в организации взрыва. Это было самоубийство, самоубийство – ехать в Германию. Это Георг его спровоцировал, мой брат Георг – бесчеловечно, из абстрактного энтузиазма ради человечества. Пожертвовать отдельным человеком, который живет, который реален и заслуживает любви, – ради большой пер-*

спективы будущего, которая, тем не менее, остается неопределенной и может оказаться неправильной [s. 196–197]. Прямая номинация поступка Бруно как «жертвы» соответствует смыслу его поездки в Германию – пожертвовать собой за то дело, результатом которого, по его убеждению, должно стать приведение мира в состояние порядка.

Однако в контексте биографии Иоганны жертвоприношение Бруно обретает новый смысл. Как уже отмечалось, «нейтральное» шведское пространство подчиняет себе героиню, блокирует мысли о политике и активной деятельности в этой области (подробнее о данном свойстве шведского пространства см.: [Поршнева, 2012*а*]). В частности, швед Рагнар внушает ей: «*Это все твои отвлеченные вещи, политические, я же знаю, Иоганна. Но это же, в сущности, что-то абстрактное, что-то нереальное, находящееся так далеко… **А мы-то стоим здесь…***» [s. 205]. В итоге, пока героиня находится во власти пространства первого «кольца» (Швеции), посвятить себя политической работе она не может. «Шведская» Иоганна не подходит второму, политически активному «кольцу» пространства эмиграции. В соответствии же с логикой второго «кольца» и представляющего это пространство Георга, чувства Иоганны представляют собой *частные аффекты. <…> Они отвлекают молодого человека от тех задач, которые он сам признал своими. Они – искушение. Они – трусливая иллюзия, заблуждение, они шатки; ведь этот заигравшийся молодой дворянин и ты, Иоганна, – вы не составляете единое целое, что же ты разбазариваешь свое время, когда-нибудь это все равно должно закончиться. Занимайся более полезными вещами, настоящими* [s. 205]. Для того чтобы войти во второе «кольцо», представленное в романе Францией, героиня должна сделать выбор в пользу «настоящих вещей», а от «иллюзорного» отказаться.

Именно такой оборот ее мысли принимают после гибели Бруно. Если арест Бруно ввергает Иоганну в смятение, но не побуждает ни к каким серьезным действиям, то после известия о его смерти она заявляет Рагнару следующее: «*Теперь я должна уехать. <…> Я не вернусь. <…> Теперь у меня нет больше выбора. <…> Ведь теперь у меня есть перед глазами пример. <…> Ни одна большая жертва не приносится напрасно. <…> Нам не остается больше выбора. Весь наш героизм будет состоять в том, чтобы принять нашу судьбу»* [s. 270]. Героиня представляет себе свое будущее следующим образом: «*Маленькие номера в отелях Парижа, Праги и Цюриха будут ареной твоей судьбы. Ты будешь выступать на собраниях и писать в газетах; ты будешь выполнять курьерскую работу, и, возможно, распространять в Германии нелегальный материал, и, возможно, будешь вскоре рас-*

стреляна, но сперва над тобой будут издеваться и мучить тебя; или даже ты увидишь великую мировую войну, возможно, даже переживешь ее, но это не вполне вероятно…» [s. 270]. Завершение жертвы Бруно его гибелью во враждебной земле меняет героиню, Иоганна из «шведской» (аполитичной, сосредоточенной на своих личных привязанностях) становится «французской» и с этого момента считает своим предназначением участие в борьбе против национал-социализма.

Первый этап перехода героиней данной границы обусловлен, таким образом, жертвой Бруно, которая в силу этого оказывается принесена в пользу Иоганны. Первое препятствие к переходу – несоответствие героини тому пространству, в которое она должна переместиться, – устранено благодаря этой жертве.

Вторым же препятствием являются «шведские» привязанности Иоганны – Карин и, прежде всего, Рагнар. Их она приносит в жертву самостоятельно. Разговаривая с подругой по телефону, она заостряет внимание на том, что слышит ее голос *в последний раз* [s. 195]. Однако самой главной жертвой Иоганны становятся отношения с Рагнаром, которые она разрывает ради того, чтобы уехать во Францию и посвятить себя политической работе: «*Я не на увеселительной прогулке. <…> …я ведь не могу долгое время делать вид, как будто у меня нет никаких дел, кроме купания и поездок на автомобиле по лесам. <…> Я должна покинуть тебя, Рагнар* [s. 204]. Чтобы перейти границу и оказаться в качественно другом пространстве второго «кольца», героиня приносит в жертву то, что связывает ее с первым, ликвидируя тем самым второе препятствие к переходу.

Структура жертвоприношения, сопровождающего второй представленный в романе переход границы, сложнее, чем в первом переходе. Если для пересечения Иоганной первой границы достаточно жертвоприношения ее матери, то во втором случае для ликвидации двух препятствий к переходу требуются две жертвы: одну приносит Бруно, другую она сама.

Жертвоприношение Иоганны играет важную роль в романе не только за счет того, что позволяет ей пересечь вторую границу – между Швецией и Францией, первым и вторым «кольцом» пространства эмиграции (то есть пространственного аспекта). Не меньшее значение оно имеет для сюжета романа, в котором благодаря жертвоприношению Иоганны выстроен «компенсирующий» сюжетный комплекс. Гибель Бруно в Кельне приводит к потере оппозиционным национал-социализму лагерем культурного героя – именно эту функцию выполняет данный персонаж, поскольку он берет на себя задачу распространения разума на территории, где царят *запустение* [s. 92] и *варварство*

[s. 99]. Культурный герой, согласно Е.М. Мелетинскому, «отправляется в иной мир» [Мелетинский, 2000, с. 197], где занимается «уничтожением чудовищ и демонов» [Мелетинский, 2000, с. 198], то есть остаточного хаоса. В классических мифологических системах культурных героев порождает сакральная земля, границы которой расширяются за счет прилегающих периферийных областей именно благодаря их «цивилизующей» деятельности. В ценностно инвертированном по отношению к мифу пространстве эмиграции культурный герой Бруно появляется, наоборот, в периферийной зоне и отправляется в центр мира для борьбы с хаосом и варварством, которые олицетворяет национал-социалистическое государство.

Потеря культурного героя создает в сюжете произведения «недостачу» (термин В.Я. Проппа [Пропп, 2001, с. 26]), ликвидировать которую призвано жертвоприношение Иоганны. Здесь имеет место описанная на материале фольклорных и драматических текстов симметричная «компенсация» одной – «негативной» – сюжетной функции другой, «позитивной» (см.: [Пропп, 2001, с. 26–61; Греймас, 2004; Барт, 2000]), которая обеспечивает катарсическое завершение сюжетной линии Бруно и Иоганны. Героиня приносит в жертву личное счастье ради того, чтобы стать таким же культурным героем – *выступать на собраниях и писать в газетах; ...распространять в Германии нелегальный материал* [s. 270], то есть делать то же самое, что делал Бруно. Причем, что показательно, до гибели Бруно Георг в своих телеграммах сестре ограничивался сообщением важных новостей, но не призывал ее ускорить приезд в Париж. А после смерти Бруно Иоганна получает телеграмму следующего содержания: *Бруно вчера в Кельне застрелен во время побега тчк приезжай в Париж ты нам нужна Георг* [s. 269]. Иными словами, до потери культурного героя Бруно присутствие Иоганны в Париже не было критичным: она оказывается «нужна» только после его смерти, чтобы компенсировать возникшую «недостачу». Принесение себя в жертву одним культурным героем симметрично порождает другого культурного героя.

В итоге история перемещений Иоганны по трем участкам пространства эмиграции – центру (Германии), ближайшей периферии (Швеции) и дальней периферии (Франции) – выглядит следующим образом. В центральной зоне пространства эмиграции существует прямая угроза жизни героини, и все ее усилия направлены на обеспечение собственной безопасности – например, путем проживания в чужих квартирах. Она вынуждена переместиться в страну первого «пояса» вокруг Рейха – Швецию, где первичная потребность в безопасности удовлетворена и героиня имеет возможность «закрыть» вторичные потребно-

сти (дружеские и любовные отношения, получение новых впечатлений). Этот первый переход границы оказывается возможен благодаря жертве, которую приносит ее мать.

Однако свою жизнь в Швеции Иоганна воспринимает как лишенную смысла; чтобы придать ей осмысленность, осознаваемую ею как целенаправленная политическая борьба против нацистского режима, она должна пересечь еще одну границу и переместиться в страну второго «пояса», символически занимающую окраинное положение по отношению к Рейху, – Францию. Три стадии в становлении героини – борьба за выживание во враждебной стране, *увеселительная прогулка* [s. 204] в безопасной и политически нейтральной стране и осмысленная жизнь в политически активной (в эмигрантском измерении) стране – соответствуют трем последовательно сменяющим друг друга участкам пространства эмиграции, по которому она передвигается. Пространство, выстроенное концентрическими кругами вокруг своего «темного» центра и «улучшающееся» по мере удаления от него, определяет перемещения героини и, приведя в пустой «буфер» между первым и вторым «кольцом», ставит ее в ситуацию выбора, результатом которого становится жертвоприношение, переход границы и ликвидация «нехватки».

Таким образом, переход границы, то есть прохождение героини через переломный хронотоп, является полем интенсивного взаимодействия сюжетной и пространственной организации романа. Представляя собой пространственный феномен – перемещение из одного «кольца» пространства в следующее, принципиально иное, – переход границы обязательно должен быть подготовлен сюжетными событиями, имеющими «пороговый», рубежный статус; в случае Иоганны таким событием во всех случаях является жертвоприношение. Основным следствием перехода является, в свою очередь, появление героини в «политически активном» пространстве второго «кольца» в качестве нового культурного героя, что ликвидирует обусловленную гибелью другого культурного героя «недостачу». Симметричное построение данной сюжетной линии, в рамках которой жертвоприношение Бруно и жертвоприношение Иоганны являются, в терминологии Р. Барта [Барт, 2000, с. 205], функциями-коррелятами, делает ее катарсически завершенной. Переход границы – феномен в основе своей пространственный – становится ключевым фактором катарсического завершения основной сюжетной линии романа «Бегство на север». Такая тесная взаимосвязь пространственной и сюжетной организации характерна, на наш взгляд, не только для рассматриваемого в настоящей статье произведения, но и для немецкого эмигрантского романа в целом.

Литература

Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М., 1986.

Греймас А.Ж. В поисках трансформационных моделей // Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода. М., 2004.

Кудашова Н.Н. Портретизация толпы в тексте прозаического произведения (на материале пролога к роману Клауса Манна «Мефистофель») // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации. Саранск, 2006. Вып. 5.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве: Структура художественного текста. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Статьи. Заметки. Выступления (1962–1993). СПб., 1998.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 2000.

Поршнева А.С. Пространство и сюжет в романе Клауса Манна «Бегство на север» // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. 2012*а*. № 7 (18). Ч. II.

Поршнева А.С. Пространство наци и пространство эмиграции в романе Клауса Манна «Бегство на север» // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012*б*. № 10.

Поршнева А.С. Пространство эмиграции в романном творчестве Э.М. Ремарка: монография. Saarbrücken, 2010.

Поршнева А.С. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Лиона Фейхтвангера «Изгнание» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012*в*. № 3 (19).

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001.

Сутягина Н.Н. Время как основа сюжета. Новелла Клауса Манна «Зарешеченное окно» // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008*а*. Вып. 8.

Сутягина Н.Н. Драматургическое начало в творчестве Клауса Манна // XII Державинские чтения. Институт русской филологии. Тамбов, 2008*б*.

Сутягина Н.Н. Романтическая традиция в малой прозе Клауса Манна: на материале «Легенд о Каспаре Хаузере» // Вестн. Тамбов. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2008*в*. Вып. 1.

Теория литературы: в 2-х тт. М., 2004. Т. 1.

Albrecht F. Klaus Manns «Mephisto. Roman einer Karriere» // Weimarer Beiträge. Berlin; Weimar, 1988. Jg. 34.

Ben Ammar S. Das Dritte Reich und die Emigration in zwei Romanen von Erich Maria Remarque: «Arc de Triomphe» und «Zeit zu leben und Zeit zu sterben»: [Diplomarbeit]. Lille, 2000/2001.

Fitzsimmons L. «Scathe me with less fire»: disciplining the African German «Black Venus» in «Mephisto» // Germanic review. Washington, 2001. Vol. 76. № 1.

Frühwald W., Schieder W. Gegenwärtige Probleme der Exilforschung // Leben im Exil: Probleme der Integration deutscher Flüchtlinge im Ausland 1933–1945. Hamburg, 1981.

Mann K. Flucht in den Norden. Reinbek bei Hamburg, 2003.

ПРОДАВЦЫ ПРОТИВ ПОКУПАТЕЛЕЙ: ХРОНОТОП МАГАЗИНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ В.М.ШУКШИНА

А.И. Куляпин

Ключевые слова: хронотоп, художественное пространство, поэтика, мотив, конфликт.
Keywords: chronotope, art space, poetics, motif, conflict.

Предприятия торговли – рудименты рыночной экономики в системе планового хозяйства – были болевыми точками советского общественного организма. В условиях постоянного товарного дефицита в СССР сформировалась так называемая «экономика продавца». Права и интересы потребителя оказались здесь сведены к минимуму. Неписанное правило советской торговли: «Клиент всегда неправ». Не приходиться удивляться, что для советских художников работники торговли стали излюбленным объектом сатирического осмеяния. Шукшин, начиная с раннего рассказа «Светлые души» (1961) и кончая опубликованной уже после смерти повестью для театра «А поутру они проснулись…», также отдал щедрую дань теме торговли.

Практически все шукшинские продавцы – жулики и воры, так или иначе неизменно обманывающие покупателя.

«Выбираю деревню на жительство» (1973): «*– Я седня гляжу: пиво продают. Отстоял в очереди – она мне наливает… А наливает – вот так вот не долила. Сунула под кран – и дальше. Я отошел и думаю: "У нас бы ей за такие дела спасибо не сказали"*» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 171].

«Владимир Семеныч из мягкой секции» (1973): «*Работать Владимир Семеныч умел: каждый месяц имел в кармане "благодарственные", кроме зарплаты. Но раньше он много денег пускал побоку, теперь же стал вполне бессовестный и жадный: стал немилосердно обирать покупателей…*» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 143].

«А поутру они проснулись…» (1975): «*Он же обвешивает покупателей! Этот лоб нахально обвешивает всех покупателей…*» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 258] и др.

Меняется на протяжении творческого пути писателя лишь представление о способах возмездия за неправедную жизнь. В ранних рассказах Шукшин очерчивает судьбу нечистых на руку торгашей весьма прямолинейно – в соответствии с советским штампом о неотвратимости наказания. Путь завмага Гани («Светлые души») – «*прямо из мага-*

зина да в КПЗ» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 74]. Животрепещущую тему: «*кто-то заворовался, кого-то сняли и хотят судить*» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 236], – обсуждает с коллегой заведующий аптекой из рассказа «Змеиный яд» (1964).

В рассказах первой половины шестидесятых годов расплата к прохиндеям-торговцам приходит извне, от органов правосудия. В произведениях позднего Шукшина воры, спекулянты и мошенники, как правило, чувствуют свою полную неуязвимость. Единственное исключение – в сатирической повести для театра «Энергичные люди» (1974) – лишь подтверждает правило. Внезапное и ничем не мотивированное появление в финальной сцене трех милиционеров слишком отдает литературной условностью, чтобы читатель или зритель мог в него мог поверить.

Надежда на голос совести тоже плоха. Напрасно сторож Ермолай из рассказа «Билетик на второй сеанс» (1971) думает, что Тимофея Худякова мучает совесть: «*Совесть тебя, дьявола, заела: хапал всю жизнь, воровал… И не попался ни разу, паразит!*» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 191]. Это, конечно, не так. Тимофей Худяков никаких угрызений совести не знает, как не знает их и очень похожий на него персонаж другого рассказа – Николай Кузовников («Выбираю деревню на жительство»): «*С совестью Николай Григорьевич был в ладах: она его не тревожила*» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 166].

Ощущение неправильно прожитой жизни возникает у героев Шукшина совсем по другой причине. Они болезненно переживают наличие очень заметного разрыва между субъективным ощущением собственного всемогущества и своим крайне невысоким социальным статусом. «*<…> Чего ни возьмусь сделать, все могу!*» – похваляется продавец мебельного магазина Владимир Семеныч («Владимир Семеныч из мягкой секции»), и признается дальше: «*<…> я уважительный тон хорошо чувствую*» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 144]. Вот как раз с уважительным тоном у него и возникает проблема: ведь даже для ближайших родственников Владимир Семеныч – не более, чем пустое место.

Вроде бы успешный Тимофей Худяков, выпрашивая у Николая-Угодника «билетик на второй сеанс», другую жизнь уже не связывает со сферой распределения дефицита. «*А с моей-то башкой – мне бы и в начальстве походить тоже бы не мешало… Из меня бы прокурор, я думаю, неплохой бы получился <…>*», – мечтает он [Шукшин, 2014, т. 5, с. 196].

Работник советской торговли обладал вполне реальной, но, разумеется, формально не закрепленной властью, и поэтому ему приходи-

лось все время демонстративно выставлять напоказ свое могущество. В условиях такой «диктатуры продавца» магазин из торгового предприятия закономерно превращался в локус подчинения и страха.

«Чудик» (1967): «*Чудик уважал городских людей. Не всех, правда: хулиганов и продавцов не уважал. Побаивался*» [Шукшин, 2014, т. 3, с. 116].

«Боря» (1973): «*Я боюсь чиновников, продавцов и вот таких, как этот горилла. А они каким-то чутьем угадывают, кто их боится*» [Шукшин, 2014, т. 7, с. 36].

«Сапожки» (1970): «*Продавщица все глядела на него; в глазах ее, когда Сергей повнимательней посмотрел, действительно стояла белая ненависть. Сергей струсил…*» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 151].

«Выбираю деревню на жительство»: «*Но вот уж чего не понимали деревенские в городе – это хамства. Это уж черт знает что, этому и объяснения-то как-то нету. Кричат друг на друга, злятся… Продавщицу не спроси ни о чем, в конторах тоже, если чего не понял, лучше не переспрашивай: так глянут, так тебе ответят, что дай бог ноги*» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 171].

Позиция персонажей довольно близка авторской. Об этом, в частности, свидетельствует одно из высказываний Шукшина в статье «Вопрос самому себе» (1966): *«Вызывает злость то, что вызывает ее у любого, самого потомственного горожанина. Никому не нравятся хамоватые продавцы, равнодушные аптекари, прекрасные зевающие создания в книжных магазинах, очереди, теснота в трамваях, хулиганье у кинотеатров и т. п.»* [Шукшин, 2014, т. 8, с. 17].

Лексема «продавец» в шукшинских текстах почти всегда включена в определенный ряд контекстуальных синонимов. В полном виде этот ряд выглядит так: «чиновники – продавцы – хулиганы». Получается, что, с одной стороны, работник торговли близок к власть имущим, с другой – к маргинализованным асоциальным элементам.

Магазин, по Шукшину, – часть пространства насилия и власти. Профессиональные стереотипы поведения продавцов и блюстителей порядка совпадают абсолютно. Характерный пример есть в рассказе «Обида» (1971). Заведующая и «несгибаемая тетя» из рыбного отдела обсуждают поведение Сашки Ермолаева достаточно специфически*: «…так говорят врачи между собой при больном о больном же, еще на суде так говорят и в милиции – вроде между собой, но нисколько не смущаются, если тот, о ком говорят, слышит…»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 158]. Понятно, почему представление о триаде сильных мира сего, отравляющих жизнь каждому, у Сашки Ермолаева то же что и у автопсихологического героя из рассказа «Боря»: «продавец – чиновник

– хулиган». *«Что за проклятое желание угодить продавцу, чиновнику, просто хаму – угодить во что бы то ни стало!»* – возмущается он [Шукшин, 2014, т. 5, с. 159].

Если озлобленность покупателя в произведениях Шукшина вторична – ее вызывает агрессия со стороны продавца, то озлобленность последнего внешне немотивирована. Работник прилавка злится не по какому-то конкретному поводу – он недобр по самой своей природа. *«Прямо ненавидит. За что? <…> Что она?! Сдурела, что ли, – так злиться? Так же засохнуть можно, не доживя веку»* – изумлен отношением к нему продавщицы обувного магазина Сергей Духанин из рассказа «Сапожки» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 151]. А Тимофею Худякову («Билетик на второй сеанс») становится «*малость полегче*» только после того, как он беспричинно оскорбляет свою бывшую любовь Полю Тепляшину. Но этого герою мало, и ему тут же захотелось «*еще кому-нибудь досадить. Кому-нибудь так же бы вот спокойно, тихо наговорить бы гадостей*» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 194]. Тимофей – настоящий «артист зла». Для того, чтобы «наговорить гадостей» вернувшемуся из лагерей тестю, он мастерски разыгрывает целый спектакль.

Шукшин отчасти даже демонизирует фигуру продавца. В ход идут фольклорно-мифологические мотивы и образы.

О сущности советского экономического феномена со знанием дела рассуждает в повести «Энергичные люди» Аристарх Кузькин: *«Вот они, покрышки, лежат, – показал Аристарх в коридор. – Пять штук. Лежат? Лежат – ты можешь подойти и пощупать их: они есть. – Аристарх остановил свой вузовский ход и торжественно поднял руку. – Но их – нету! Их нигде нету, их не сделали на заводе. Их не су-ществует. А они – лежат, пять штук, друг на друге. Это и называется: экономический феномен»* [Шукшин, 2014, т. 7, с. 166]. Выходит, что советские продавцы или складские работники вещи и ценности творят из ничего: полки магазинов пусты, а у них все есть. Они – волшебники, правда, волшебники злые.

Пообещав больной дочери «все-все сделать», герой рассказа «Как зайка летал на воздушных шариках» (1972) Федор Кузьмич планирует обратиться за помощью к волшебнику: *«Сам не смогу, попрошу волшебника, у меня есть знакомый волшебник, он все может»* [Шукшин, 2014, т. 6, с. 60]. Естественно, «все может» лишь причастный к торговой сфере. Позже, в разговоре с братом Федор Кузьмич внесет ясность, кто этот «волшебник», на помощь которого он рассчитывал: *«Мне счас будет звонить один… волшебник один… – Федор искренне, от души засмеялся. – Вот волшебник так волшебник! Всем волшебникам вол-*

шебник, у него там всего есть…» [Шукшин, 2014, т. 6, с. 70]. К какому типу сказочных персонажей отнести современного волшебника от торговли Федор Кузьмич не сомневается: *«– Да, тут есть волшебники… Целые змеи-горынычи! – засмеялся Федор»* [Шукшин, 2014, т. 6, с. 69].

Магазин вписан Шукшиным в сказочно-мифологическое пространство. С магазинным хронотопом писатель нередко увязывает мотив искушения – один из важнейших для его поэтики. Кроме того, магазин – это своего рода «заколдованное место», мгновенно преображающее человека. Подобную моментальную трансформацию переживает, например, в московском ГУМе Нюра Расторгуева («Печки-лавочки»): *«Продавщицы ей делали замечания, Нюра не обращала на них внимания. Ее очень увлекло это занятие – перебирать товары. Она прямо преобразилась вся. И куда девалась ее деревенская робость, нерешительность!»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 295]. Меняется героиня, разумеется, не в лучшую сторону. Еще более разительную перемену сельские жители переживают, оказавшись по ту сторону прилавка. В интервью итальянскому журналисту «Я родом из деревни…» (1974) Шукшин рисует такую сценку: «*Я вижу, как вчерашняя деревенская девушка приехала в город, устроилась продавщицей и, к ужасу нашему, – если она сама догадается ужаснуться, – прежде всего научилась кричать. Почему? … А, к сожалению, она только осмелела здесь, на своем месте, и уже, значит, что-то утратила. Это жаль. Глубоко жаль…*» [Шукшин, 2014, т. 8, с. 186].

Магазин в культуре семидесятых начинает претендовать на статус нового сакрального центра. Герои рассказа «Сельские жители» (1962), собираясь в Москву, в соответствии с советским каноном «паломничества» в столицу [Куляпин, Скубач, 2013, с. 19] стремились в первую очередь попасть в Кремль: «*Побывать бы хоть разок там… посмотреть*» [Шукшин, 2014, т. 1, с. 134]. Мечты персонажа второй книги романа «Любавины» отразили тот сдвиг в ментальности советского человека, который произошел во второй половине 1960-х гг. Ивлев, воображая себя молодым генералом, придумывает сценку со своим эффектным появлением не в топосе власти, как можно было ожидать, а в столичном театре: «*Ведь как мечталось!.. Вот он в тридцать пять лет – генерал-майор. <…> Приезжает в Москву, приходит в театр. Все оглядываются на него, все удивлены: какой молодой, а уже генерал!*» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 329]. К семидесятым годам слабеет притягательность Москвы и как центра культуры. В «Печках-лавочках» (1975) новый квазисакральный центр советского мира – ГУМ. Нюра Расторгуева соглашается сделать остановку в Москве

только потому, что *«ей охота посетить ГУМ»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 289].

Желание Нюры вполне оправдано, ведь советские магазины не столько торговали, сколько пытались (безуспешно, впрочем) создавать иллюзию изобилия, а Москва в этом отношении была счастливым исключением. Деревня же вообще жила в условиях полунатурального хозяйства. *«Не люблю в этих деревнях: в магазине ничего нет…»*, – замечает свояк Сергей Сергеевич из одноименного рассказа [Шукшин, 2014, т. 5, с. 8]. Иван Расторгуев («Печки-лавочки») высказывается на эту тему подробнее: *«В городе у меня все под боком: и магазин, и промтовары, и парикмахерская, и вино… А у себя-то я со своим рубликом еще побегаю поищу – где пальтишко девчонке купить, где рубаху себе, где пальто демисезонное супруге… За любым малым пустяком – в райцентр. А до райцентра – семьдесят километров. Да еще приедешь, а там тоже нету»* [Шукшин, 2014, т. 5, с. 262–263].

Следствие сплошного дефицита – возникновение такого своеобразного феномена, как советская очередь. Лидия Гинзбург, описывая блокадные очереди Ленинграда, по сути, очень хорошо охарактеризовала советскую очередь как таковую: «*Очередь – принудительное соединение людей друг против друга, раздраженных и в тоже время сосредоточенных на общем, едином круге интересов и целей. Отсюда эта смесь враждебности, соперничества и чувства коллектива, ежеминутной готовности сомкнуть ряды против врага – правонарушителя. Разговоры развязаны здесь общей праздностью и одновременно связаны определенностью содержания, прикреплены к делу, которым занимается очередь*» [Гинзбург, 1989, с. 548].

Очередь – это едва ли не самая точная модель советского социума. Над раздраженностью, враждебностью, соперничеством в борьбе за дефицит может возобладать чувство коллективизма. Очередь, как это ни парадоксально, скорее объединяет, чем разъединяет. М. Эпштейн в качестве главной особенности очереди по-советски выделил ее спаянность: «*От бдительности каждого зависит порядок во всей очереди, ибо цепь, порванная в одном звене, – уже не может соединять людей и вести к одной цели. Стояние в очереди – еще и надзор над очередью, деятельность учета и контроля, которая, как известно, обеспечивает диктатуру большинства над меньшинством*» [Эпштейн, 1998, с. 57].

Тоталитарная власть умело использовала психологические механизмы для управления массой. Накопившаяся в обществе агрессия должна вымещаться на отдельных индивидах, невольно оказывающихся в положении изгоя. Так, несправедливо оскорбленный продавцом Сашка Ермолаев из рассказа «Обида» зря надеется на поддержку дру-

гих покупателей. Хотя каждый из стоящих в очереди потенциально может оказаться на месте Сашки, все становятся на строну продавца и дружно выступает против него. Сашка отчетливо понимает: «*Эту стенку из людей ему не пройти*» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 159].

Очередь в сельмаге тоже способна единодушно выступить против отщепенца, но это будет уже не выброс внутренней агрессии на ни в чем неповинного человека, а выражение народной точки зрения на происходящее. Бригадир Шурыгин («Крепкий мужик», 1970), разрушивший церковь XVII века, коллективный отпор получает именно в магазине от «*вездесущих баб*» [Шукшин, 2014, т. 5, с. 88].

Сельмаг в художественном мире Шукшина занимает промежуточное место между собственно магазином и таким карнавализованным топосом, как базар. Праздник и Воля – центральные категории романа «Я пришел дать вам волю» (1970) – напрямую связаны с базаром – пространством стихийной свободы от всего и вся: «*По всему побережью развернулась нешуточная торговля. <…> Наступил тот момент, ради которого казак терпит голод, холод, заглядывает в глаза смерти… <…> Разноцветное человеческое море, охваченное радостью первого опьянения, наживы, свободы, торга – всем, что именуется ПРАЗДНИК, колышется, бурлит, гогочет*» [Шукшин, 2014, т. 4, с. 39, 40–41]. Казаки Разина продают награбленное в Персии по бросовым ценам: «*В треть цены, а то и меньше переходили из щедрых казачьих рук в торопливые, ловкие руки покупателей <…> куски миткаля, кумача, курпех бухарский (каракуль); узорочный золотой товар: кольца, серьги, бусы, цепи, сулеи, чаши…*» [Шукшин, 2014, т. 4, с. 39]. Корыстный расчет в их действиях отсутствует, торг – только повод для театрализованного представления, для рассказа о своих персидских подвигах. Поразительно, что на базаре (в отличие от магазина) даже обман не нарушает гармонии в отношениях продавца и покупателя: «*Радешеньки все – и кто обманывает, и кто позволяет себя обманывать*» [Шукшин, 2014, т. 4, с. 41].

Литература

Гинзбург Л.Я. Записки блокадного человека // Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л., 1989.

Куляпин А.И., Скубач О.А. Мифология советской повседневности в литературе и культуре сталинской эпохи. М., 2013.

Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9-ти тт. Барнаул, 2014.

Эпштейн М. Бог деталей. Эссеистика 1977–1988. М., 1998.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ДЕЛОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ КАК ОТПЕЧАТОК ЭПОХИ

О.В. Протопопова

Ключевые слова: деловая словесность, интенциональность, интерференция, политическая коммуникация.
Keywords: business literature, intentionality, interference, political communication.

Недостаточно изученные документы периода ВОВ 1941–45 годов в жанрах речей и директив советских руководителей стали объектом нашего исследования как значимые не только в историческом, но и в лингвистическом плане, будучи ярким свидетельством эпохи, словесным отражением общественных настроений того трагического периода. Предмет изучения прежде всего – межстилевая интерференция официально-делового и публицистического стилей, которая детерминировалась изменением интенциональности как общей направленности в словесности периода ВОВ: в определенных коммуникативных ситуациях, помимо основных, проявились еще и дополнительные прагматические задачи. Предполагается, что взаимодействие функциональных стилей в то время стало весьма значительным и может рассматриваться в качестве приметы словесности военной эпохи. Естественным образом в условиях защиты Отечества, ведения справедливой войны патриотическая составляющая выступила лейтмотивом, доминантой речевого поведения, что привело к усилению межстилевой интерференции в направлении проникновения средств и приемов публицистики, прежде всего военной, в тексты официально-делового стиля (далее ОДС).

В то же время стоит рассмотреть возможность отражения в пределах ОДС и внутристилевой интерференции, которая, будучи обусловлена изменением интенциональности в официально-деловой сфере, приводит к заимствованию в документы элементов устной публичной речи, прежде всего – военного красноречия. Так, при доминировании побудительной компоненты интенциональности в письменных текстах-предписаниях существенную роль играет эмоциональная составляющая, связанная с реализацией функции воздействия на моральный дух, нравственные побуждения армии и – шире – всего народа. Именно воздействие на сердце и воображение – цель военно-патриотической риторики со свойственными ей и другим ее родам

средствами и приемами выражения. В статье исследуется меж- и внутристилевое взаимодействие в словесности военной поры.

Камертоном стилистико-речевого поведения в условиях войны стал текст, который часто называют выступлением Молотова 22 июня 1941 года. На деле это заявление Советского правительства, зачитанное Вячеславом Михайловичем по радио в первый день войны; поэтому мы рассмотрим этот документ позднее, в ряду письменных произведений. Сейчас же обратимся к такому примеру военной словесности, как речь Сталина, с которой он выступил по радио лишь 3 июля 1941 года. Для комментария предоставим слово Д. Ортенбергу, главному редактору центральной военной газеты тех лет «Красная звезда»: «*Сталин выступил в 6 часов 30 минут… Уже первые сталинские слова буквально пронзали душу: "Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои…" Горькая правда звучала в его словах. Очень откровенно ответил он на жгучие вопросы, волновавшие тогда весь наш народ*» [Ортенберг, 1994, с. 24]. Давно ожидавшееся населением выступление Сталина относится к социально-политическому красноречию на военную тему и сильно именно верно найденной интонацией обращения – доверительной, человечной, проникновенной, воздействующей не только на разум, но и на чувства, воображение каждого жителя страны. Эта адресация, отеческая обращенность, словно к каждому, путем перечисления, называния слушателей сначала по социальным, а потом даже по гендерным признакам (при этом особенно удачно найденным было ***Братья и сестры***) с заключительно объединяющим, личностно обращенным ***друзья мои*** вполне соответствует риторическому канону. Специфика военного красноречия, как отмечал еще в XIX веке профессор Я. Толмачев, в силу своеобразия самой сферы «заключается в особой направленности на создание определенной психологической атмосферы, в воздействии на чувства и эмоции» [Цит. по: Граудина, Миськевич, 1989, с. 178].

Затем Сталин продолжает развивать тему единения советских людей перед лицом нашествия в условиях необычной войны: *Она является не только* ***войной*** *между двумя армиями. Она является вместе с тем* ***великой войной*** *всего советского народа против немецко-фашистских войск* (цит. по: [История…, 1982, с. 33]). Таким образом, уже в статусе председателя Государственного Комитета Обороны, созданного 30 июня 41 г. и сосредоточившего всю полноту власти в Советском Союзе, Сталин показал истинный масштаб беды и изложил директиву руководства органам партии и государства в прифронтовых районах. Доходчиво и ярко (см. выделения) сформулирована цель *все-*

народной Отечественной ***войны*** *– не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы,* ***стонущим под игом*** *германского фашизма… Это будет* ***единый фронт народов****, стоящих за свободу против* ***порабощения*** *и* ***угрозы порабощения*** *со стороны фашистских армий Гитлера*. По сути была высказана поддержка идее всемирной борьбы с фашизмом, уже провозглашенной в выступлении У. Черчиля по радио 22 июня 1941 года. Упоминание союзников в лице народов Европы и Америки должно было вселить в советских людей уверенность в совместной победе.

Тематическое единство выступления обеспечивается многократным повтором ключевого слова *война*, которое проходит через весь текст и сопровождается оценочными характеристиками: *Войну с фашистской Германией нельзя считать* ***войной обычной****… Целью этой* ***всенародной освободительной войны*** *является… В этой* ***освободительной войне****… В этой* ***великой войне****…* ***Наша война за свободу*** *нашего Отечества...* [История…, 1982, с. 33]. Благодаря определениям такой сквозной повтор, этот вертикальный стержень речи, существенно отличается от дословного повтора терминов в деловых текстах как средства межфразовой связи и обеспечения точности и однозначности. Сталинское выступление на военно-патриотическую тему, главнейшую в тот момент, не просто дает открытую оценку фактов (см. выделенные определения), но и разъясняет геополитическую обстановку, раскрывает программу антифашистских действий и, несомненно, обладает призывной направленностью. Ради достижения такого эффекта употреблены соответствующие средства воздействия на адресата – от точных обращений, оценочной лексики до разнообразных выразительных повторов, включая анафору. ***Она является*** *не только войной…* ***Она является*** *вместе с тем…* [История…, 1982, с. 33].

Выступление заканчивается тремя призывами: *Все наши силы – на поддержку нашей героической Красной Армии и нашего славного Красного Флота! Все силы – на разгром врага! Вперед, за нашу победу!* Эти лозунги служат логичным итогом изложенных выше требований разгромить *жестокого и неумолимого врага* (цит. по: [История..., 1982, с. 33]).

В качестве нашего резюме отметим аналитический характер выступления, темой которого стали размышления над геополитической обстановкой после нападения Германии на СССР. В то же время ведущая компонента интенциональности – когнитивная – эффективно дополняется эмоциональной составляющей начальной части, и в целом речь несет заряд бодрости, уверенности и побуждает к защите Отечества. На тексте лежит значительный отпечаток книжности, предварен-

ный атрибутами устности в зачине (обращенностью, инверсией *друзья мои, обращаюсь я* и поддержанный в основной части вышеперечисленными средствами выразительности.

Еще одним примером военно-политического красноречия служит другое выступление Сталина – на историческом параде 7 ноября 1941 года на Красной площади. Верховный главнокомандующий вновь выразил уверенность в неизбежной победе над фашизмом, проведя параллель между двадцать четвертой и далекой первой годовщиной Октября, когда страна находилась в еще более тяжелом положении, но выстояла. По свидетельству Д. Ортенберга, для воодушевления советских людей Сталин обратился к боевому прошлому, вспомнил о прежних победах, призвал к патриотизму, к защите не столько строя, сколько Родины: «*Пусть вдохновляет нас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!*» (цит. по: [Ортенберг, 1994, с. 255]). При этом ясно выражено стремление руководства быть с народом, готовым защищать с оружием в руках свой дом, свою семью. Власть в тяжелых условиях привычно прибегла к мощному спасительному рычагу – патриотизму. Эта тема и стала ведущей в словесности того времени в соответствии с реализацией интенции воздействовать на моральный настрой советских людей, воодушевлять на сознательную борьбу и выполнение предписаний руководства.

По такому поводу Я. Толмачев писал, что в минуты решительных действий военачальники обычно, чтобы склонить на свою сторону колеблющуюся победу, употребляют все возможные средства и не в последнюю очередь – военное красноречие. Речи оказываются тем убедительнее, чем тяжелее положение: вид «родной страны, угрожаемой опустошением… рождает решимость мужества умереть за Отечество» (цит. по: [Граудина, Миськевич, 1989, с. 178]). Именно таким образом развивались события на фронтах ВОВ, с самого начала которой советские люди разных национальностей проявили подлинный патриотизм и готовность героически жертвовать многим во имя спасения Отечества, защиты родного дома от врага. Как видим, движение снизу, патриотический порыв совпали с призывами власти, несомненно обеспокоенной также и сохранением режима.

Оценка героизму и патриотизму советских людей была дана через долгие четыре года в известном выступлении Сталина на приеме в Кремле 24 мая 1945 года. Это застольная речь, произнесенная официальным лицом на приеме по поводу окончания военных действий в Европе, победы над фашистской Германией. Зачином служит фраза с

обращением к аудитории: *Товарищи, разрешите мне поднять* (так в тексте. – *О.П.*) *еще один, последний тост.*.)[1] Затем провозглашается по сути здравица в честь русского народа: *«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего,* ***русского народа»****,* чтобы в 3-х следующих фразах привести аргументы в подтверждение истинности тезиса об особом статусе и роли русских: *«Я пью... / Я поднимаю тост за здоровье* ***русского народа*** *потому, что* ***он*** *является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза / ... потому, что* ***он*** *заслужил в этой войне общее признание как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны / ... не только потому, что* ***он*** *– руководящий* ***народ,*** *но и потому, что* ***у него*** *имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».* Эта часть рассуждения убедительна не только благодаря логически последовательной форме, объясняющей причины рассмотрения выдвинутого суждения, но и во многом за счет анафоры, что в совокупности служит средством активизации внимания слушателей и подтверждения правоты оратора.

Содержательно интересен следующий пространный абзац, в котором вождь – казалось бы – самокритично признает многие ошибки правительства в моменты отчаянного положения в 1941–42 годах. Прибегая к приему диалогизации, Сталин изображает такую гипотетическую ситуацию: *«Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой».* Далее этому противопоставлена реальная патриотическая позиция русского народа, который *«верил в правильность политики своего Правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии».* В выводной части называется главная сила, обеспечившая историческую победу в войне, – «*доверие русского народа Советскому правительству».* Наконец, высказав эмоционально открыто благодарность русским *(Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!),* Сталин снова повторяет ключевую фразу тоста: *За здоровье русского народа!* (собравшиеся встретили ее ритуальными, но искренними *бурными, долго не смолкающими аплодисментами,* как зафиксировано стенограммой).

Речь Сталина была, как говорится, обречена на успех, однако надо отдать должное умению оратора выстроить выступление и использовать языковые средства для достижения поставленной цели –

[1] Здесь и далее цит. по: Лейбович О.Л. Россия. 1941–1991. Документы. Материалы. Комментарии. Пермь, 1993.

произнести панегирик в честь советского народа-победителя, выделив особо русских. Тематическое единство текста обеспечивается сквозным, вертикальным повтором *Советского народа – русского народа – наиболее выдающей нацией из всех наций... Советского Союза – русского народа – он – среди всех народов нашей страны – руководящий народ – иной народ – русский народ – он – русского народа – русского народа.* Лексически воздействие на слушателей достигается главным образом благодаря определениям *наиболее выдающаяся* (нация), *руководящая* (сила), *ясный* (ум), *стойкий* (характер), *родные* (нам села и города), выражающими положительную рациональную оценку роли русских в ВОВ. Стилистически отмечены и существительные с той же функцией (*победа, покой, доверие).* Использованы фразеологизмы *не оправдали ожиданий, обеспечить разгром / победу / покой,* а также выразительное, стилистически значимое приложение *враг человечества* – ***фашизм***, чтобы подчеркнуть величие победы и подвига русских.

В целом выступление организовано рационально, продуманно и строго, обладает кольцевой структурой (*... поднять тост за здоровье... – За здоровье русского народа*) и торжественно-официальной окраской, соответствующей ситуации. Вместе с тем речь воздействует не только интеллектуально, но и эмоционально благодаря как перечисленным средствам выразительности, так и удачному устному воплощению: обращенности высказывания, его диалогизации, присоединительной конструкции *И это доверие*, повтору *отступала, покидала... покидала.* Налицо эффективное сочетание когнитивного и эмоционального компонента интенции.

Наш анализ выступлений Сталина выявил в них ожидаемое наличие риторических средств и приемов, характерных для устной публичной речи, разумно сочетающихся с книжно-письменной основой, рассуждениями на военно-патриотическую тему – доминантой словесности того времени.

Далее для обнаружения проявлений межстилевой интерференции в текстах ОДС анализу подвергались письменные тексты. Как воплотился в них дух времени в результате изменения интенциональности и как это отразилось на развертывании исследуемых речевых жанров?

Начнем с упомянутого заявления правительства от 22 июня 1941 года, зачитанного Молотовым с обращением *граждане и гра̀жданки* (так было произнесено. – *О.П.*) *Советского Союза!* Этот элемент естественен для зачина звучащей речи с позиций этикета как проявление вежливости и для установления контакта. Непосредственно на самом тексте осведомляющего характера лежит печать книжности, но к ос-

новной целевой установке этого официального документа – информировать население страны (и весь мир) о совершенном Германией нападении – явственно присоединяется интенция призвать народы Советского Союза к защите Родины, что и определило выбор языковых средств заявления.

Начало текста содержит констатацию факта нападения: *... без объявления войны германские войска* ***напали*** *на нашу страну,* ***атаковали*** *наши границы… и* ***подвергли*** *бомбежке наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие …* (цит. по: [От Советского…, 1984, т. 1, с. 17]). Далее подчеркивается, что приказ *отбить* ***разбойничье*** *нападение* был дан советским войскам лишь после свершения немецкого нападения, чтобы затем весьма текстуально выразительно – благодаря антитезе – напомнить о другой освободительной войне таким образом: «***Не первый раз*** *нашему народу приходится иметь дело с нападающим* ***зазнавшимся*** *врагом.* ***В свое время*** *на поход Наполеона в Россию наш народ ответил* ***Отечественной*** *войной и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему* ***краху. То же*** *будет и* ***с зазнавшимся*** *Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут* ***победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу***» [От Советского…, 1984, т. 1, с. 17]. Ряд однородных членов и прием сравнения, проведение параллели между двумя освободительными войнами, первая из которых в XIX в. завершилась разгромом агрессора, призваны внушить веру в успех, в победу, воодушевить на бой. Выделенная лексика с яркой окраской содержит эмоциональный заряд, а чеканная концовка «*Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами*» своей точностью, лаконичностью, применением синтаксического параллелизма, даже не выражая явно прямой призыв в виде побудительных предложений, производит сильнейшее воздействие – придает уверенность в победе, зовет к борьбе с фашизмом.

В целом окрашенная лексика и средства экспрессивного синтаксиса придают официальному заявлению явную выразительную тональность, в чем можно усмотреть проявление межстилевой интерференции, а конкретно – заимствование художественно-публицистического инструментария в ОДС для реализации дополнительной прагматико-коммуникативной установки. В этом нам видится воплощение всех трех компонентов интенциональности: когнитивной, эмоциональной и побудительной (см.: [Дускаева, 2012]). В то же время представляется обоснованным говорить и о влиянии устной формы деловой речи – военного красноречия на этот письменный официальный текст в виде

привлечения риторических средств и приемов, прежде всего обращения.

В соответствии с представлением, что в трагические моменты истории в документах-предписаниях власть, выражая категорический императив, прибегает также и к убеждению подчиненных в неизбежности, целесообразности выполнения указаний, обратимся к анализу способов воплощения, столь, казалось бы, различных задач. Изучение с этой точки зрения таких значимых и жестких документов, как директива руководства СССР от 29 июня 1941 года по перестройке работы в прифронтовых областях на военный лад, а также директива Сталина командованию Ленинградским фронтом от 29 сентября 1941 года, приказы Ставки Верховного Главнокомандования № 270 от 16 августа 1941 года и № 227 от 28 июля 1942 года (легендарный «Ни шагу назад!») (см.: [Протопопова, 2013]), выявило в них ожидаемый категорический императив, выраженный лексико-грамматически: *обеспечить, организовать, беспощадная, проявлять, отстаивать, драться, обязать расстреливать, самоотверженно сражаться, бить врага, бейте по немцам, безусловно снимать с постов* и т.д. При этом предписание формулируется не только в распорядительной части, как это принято обычно, но в некоторых случаях уже в преамбуле, например приказов № 270 и № 227 соответственно: *Таких самозванцев* ***нужно немедленно смещать*** *с постов,* ***снижать*** *по должности,* ***переводить*** *в рядовые, а* ***при необходимости расстреливать*** *на месте; Паникеры и трусы* ***должны истребляться*** *на месте* (цит. по: [Лейбович, 1998, с. 43, 50]). Именно этот прием способствует усилению императивного начала, его концентрации; так мотивируется предписание, а тональность авторской уверенности, по Т.В. Матвеевой, готовит адресата психологически к приятию предписания [Матвеева, 1990, с. 72].

Не случайно предписывающее начало июньской директивы (1941 год) дополнительно усиливается благодаря риторически эффективно сформулированной цели освободительной войны: «*В* ***беспощадной*** *борьбе с врагом* ***отстаивать*** *каждую* ***пядь*** *советской земли, драться до последней капли крови за наши города и села,* ***проявлять смелость, инициативу и сметку****, свойственные нашему народу»* (цит. по: [Лейбович, 1993, с. 33]). В то же время на текстовом пространстве распорядительной части другого предписания – приказа Ставки № 270 – использована лексика с экспрессивной окраской: ***злостные*** *(дезертиры),* ***фашистские собаки****,* ***самоотверженно*** *сражаться,* ***беречь как зеницу ока****,* ***прячущихся в щелях*** *во время боя и* ***боящихся*** *руководить,* ***самозванцы*** (цит. по: [Лейбович, 1983, с. 43]). Здесь обнаруживаются и стилистически приподнятый фразеологизм *беречь как зеницу ока*, и

лексемы со сниженной окраской *собаки, самозванцы,* свойственные и ораторской речи.

Коммуникативная установка известного приказа № 227 Народного комиссара обороны – не просто довести до сведения информацию о беспощадных мерах по установлению в армии «строжайшего порядка и железной дисциплины», не просто регламентировать поведение и действия военнослужащих в бою, а добиться, чтобы они прониклись сознанием насущной необходимости, неизбежности прекратить отступление без приказа, часто по сути бегство. Этому подчинена как форма (композиция), так и использование разноуровневых языковых средств, благодаря чему и сегодня до нас доносится обжигающее дыхание эпохи. Показательно, что и в этом документе еще до распорядительной части выражен категорический императив момента: «***Ни шагу назад!*** *Таков наш главный призыв»* (цит. по: [Лейбович, 1993, с. 50]), который выступает как элемент военного воззвания.

В свое время Я. Толмачев указывал, что в предписывающих жанрах письменной военной речи возможно проявление воззваний (или гласных обращений, по В. Далю), предназначенных для чтения и написанных «с некоторым старанием об искусстве красноречия». При этом слог военной речи и воззваний, имеющих общее содержание, различается формой его воплощения – устной или письменной (цит. по: [Граудина, Миськевич, 1989, с. 181]).

Исходя из проведенной параллели, можно иначе взглянуть на использование в официально-деловой письменности выразительных средств. Обоснованно считать это проявлением прежде всего внутристилевой интерференции, когда вследствие изменения интенциональности в письменные, а конкретно в предписывающие тексты заимствуются из устной деловой речи ее приемы и разноуровневые языковые средства. Так, лексически ярко окрашена текстовая плоскость документа, чему способствуют как обильные военные термины, так и слова и выражения с иной окраской, например: *рвется, лезет вперед, опустошает и разоряет* (при формировании образа врага); *паникеры, трусы, предатели Родины, проклинают, утешают, поруганная Родина* (при характеристике отступающих красноармейцев). Показательны выразительные фразеологизмы *покрыть свои знамена позором, отдать под ярмо, до последней капли крови, искупить кровью грехи преступления, выполнить долг перед Родиной, ни шагу назад*, мобилизующие, призывающие к упорному сопротивлению, апеллирующие к вековому опыту народа.

В целом анализ рассмотренных текстов-предписаний показал: в них рациональная оценка, логические выводы, объяснения сочетаются

с экспрессивностью; категоричность, резкость, прямота взаимодействуют с взволнованностью, даже страстностью. Коммуникативная направленность документов привела к стилистическому сдвигу в сторону реализации эмоционально-экспрессивной составляющей интенциональности. Очевидно, что решать чисто военные задачи невозможно без учета так называемого человеческого фактора, без опоры на моральный настрой, дух воинства, мирного населения, тружеников тыла. На наш взгляд, реализация дополнительных задач общения, наряду с основной, императивной, функцией, предопределяется тем, что эти документы носят военно-политический характер, вследствие чего даже в условиях расцвета русского тоталитарного языка в сталинскую эпоху [Купина, 2003, с. 552] в ритуальные тексты эффективно включаются средства воздействия на сознание и поведение массового адресата.

Приказ № 227 за подписью Сталина предназначался всем военнослужащим Красной Армии и носил несомненный личностный отпечаток, особенно в пространной преамбуле. В этой части понадобилось прибегнуть к развернутому рассуждению, диалогизации, средствам экспрессивного синтаксиса (инверсии, антитезе) ради убеждения бойцов Красной Армии в безотлагательности и неизбежности исполнения последующих суровых приказаний. Увидев и оценив масштаб катастрофы 1942 года, Сталин проявил способность сообщить об этом армии, предписать неотложные и суровые меры, воздействуя одновременно на разум и эмоции, как того требовала ситуация. В тексте приказа реализовались все три упомянутые компоненты интенциональности, чтобы обеспечить его эффективность, внушить получателям высокую личную ответственность за судьбу Родины и за счет этого добиться морального перелома в настроении советских военнослужащих – залога успеха.

Этот вывод подтверждается и на региональном материале. Вот преамбула к приказу директора Пермского моторостроительного завода А.Г. Солдатова, сутками не покидавшего цехов, в которых ушедших на фронт квалифицированных рабочих заменили женщины и дети-подростки: *Условия работы завода в ноябре были исключительно тяжелыми. Работа завода в декабре будет проходить при еще больших трудностях, и поэтому требуется исключительное напряжение сил и воли каждого члена нашего заводского коллектива. Возможные отдельные срывы* (имелись в виду перебои с поставками металла: комментарий наш. – *О.П.*) *не должны вызывать смятения или неуверенности в победе завода. Нашей главной задачей в декабре является во что бы то ни стало закончить выполнение годового и месячного плана выпуска моторов.*

Нас окрыляет небывалый героизм и доблесть защитников Сталинграда, когда бойцы выдерживали по двадцать три атаки в сутки, по восемнадцать часов беспрерывного обстрела – артиллерией и минометами, когда многие погибали, но не покидали поста. Так нужно добиваться победы в тылу, на трудовом фронте» (цит. по: [Михайлюк, 1973, с. 93–94]) (выделено нами. – *О.П.*). Такая вводная часть распорядительного документа, в которой говорится о неимоверно тяжелом труде моторостроителей во имя победы и в которой для их воодушевления упоминается ратный подвиг защитников Сталинграда, готовит адресата к восприятию категоричного императива – любой ценой обеспечить выполнение плана «на трудовом фронте». Текст производит сильное впечатление своей неординарностью, открытой оценочностью (*исключительно тяжелыми, исключительное напряжение сил и воли, срывы, смятение или неуверенность),* использованием высокой лексики *окрыляет небывалый героизм и доблесть.* Синтаксис фрагмента привлекает внимание параллелизмом ***Условия работы*** *в ноябре …* ***Работа*** *завода в декабре,* а также употреблением однородных придаточных времени: ***когда*** *бойцы выдерживали …* ***когда*** *многие погибали.*

Примечательно, что императив документа выражен с помощью отрицательной конструкции *Возможные …* ***срывы не должны вызывать смятения****…* и инфинитива с усилительным оборотом ***во что бы то ни стало закончить*** уже в преамбуле. Очевидно, что описанный фрагмент приказа готовит к восприятию жестких последующих распоряжений, а объяснение их мотивов способствует усилению императивности документа.

Обнаруженные здесь элементы аргументации, объяснения предопределяются дополнительной коммуникативной задачей воздействия на получателя речи путем убеждения в необходимости, неизбежности исполнения указаний руководства. При этом, как и в предписаниях верховной власти, наблюдается использование средств с эмоционально-экспрессивной окраской на лексическом и грамматическом уровнях. Очевидно, что заимствованные элементы не противоречат целеустановке документа строго потребовать выполнения необходимых действий, а напротив, усиливают долженствующий характер текста, мобилизуют заводской коллектив на поистине героический труд, по сути тоже ратный. Завод должен был давать в сутки десятки авиадвигателей любой ценой, и эта задача решалась пермскими тружениками.

Резюмируя, скажем, что реализация патриотической составляющей стилистико-речевого поведения в период ВОВ в деловой словесности привела к изменению интенциональности в сторону усиления

воздействующей, эмоционально-побудительной ее составляющей. Так оказались востребованы соответствующие средства и приемы, в первую очередь выразительные, имманентные для публицистического и художественного стилей, а также для публичной речи, прежде всего социально-политической. Следовательно, наряду с речами и предписания власти можно отнести к продуктам политической коммуникации, изучаемой сегодня активно и плодотворно в рамках политической лингвистики, по А.П. Чудинову, или иначе – политического дискурса (А.Н. Баранов, Е.И. Шейгал), общественно-политической речи (Т.В. Юдина), политического языка (О.И. Воробьева) и др. При этом исследователи рассматривают как борьбу за власть, так и ее использование путем создания предписаний – законов, указов, постановлений, приказов и т.п. жанров, а также обязательно учитывают роль, которую играют эти тексты в общественно-политической жизни, последствия, которые они влекут, и, конечно, языковые средства воздействия на адресата.

Проведенное нами сопоставление жанров-директив и выступлений руководства показало: при освещении актуальнейших проблем военно-патриотического характера дается оценка текущих событий, излагаются необходимые меры, что сопровождается призывами, лозунгами и соответственно использованием выразительных средств. Известно, что в пределах ОДС функционируют в устной форме такие жанры, как судебные, парламентские и дипломатические речи, презентации со свойственной им функцией убеждения, воздействия и необходимым словесным инвентарем. Следовательно, изменение интенциональности в деловой словесности политического характера того трагического периода возможно рассматривать не только как меж-, но и внутристилевое явление.

Литература

Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М., 1989.

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных жанров. СПб., 2012.

История Отечества / В.П. Островский, В.И. Старцев, Б.А. Старков, Г.М. Смирнов. М., 1992.

Культура ораторской речи // Культура русской речи. М., 1998.

Купина Н.А. Тоталитарный язык // Стилистический энциклопедический словарь. М., 2003.

Лейбович О.Л. Россия. 1941–1991. Документы. Материалы. Комментарии. Пермь, 1993.

Матвеева Т.В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Синхронно-сопоставительный очерк. Свердловск, 1990.

Михайлюк В.М. Город мой Пермь. Пермь, 1973.

Ортенберг Д. Июнь-декабрь сорок первого: Рассказ-хроника. М., 1994.

От Советского Информбюро... Публицистика и очерки военных лет. В 2-х тт. М., 1984.

Протопопова О.В. Боевые сводки и военная публицистика 1941–1945 гг. как сверхтексты // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Пермь, 2012.

Протопопова О.В. Документы эпохи ВОВ как объект стилистики // Формирование гуманитарной среды в вузе: инновационные образовательные технологии. Компетентностный подход. Пермь, 2013. Т. 2.

Хачецукова З.К. Лингвориторические параметры советского официального дискурса периода Великой Отечественной войны (на материале передовых статей «Правды»): дис. ... канд. филол. наук. Сочи, 2007.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М., 2011.

ПРАГМАТИКА ПОБУДИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РАДИОДИСКУРСЕ[1]

Н.Г. Нестерова

Ключевые слова: побуждение, побудительные высказывания, адресат, воздействие, прагматика, радиодискурс.

Keywords: imperative, radio-presenter, addressee, influence, pragmatics, radiodiscourse.

Введение. Обоснование выбора материала и подхода

Изучение побудительного значения высказываний в русистике имеет научную традицию, представлено многоаспектно (см., например, работы: М.Г. Безяева, Л.А. Бирюлин, А.П. Володин, А.Ю. Маслова, В.С. Храковский, Ц. Саранцацрал и др.), потому что побуждение составляет ядро социально-ролевого взаимодействия. Побудительность, вслед за Н.И. Формановской, мы расцениваем как «одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата» [Формановская, 2002, с. 141]. В силу того, что побудительные высказывания являются универсальным продуктом речевой деятельности, «специфика прескриптивных отношений между участниками речевого общения и способы их языкового воплощения активно изучаются на материале

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Культуроформирующие функции радиодискурса с позиции лингвистики»), проект № 14-34-01022.

различных языков» [Маслова, 2008]. Однако интерес к этому объекту научного исследования обусловлен не только тем, что языковая реализация побуждения в разных языках и дискурсах имеет специфику. Не менее значимыми факторами становятся коммуникативные изменения в разных типах дискурса и появление новых дискурсивных практик.

В массовой коммуникации определение стратегий взаимодействия с адресатом ставит в число центральных задач уточнение целей и форм воздействия. Вследствие этого актуализируется вопрос о выработке тактических действий, которые могут обеспечить порождение текста определенной интенциональности. Реализация намерений адресанта осуществляется отбором языковых средств, обеспечивающих эффективность воздействия. Значимое место в реализации генеральной стратегии воздействия занимают побудительные высказывания, так как при выражении побуждения проявляется коммуникативно-прагматическая специфика взаимодействия коммуникантов.

Обращение к радиодискурсу обусловлено тем, что эта разновидность современной дискурсивной практики за последние 20 лет претерпела заметные изменения, активно развивается – по существу, сегодня этот тип дискурса является новым исследовательским полем. Прагматический аспект изучения побудительных высказываний открывает «новые возможности исследования их иллокутивных функций, эффективности их использования в процессе достижения перлокутивного эффекта» [Полуйкова, 2014, с. 96].

Прагматическим фоном, на котором разворачиваются отношения между коммуникантами в радиодискурсе, является опосредованность отношений между адресантом (радиожурналистом, ведущим) и адресатом (массовой аудиторией и отдельным ее представителем) техническими средствами. Особенность коммуникативных ролей участников речевой ситуации состоит в том, что адресант находится в приоритетной позиции. Он наделен профессиональными правами и одновременно обязанностями инициировать коммуникацию и управлять действиями адресата. Осуществляя речевое побуждение, он выражает свою волю или реализует идею радиопрограммы, он заинтересован в осуществлении каузируемого действия слушающим, то есть реализует стратегию коллективного автора. Адресат же готов к исполнению действий, так как взаимодействие коммуникантов основано на добровольном характере участия адресата в коммуникации. Действие, исполнение которого осуществляется адресатом в результате побудительного (стимулирующего) речевого действия ведущего радиоэфира, является реактивным, наблюдаемым (в ситуации интеракции) или ненаблюдаемым, если интеракция отсутствует.

Исследователями убедительно доказано, что в качестве основной единицы системы коммуникативного уровня выступает коммуникативный тип целеустановки. Под целеустановкой понимается языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию [Безяева, 2002]. Каждому коммуникативному типу целеустановки соответствует вариативный ряд языковых конструкций, представленных в речи конкретными высказываниями [Коростелева, 2008, с. 3].

В условиях новых социально-экономических отношений, произошедших в российском социуме, средства массовой информации (точнее сегодня квалифицировать их как средства массовой коммуникации) в борьбе за свою аудиторию в качестве одной из главных целей ставят поиск способов привлечения массового слушателя и удержания его внимания. Коммуникация в СМИ, традиционно основанная на функции воздействия, дает основание квалифицировать ее в современных терминах как прагматически и манипулятивно ориентированную коммуникацию.

Бесконечное разнообразие коммуникативных ситуаций, в которых актуализируются побудительные высказывания, обусловливает разнообразную их репрезентацию: в форме прямого речевого акта с четко выраженной интенцией или косвенного речевого акта; как стимулирующие и как реактивные реплики [Маслова, 2008]. Вербальное воплощение в разных сферах речи имеет широкий спектр специфических средств. В данной статье акцент делается на коммуникативно-прагматическом своеобразии реализации побудительности в спонтанном радиодискурсе. Для подтверждения сделанных наблюдений приводятся высказывания радиоведущих информационно-развлекательных каналов «Радио Сибирь», «Ретро FM», «Авторадио», «Наше радио», «Европа плюс», «Радио Рекорд», «Радио Дача», и информационно-разговорных радиостанций «Маяк» и «Эхо Москвы».

Обсуждение результатов исследования

Модель коммуникативной побудительной ситуации универсальна. В спонтанной радиокоммуникации, как и в любой другой сфере коммуникации, она основана на таком взаимодействии участников, в результате которого осуществляется побуждение второго лица к интеллектуальным или физическим действиям. Мы исходим из того, что в радиокоммуникации моделируются ситуации, основу которых составляют акты побуждения, основанные на приоритете равенства социального положения коммуникантов, поэтому основу побудительных конструкций в рассматриваемом материале составляет волеизъявление в жанре приглашения и предложения. При

интенциональной близости приглашения и предложения второе в научной литературе рассматривается как побуждение к совместному действию [Формановская, 2002, с. 143], однако в коммуникативных ситуациях на радио, в условиях дистантности коммуникации и виртуальности многих происходящих в рамках эфирного часа «действий», границы между приглашением и предложением как коммуникативными актами оказываются не четко выраженными, размытыми. Особенностью предложения как речевого жанра является то, что побуждение совершается в интересах адресата или в общих интересах.

Анализ побудительных высказываний в радиодискурсе позволяет дифференцировать их на 1) типичные, клишированные, – связанные с типовыми ситуациями общения, свойственными только (или преимущественно) коммуникативной ситуации, реализующейся в радиоэфире (в радиодиалоге, радиоиграх, радиопрограммах), и 2) ситуативные – реализация которых не связана непосредственно с радио. Маркерами первого типа высказываний служат: а) глаголы восприятия**,** обусловленные: способом восприятия радио *(слушайте*) и современными способами осуществления обратной связи посредством Интернета и СМС-сообщений *(читайте, пишите отправляйте*, *присылайте),* б) глаголы, нацеленные на удержание слушателей *(оставайтесь, услышимся завтра / после новостей, давайте послушаем новости, а потом вернемся),* в) глаголы активного действия, выполняющие функцию призыва к проявлению слушателями собственного волеизъявления *(звоните, расскажите*, *давайте расскажем*, *голосуйте, попробуйте ответить, выигрывайте призы / подарки)*, г) глаголы движения *(заглядывайте, заходите* – в студию, в гостевую, на сайт*; встречайте* – исполнителей; *идите*: *Ну-ка* ***идите-ка*** *все сюда. 363 36 59*. *Кто готов?* («Эхо Москвы») Употребление глаголов в расширенном или метафорическом значении выступает в качестве приема материализации радиопространства, в котором взаимодействуют ведущий и радиослушатели. Отмеченные глагольные формы обладают выраженным прагматическим потенциалом [Остапенко, 2008, с. 3], так как осуществляют функцию коммуникативного сближения [Фащанова, 2012]. Отмеченные глагольные формы обеспечивают живой диалог ведущих, ди-джеев с радиослушателями.

Среди **прямых побудительных актов** на развлекательном радио ядерное положение занимает побуждение к восприятию информации (новостей, прогноза погоды, астропрогноза), развлекательных передач, музыкальных композиций и к активной реакции на них: взаимодействию с ведущими, участию в радиоиграх и т.п. ***Звоните,*** *в том числе*

звоните *по телефону 22537. Код Москвы 495* («Маяк»)*; Если трек вам понравился, естественно,* ***отправляйте*** *слово «да» на номер 1063, когда услышите его в эфире «Радио Рекорд».* Прямой императив выражается обычно грамматической формой второго лица множественного числа, так как побуждение в большинстве ситуаций адресовано массовой аудитории. Однако имеют место и ситуации побуждения, адресованные одному собеседнику: соведущему, дозвонившемуся радиослушателю, гостю, находящемуся в студии.

Отличаются от первого типа побудительных речевых актов **приглашения рекламного характера.** Они не связаны с конкретной ситуацией радиоэфира, это, как правило, анонс событий, городских мероприятий (в том числе связанных с радио), участниками которых могут стать и радиослушатели. Такие речевые акты не являются прямой рекламой, но, по существу, представляют собой своего скрытое рекламное сообщение, сопровождающее информацию о предстоящем событии. Явным перлокутивным эффектом характеризуются высказывания, приглашающие радиослушателей к совместным действиям с представителями радиоканала или более широко – радиокомпании. В такого рода речевых актах используется перформативный глагол *приглашать*: «*Радио Дача»* ***приглашает*** *всех на праздник. Будет диско танцевально, будет диско-Дача.* («Радио Дача»). Прагматически нагруженными являются специальные маркеры выражения совместных действий: *мы с вами, вместе*: *Напомню, что завтра большой футбол в Томске. «Томь» – Томск принимает «ЦСКА» из Москвы, на стадионе «Труд». Ну а вечером* ***приходите*** *в ночной клуб «Метро», потому что завтра* ***мы*** *будем отмечать* ***вместе*** *День радио****!***

Побуждение к ответной реакции выражается перформативными глаголами ***приглашать, предлагать, спрашивать, (по)просить, рекомендовать:*** *И я* ***предлагаю спросить*** *об этом наших слушателей. 363-36-59 – это телефон прямого эфира; Для любимой женщины, как говорится, главное вернуться к 8 марта и подарить, но а мы вам, кстати говоря,* ***рекомендуем*** *хороший подарок, незабываемый сюрприз, где летать никуда не надо – это ужин при свечах в знаменитом ресторане «Пушкин»!; И я* ***попрошу*** *нашего звукорежиссера Наташу дать звоночек* («Эхо Москвы»).

Косвенные речевые акты со значением побуждения в радиодискурсе имеют разные способы языкового воплощения. Косвенное побуждение выражается формой 1-го лица множественного числа глагола со значением совместного действия: *Итак,* ***возвращаемся*** *в программу «Привет». 7 мая День радио и финал конкурса «Алло, мы ищем таланты», это будет зажигательное шоу, лучшие конкурсанты и мы, ди-*

*джеи «Радио Сибирь», **встретимся** 7 мая на сцене ночного клуба «Метро»; **Встречаемся** 7 мая в ночном клубе «Метро», билеты в кассе клуба; **Вернемся** к тому, о чем говорили (Наше радио); А с Вами **увидимся** на концерте в Олимпийском! Будет диско-здорово, диско-танцевально. Будет диско-дача* («Радио Дача»).

Высказывания, включающие глагольные формы совместного действия или метапоказатель *вместе*, отличаются оттенком непринужденности, фамильярно-интимной стилистической окраской. Они служат успешным способом создать у адресата положительный настрой, вызвать его расположение, побудить к действию: *Все слышали, поэтому энергично **притопываем, прихлопываем**, можно даже **вприсядку пуститься** – ритм позволяет. Дэвид Гета с новинкой «Love is gone» на «Радио Сибирь» в начале нового музыкального часа. **Слушаем** группу «Шокин Блу» и ВИА «Елла»; Тринадцать одиннадцать на наших студийных. Здесь в студии я, Татьяна Маркевич. **Вместе зажигать и прожигать жизнь будем**. Здравствуйте (Радио Сибирь).*

Активно используется и традиционная для выражения побудительности в русском языке форма совместного действия с частицей *давайте*: ***Давайте слушать** внимательно!; А заправляться нам еще три дня. Так что **давайте,** друзья мои, **подтягивайтесь.** С вами Олег Константинов. Привет* («Авторадио»)*; 21 позиция суперчарта – моя коллега Юля Паго с композицией «Bona Sera». Падение на 6 пунктов за прошедшие 7 дней, ну а сейчас **давайте вспомним**, кто у нас открывал суперчарт* («Радио Рекорд»)*; А пока **давайте послушаем** мнение губернатора Томской области Виктора Кресса* («Радио Томск»)*; **Давайте попробуем**. Итак «алкота». Вспоминаем, что это такое* («Эхо Москвы»).

При ведении передачи двумя ведущими используются побудительные конструкции, выражающие совместную деятельность с соведущими/соведущей: *Так, **давайте,** наверное, **звонки попробуем** тоже **принять;** Вот последняя новость. **Давай**, Оля, **прочтем** ее. Новость, которая возмутила общественность; **Давай попробуем спросить**; **Давай** пока **скажем** нашим слушателям и зрителям, что ты смотришь. Это замечательный толковый словарь русского языка под редакцией академика Шведовой* («Эхо Москвы»).

Подчеркивание значимости, весомости адресата является манипулятивным приемом, направленным на то, чтобы пробудить в собеседнике доверие к радиостанции, побудить его к действиям в интересах говорящего: *Как дальше будет складываться судьба этого трека**, решать вам*** (=решайте), ***и только вам**, **голосуйте** на нашем сайте* www.radiosibir.ru*, и конечно, слушайте в эфире свои любимые песни.*

Меня зовут Дмитрий Абрамов, вместе с вами здесь, на Радио Сибирь; Мы сейчас переходим к 24 месту суперчарта, сюда вернулась Майли Сайрус с композицией «Who own my heart». Девушке очень нужна ваша поддержка, поэтому ***если*** *она* ***вам нравится****, и девушка, и песня,* ***голосуйте СМС-сообщением*** *со словом «да» на номер 1063 во время звучания трека в эфире «Радио Рекорд» и на сайте «Радио Рекорд»; Друзья, перед тем, как объявить первое место суперчарта, еще раз вам напомню, каким образом каждый из вас может влиять на расположение треков в нашем хит-параде. Принцип голосования предельно прост:* ***если нравится*** *работа, звучащая в эфире радио «Рекорд», просто* ***отправляй слово «да»*** *на номер 1063, когда слышишь трек в эфире первой танцевальной, ну или* ***голосуй на сайте*** radiorecord.ru*; И сегодня необычная программа «Вечерний перекресток»: сегодня мы завершаем тему юбилея «Радио Томск». В этот вечер вы* ***услышите*** *последнюю программу, посвященную 65-летию радио. Вы еще раз* ***сможете услышать*** *голоса тех, чьи имена вписаны в историю радио. Кроме того, вы сами можете вписать в эту историю свои строки* («Радио Томск»).

Побудительность заложена и в условных конструкциях с союзом ***если, чтобы*** и без них, когда форма императива используется с целью выражения условия, при котором может быть достигнут интересующий радиослушателя результат. Ср.: *Песня российская, и будет петь ее Валерия, песня называется «Рига-Москва». Если Вы* ***скажете,*** *что это за пара фраз, пара слов вернее, Вы* ***выиграете*** *обед прямо в офис! Но прежде полезная информация, друзья,* ***если*** *вы* ***хотите установить*** *гимн радио «Сибирь» себе на свой мобильный телефон,* ***отправьте*** *СМС со словом «гимн» на номер 3994 и* ***получите*** *реалтон,* ***чтобы*** *получить полифонию,* ***отправляйте*** *слово «гимн» на 399, подробности на нашем сайте* radiosibir.ru*;* ***Пошли «диалог» на номер 3991****, и ты попадешь в водоворот общения с интересными людьми, а возможно, найдешь свою вторую половину.*

Грамматически условные высказывания с побудительным значением часто выражаются конструкциями с опущенным глаголом. *Итак, еще раз.* ***Если*** *вы считаете, что вполне себе и уместно перевести «окей» как «добро», и так и употреблять в обычной речи, – 660-01-13. А если вы говорите «Не, фу, лучше уж «окей», тогда уж» – 660-01-14. Голосование идет; Итак, 660-01-13 – если вы «за». И 660-01-14 – если вы «против»* («Эхо Москвы»).

Побудительную конструкцию часто предваряет анонс: *Впереди еще много замечательной музыки: Чичерина и новинка от Шона Кингстон.* ***Дождитесь!*** Сам анонс также обладает эффектом побудитель-

ности, выступая способом удержания внимания: *Что касается прямого эфира, совсем скоро здесь Depeche Mode. Много интересного нас ждет впереди* (следует перечисление зарубежных исполнителей); *Здравствуйте, здравствуйте. Это «Радио Сибирь». За окном сейчас минус пять. 9: 48.* ***Приготовьтесь услышать*** *астропрогноз* («Радио Сибирь»).

Косвенное побуждение выражается, прежде всего, лексически. Грамматически такого рода побуждение обозначается при помощи конструкций *можно/ можете + инфинитив*: Вы также ***можете попробовать дозваниваться*** *в прямой эфир 363-36-59, код Москвы 495; И еще раз специально для всех, кто, ну, может быть, не слышал, может быть, не в курсе, в ближайшей игре Х-трэк на «Европе плюс» 10 тысяч рублей!* ***Можете*** *их* ***выиграть,*** *мы, как известно, платим за внимание:* ***главное, не прослушать*** *Х-трэк* (= будьте на связи и будьте внимательны), *а* ***он будет***, ***обязательно будет*** (удерживание слушателей посредством уверения в целесообразности ожидать нечто интересное, не переключаться)! И *даже могу сказать когда: с 17.00 до 17.40* (уточнение времени приближает ожидаемое) *на «Европе плюс»! И, естественно,* ***нужна ваша заявка*** (побуждение сделать заявку) *на участие в Х-трэк. Заголовок «Х» на номер 5577. Кстати,* ***можно присылать*** *по Интернету* («Эхо Москвы»).

При организации радиоигр, при предъявлении правил игры для выражения побудительности используется конструкция *модальное слово «нужно» + инфинитив*, при этом перечень заданий является переменным.: *Нужно просто* ***рассказать*** *о своих чувствах в стихах,* ***выбрать*** *любимое романтическое стихотворение Александра Сергеевича Пушкина,* ***позвонит****ь на мобильный портал «Авторадио» 0609 и* ***зачитат****ь там отрывок с выражением и от души. И восьмого, естественно марта, внимательно* ***слушайте*** *«Авторадио» и* ***ждите*** *нашего звонка!*

В качестве грамматических структур, выполняющих функцию побуждения, выступают повествовательные и вопросительные высказывания. Ср.: *У нас есть справочная служба русского языка,* ***куда можно звонить из всех городов и весей****. Это 695-26-48/ с 11 до 17 по будням, там дают ответы на вопросы. Я знаю, что в Воронеже есть такая служба русского языка; Какие будут приветы, может быть даже поздравления?* («Радио Сибирь»). (Вопрос служит приглашением к вербализации радиослушателем заявки, ради которой он позвонил); *Но, тем не менее, сами слова «путинг», «путинист» – что вы о них думаете?; Вопрос к вам, дорогие слушатели. Пожалуйста, кто готов?; Знают ли наши слушатели, что это такое?* Вопросительные и

утвердительные конструкции, выражающие побудительную интенцию, исследователи определяют как основные средства вербального «снижения императивности» в современном просветительском дискурсе [Полуйкова, 2014, с. 98], то есть как средство импликации побудительности.

Установка современного радио на интерактивность находит яркое отражение в побудительных конструкциях: *Напомню все телефоны для связи с нами. Для СМСок +7 985 970-45-45. Ну, а телефон прямого эфира* 363-36-59*; Я буду отвечать на ваши вопросы.* ***Присылайте*** *новые на линию СМС +7 985 970-45-45*(«Эхо Москвы»). Типичной формой побуждения стала отсылка радиослушателя к мобильному порталу и сайту радиостанции: *Внимание, услуга платная,* ***подробности на сайте radiosibir.ru;*** *Трек со Снуп Доггом сегодня дебютировал в суперчарте, если он вам нравится,* ***голосуйте за него на сайте radiorecord.ru****; Участвуйте в акции «Дюраселл».* ***Все подробности на нашем сайте****. До завтра* («Европа плюс»); *На этом все, я с вами прощаюсь, слушайте суперчарт в следующую субботу в 5:00 по Питеру, также напомню, что «Рекорд» и «Трансмиссия» представляют фестиваль «Gade Crusher» в Петербурге и Москве, подробная* ***информация есть на сайте radiorecord.ru****, заглядывайте обязательно, в первых числах апреля в Гаудии, а также в Санкт-Петербурге, клуб «Космонавт»; Ну, пока вы думаете, отправляете свои сообщения, например,* ***с помощью СМС*** *на номер 5533,* ***не забывайте*** *в начале писать слово «Маяк», или* ***пишите в наш интернет-форум*** *на* www.radiomayak.ru («Маяк»)*; И можно прямо в интернет, если вы нас смотрите по «Сетевизору», отправлять комментарии; И СМС +7 985-970-4545, вы можете письменно ваши мнения выражать* («Эхо Москвы»).

Вербальное воплощение **«ситуативного» побуждения** обусловлено широким разнообразием коммуникативных ситуаций. Ср. следующие случаи употребления императивных конструкций: *Весна, музыка, любовь. «Первая любовь» в кинотеатрах с 5 марта: Юлия Савичева, Ильзе Лиепа в фильме Егора Дружинина. А вы давно были вместе в кино?* ***Приходите всей семьей*** (сопровождение рекламы); *В Москве семь часов семь минут.* ***Просыпайтесь****. Вроде погода сегодня неплохая (Наше радио)* (в начале выпуска); *Напоминаем, что «Авторадио» не проводит игр, в которых слушателям нужно платить за приз!* ***Будьте бдительны! Не поддавайтесь*** *на уловки мошенников, которые, прикрываясь именем «Авторадио», обманывают людей!* (ситуативное предупреждение). ***Будьте внимательны*** *на дорогах и* ***оставайтес****ь на «Авторадио»* (пожелание).

Разнообразные приемы и языковые средства используются в качестве усилителя побуждения:

- повтор побудительного глагола: *Товарищи,* ***пишите, пишите*** (Эхо Москвы);
- неоднократное побуждение посредством напоминания номера телефона для связи: *Давайте я* ***напомню еще раз:*** *+7 985 970-45-45;* ***Напомним*** *телефон нашего прямого эфира 363-36-59* («Эхо Москвы»);
- использование элементов разговорного синтаксиса, экспрессивные и эмотивные конструкции [Кадыркова, 2011], включающие частицы с указанными коннотациями, обращения: ***Давайте! Ну,*** *народ,* ***ну*** *народ!; Пожалуйста, давайте попробуем! 363-36-59 – телефон прямого эфира.* («Эхо Москвы»).
- прием материализации коммуникативного пространства радио, его «визуализации». *+7 985 970-45-45. Это СМС-лента для Ваших вопросов, присылайте,* ***пожалуйста, мы давно не видели Ваших вопросов*** («Эхо Москвы»);
- целеустановка на то, чтобы поторопить с ответом потенциальных участников викторин, игр: ***Голосование началось. Итак; Пробуем.*** *326–3659; Давайте сначала. 363-36-59. Кто готов?* («Эхо Москвы»);
- выражение готовности к любым формам взаимодействия со слушателями: *Вы* ***можете дозваниваться*** *или по СМС* ***задавать*** *свои* ***вопросы*** *Вячеславу Крискевичу,* ***мы будем их зачитывать или выведем вас в эфир*** («Эхо Москвы»);
- персонализированное обращение к радиослушателям, дозвонившимся в эфир: *Но вообще-то, дорогие товарищи,* ***дорогая Марина, дорогая Оля, дорогой Михаил.***

Употребление в одном высказывании разных языковых средств усиливает воздействие на адресата.

Вербализация побуждения в значительной степени определяется жанром передачи. К примеру, в просветительской программе о русском языке «Говорим по-русски» («Эхо Москвы») активно используются глаголы *учить* и *учиться* в форме повелительного наклонения: *Пожалуйста,* ***учите*** *русский язык,* ***любите*** *его и* ***старайтесь****, чтобы в вашей речи всегда звучало именно живое русское слово, а не какое-то словарное и без оттенков;* ***Не стесняйтесь учиться****; В конце* ***не забудьте****,* ***пожалуйста,*** ***послушать*** *«Альманах».*

Побуждение к действию реализуется посредством предлагаемого алгоритма [Арсеньева, 2013]: ***Зайдите на наш сайт, найдите стра-***

ничку *нашей программы, в* ***транскрипте можете все почитать; Выбирайте*** *правильный вариант,* ***звоните*** *в эфир.*

Жанр указанной передачи также обусловливает активное использование слов **вопрос, ответ:** в передаче ведущие и слушатели задают вопросы и на вопросы отвечают. *Мы продолжаем принимать ваши* ***вопросы*** *на нашу СМС-ленту. Еще раз напомним номер +7 985; Вопросы уже можно присылать; Присылайте ваши* ***вопросы*** *– не забывайте, у нас есть телефон для СМСок; Пробуем ответить на этот* ***вопрос****: что такое «раздряба»?; Пожалуйста, кто* ***готов выбрать*** *правильный* ***ответ****: 363–3659 — телефон прямого эфира; Присылайте свои вопросы; А вы, пожалуйста, присылайте нам вопросы на СМС +7 985 970-45-45.*

Тот факт, что «Говорим по-русски» – это передача-игра, обусловливает выбор предлагаемых вариантов ответа (*Выбираем!)* и побуждение к получению результата в участии в конкурсах, викторинах и т.д.: *Звоните – выигрывайте!*

Побуждение к выражению своего волеизъявления при голосовании в этой передаче предполагает интеллектуальную оценку обсуждаемых событий: *Пишите нам, присылайте ваши мнения, как вы ощущаете эти слова, оскорбляют они или нет; И можно мотивировать свой выбор по телефону 363-36-59. Если вы поддерживаете в Москве снятие любых ограничений на присвоение мемориальных названий улиц и площадей, то звоните по телефону 660-01-13. А если вы выступаете за то, чтобы мемориальные названия присваивались только спустя 10 лет и более со дня смерти человека, чью память власти намерены увековечить, то звоните 660-01-14*

Особую прагматическую функцию выполняют побудительные конструкции, ориентированные на продолжение взаимодействия, в том числе использование специальных формул прощания*: до связи, до встречи. Все сказала, все рассказала и прощаюсь до понедельника.* ***Встретимся, увидимся*** *на «Радио Сибирь» Анна Штаничева. До свидания; Следующий выпуск новостей спорта* ***слушайте*** *через три часа.* ***До встречи.*** *Радио «Планета Томск».*

Выводы

Проведенное исследование дает основание для ряда выводов.

Прагматика побуждения в радиодискурсе связана с двумя основными специфическими особенностями устной массовой коммуникации – установкой на диалогичность, интерактивность. Стратегия побуждения конкретизируется в зависимости от жанра радиопередачи, ее тематического наполнения.

Целенаправленное побуждение, осуществляемое ведущими и радиожурналистами и направляемое на аудиторию, позволяет добиться перлокутивного эффекта, который заключается не только в общей интерактивности адресата, но и в развитии его познавательной активности.

Побудительная интенция представляет собой намерение говорящего сделать адресата собеседником, несмотря на его массовость**.** Учитывая, что ядро используемых императивных жанров составляют не директивные жанры, можно констатировать, что стремление манипулировать адресатом в большей части ситуаций реализует как цели данного радиоканала, так и интересы адресата.

Анализ побудительных высказываний, полученных эмпирическим путем на разных радиостанциях, позволяет утверждать, что эффект воздействия побудительных высказываний в радиопрограммах неполитической тематики, как правило, планируемый, он получает полную реализацию, следовательно, можно говорить о положительном прагматическом эффекте.

Литература

Арсеньева Т.Е. Коммуникативные стратегии и практики просветительского радиодискурса (на материале программы «Говорим по-русски»): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2013.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. М, 2002.

Кадыркова Ю.В. Семантика и прагматика эмотивных побудительных высказываний в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2011.

Коростелева А.А. Функциональная роль средств коммуникативного уровня русского языка в интерпретации переводного фильма: автореф. дис. … канд.филол. наук. М., 2008.

Маслова А.Ю. Коммуникативно-семантическая категория побудительности и ее реализация в сербском и болгарском языках на фоне русского языка. Опыт сопоставительного исследования. Саранск, 2008.

Остапенко Т.А. Коммуникативно-прагматический потенциал нечленимых предложений в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Белгород, 2008.

Полуйкова С.Ю. Снижение императивности в современном просветительском дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (145).

Фащанова С.В. Языковая игра как лингвокультурный феномен в коммуникативном пространстве радиодискурса // Вестник Томского государственного университета. Сер. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4.

Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., 2002.

Формановская Н.И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. 1994. № 5/6.

ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПАРЦЕЛЛЯЦИИ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

Ю.В. Богоявленская

Ключевые слова: парцелляция, парцеллированная конструкция, медиатекст, речевое воздействие.
Keywords: parceling, parceled construction, media text, speech effect.

Массмедийный дискурс является не просто сферой создания информационного продукта, а представляет собой сложноструктурированное «речемыслительное образование событийного характера», обусловленное когнитивными, прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами [Алефиренко, 2009, с. 30].

Представляя собой социокультурно и идеологически обусловленную речемыслительную деятельность в медиапространстве, медиадискурс выступает в качестве основного инструмента воздействия на общественное сознание, способен моделировать систему ценностей и предлагать образцы интеллектуального и эмоционального поведения.

Исследователями выделяются различные типы или группы типов медийных дискурсов. Однако, во избежание излишней дробности, их можно свести к трем разновидностям: газетный, промоциональный (пиар-дискурс) и рекламный. Все они имеют различные характеристики, поэтому для решения конкретных исследовательских задач, на наш взгляд, следует ограничиться каким-либо одним типом дискурса.

Составной частью массмедийного дискурса является газетный дискурс, под которым, вслед за Г.В. Бобровской понимаем «динамическое когнитивно-коммуникативное явление, процесс и результат речевой коммуникации в СМИ» [Бобровская, 2011, с. 3]

Газетный дискурс определяется как коммуникативное событие, среда, в которой создаются газетные тексты. Элементами дискурса являются как сами тексты, так и различные экстралингвистические составляющие, играющие важную роль для понимания и восприятия информации: знание мира, ценностные установки, события, их обстоятельства и их участники, оценка и др.

Газетный дискурс представлен множеством дискретных единиц – газетных текстов, выступающих продуктом дискурсивной деятельности, способствующим обмену социально значимой актуальной информацией. Газетные тексты заполняют пространство бумажных и электронных средств массовой информации, которые, благодаря современным ин-

формационно-коммуникационным технологиям, имеют ряд безусловных преимуществ: оперативность информации, широкая доступность, отсутствие ограничений по объему материала и времени работы сайта электронной газеты, возможность доступа к архивам любой глубины, функция поиска, предоставление информации в любом виде (текстовая реализация, фотографии, графические картинки, присоединяемые аудио- и видеофайлы), push-каналы, интерактивность.

Особый интерес вызывает изучение средств речевого воздействия в массмедийных текстах. Речевое воздействие в языке прессы определяют как «воздействие информирующего печатного органа на массовую читательскую аудиторию при помощи языковых средств и сопровождающих речь графико-визуальных средств для достижения поставленной адресантом цели» [Присяжнюк, 2009, с. 206]. Грамотно используемые языковые средства обеспечивают эффективность воздействия медиатекста на потребителя информации.

Широкие возможности как в теоретическом, так и практическом плане открываются при изучении вопросов инвентаря и специфики языковых / речевых средств, обеспечивающих это воздействие.

Речевое воздействие осуществляется на различных уровнях: фонетическом, лексическом и синтаксическом. Наиболее глубоко изучен потенциал лексических единиц, выполняющих речевоздействующую функцию. Работы, посвященные изучению воздействующего потенциала синтаксических средств, на данный момент не столь многочисленны и осуществляются, в основном, на материале рекламного дискурса. Сопоставительные исследования, выполненные в намеченном ракурсе, до сих пор не проводились, что обуславливает актуальность и новизну предпринятого исследования.

К синтаксическим средствам, имеющим значительный речевоздействующий потенциал, относятся те средства, которые способны включать необходимые элементы в фокус внимания [Шелестюк, 2009, с. 142]. Арсенал синтаксических средств речевого воздействия довольно разнообразен, но ведущее место в нем, на наш взгляд, занимает парцелляция.

Под парцелляцией понимаем особый прием коммуникативно-стилистической организации текста, используемый для усиленного интеллектуального и эмоционально-эстетического воздействия на реципиента. Результатом парцелляции является парцеллированная конструкция, включающая в себя несколько коммуникативных единиц – основную часть и парцеллят (или парцелляты), отделенные друг от друга знаком точки, реже – другими финальными пунктуационными знаками: вопросительным и восклицательным знаками или многоточием. Эти финальные знаки не определяют грамматическую самостоятельность парцелля-

та, а являются оригинальным пунктуационно-графическим оформлением парцеллированного высказывания, призванного сосредоточить внимание адресата на значимой части сообщения: *La perspective d'une loi d'amnistie des délits politico-financiers est inacceptable (1). Scandaleuse. (2) Révoltante. (3) (L'Humanité, 8.07.2002)*

(1) – основная часть парцеллированной конструкции, (2) и (3) – парцелляты.

Парцеллированные структуры – частое явление на страницах как французских, так и русских газет: *Glencore поможет «Русснефти» (1). Чтобы не потерять ее контракты (2)* (Коммерсантъ, 06.03.2013).

Подобная конструкция программируется автором, позволяет обеспечить контроль внимания адресата и эффективность данного приема.

Изучение парцелляции началось в 60-е годы XX века. Основополагающими трудами по теории парцелляции стали труды Ю.В. Ванникова, затем появились исследования Е.А. Иванчиковой, А.П. Сковородникова, многих других исследователей, внесших значительный вклад в понимание природы и особенностей этого явления.

С наступлением XXI века интерес к парцелляции возрастает в связи с появлением новых подходов к исследованию языковых единиц: изучается применение конструкции в различных стилях и жанрах, ее прагматические, текстообразующие, коммуникативно-когнитивные особенности. Однако на данный момент в лингвистической литературе нет однозначного понимания термина «парцелляция», границы этого понятия не всегда четко очерчены, что, безусловно, осложняет ее исследование.

Во франкоязычной науке не много работ, посвященных исследованию этого явления. Ж. Антуан пишет о том, что французский язык, стремясь к простоте и непринужденности, ищет новые формы литературного изложения, в основе которых – систематическое введение элементов разговорной речи. Одной из таких новых форм является то явление, под которым мы понимаем парцеллированную конструкцию [Antoine, 1962].

Марсель Коэн указывает на факт самостоятельного функционирования членов предложения, отмечая их недавнее происхождение: «Ce qui est vraiment nouveau semblant ne dater que d'une vingtaine d'années et se répandant de plus en plus, c'est l'indépendance donnée à ce qui est classiquement une subordonnée ... Un autre cas est celui du départ en indépendance d'un complément de phrase ou d'un adverbe» [Cohen, 1973, p. 397].

М. Коэн ввел новые понятия «parcelle» и «style parcellaire» («парцеллят» и «парцеллирующий стиль»). Ученый считает, что эти структу-

ры заслуживают широкого изучения, они представляют собой гораздо более значительное явление, чем это кажется на первый взгляд, так как оно затрагивает традиционное понятие логической организации фразы.

Эмпирическую базу исследования составляют два корпуса текстов, содержащих парцеллированные конструкции, отобранные методом сплошной выборки с сайтов современных французских и российских газет за период с 2000 по 2014 год («Le Monde», «Libération», «Le Parisien», «Le Figaro», «La Tribune», «L'Express», «L'Humanité»; «Российская газета», «Коммерсантъ», «Аргументы и факты», «Независимая газета»).

Для изучения парцелляции и ее потенциала в медиаречи нами используется комплекс различных методов и, прежде всего, сравнительно-сопоставительный метод, с помощью которого определяются сходства и различия в употреблении парцеллированной конструкции во французском и русском корпусах. Для выявления типа воздействия на адресата текста используется комплексный прагма-стилистический анализ. Мы также прибегаем к методам контекстуального и дискурсивного анализа для установления смысловых связей между парцеллированным высказыванием, микро и макроконтекстом ее употребления, речевой ситуацией и экстралингвистическими факторами.

Известно, что познавательная деятельность человека представляет собой единство интеллектуального и эмоционального. Еще Ш. Балли писал о том, что человеческая мысль складывается из логической идеи и чувства, которые могут соединяться в разных пропорциях, в одних случаях наши мысли будут иметь логическую доминанту, а в других – эмоциональную: «c'est tantôt l'intelligence, tantôt le sentiment qui donne le ton; la pensée est orientée vers l'un ou l'autre de ces pôles, sans jamais les atteindre complètement; elle a, selon les cas, une «dominante» intellectuelle ou une «dominante» affective» [Bally, 1936, p. 152]

Многие исследователи массмедийной коммуникации отмечают, что в рамках технологии убеждения используются два направления воздействия на массовое сознание: интеллектуальное (рациональное) и эмоциональное. Однако мы полностью согласны с В.Ю. Голубевым, что коммуникативная стратегия убеждения определяется не двумя, а тремя целями воздействия: помимо разума адресата, его эмоций следует учитывать и эстетическое чувство. Воздействие на разум опирается на продуманную аргументацию и логику, эмоциональное воздействие основано на стремлении вызвать определенные чувства, а эстетическое воздействие – на стремлении привлечь внимание слушателя к плану выражения сообщения. Эстетическое воздействие эффективно, поскольку с помо-

щью него автор может «расположить адресата к себе как к мастеру слога, создателю изящного, оригинального произведения» [Голубев, 2006, с. 254]

Проследим на конкретных примерах каким образом парцелляция реализует свой потенциал рационального, эмоционального и эстетического воздействия на адресата массмедийного текста.

Анализ материала убеждает в том, что авторы, использующие парцелляцию, нередко выносят в парцеллят доводы или умозаключения, придавая им таким образом дополнительный «вес», подчеркивая их значимость: *De plus, l'Internet représente une* ***menace*** *pour ceux qui savent et qui décident. Parce qu'il donne accès au savoir* ***autrement que par le cursus hiérarchique*** *(1). Parce que le pouvoir y appartient* ***à ceux qui appartiennent (à des réseaux)*** *et pas à ceux qui possèdent (des rentes) (2)* (Libération, 5 mai 2000).

Речь идет о внедрении сети Интернет в работу предприятий, вызывавшее в начале XXI века различные настроения у французских коммерсантов: некоторые компании активно начали пользоваться возможностями сети, другие – отнеслись к этому настороженно, поскольку, по мнению автора, «Франция – страна, ценящая оседлый образ жизни», ей сложно отказаться от размеренности и спокойного существования, моментально среагировать на быстро меняющиеся условия. Автор усматривает в Интернете угрозу (*menace*) привычному укладу жизни тех, «кто знает и принимает решения», приводя два довода. Довод первый: внедрение Интернета приведет к замене существующего иерархического способа движения информации – *autrement que par le cursus hiérarchique.* Довод второй: неизбежен переход власти в другие руки - *à ceux qui appartiennent (à des réseaux).* Конечно, с позиций настоящего времени, когда Интернет используется повсеместно, и дальнейшее развитие общества без него немыслимо, точка зрения автора высказывания воспринимается как чрезвычайно консервативная, но в 2000 году она имела право на существование и представляла настроения части населения. С учетом этого комментария следует признать, что доводы автора не противоречат логике. Чтобы придать своей речи бóльшую убедительность, автор прибегает к приему парцелляции, расчленяя высказывание на основную часть-утверждение об угрозе Интернета и парцелляты-доводы в пользу этого утверждения (по одному доводу в каждом), имеющие бóльшую выразительность, чем если бы они были оформлены в одном предложении, через запятую. Автор обращается к разуму адресата его речи, порционно «сервируя» доводы, подчеркивая значимость каждого из них. Вместе с тем, парцелляция становится в данном случае способом облегчения

интеллектуальной работы читателя, ведь уже нет необходимости производить анализ и декодировать смыслы, выстраивать собственную позицию: текст предоставляет готовое к использованию аргументированное суждение, которое будет подхвачено противниками Интернета.

Рассмотрим русский пример: *Если с банком что-то случится, государство сделает так, что деньги к вам вернутся.* ***Потому что ваш вклад отныне застрахован*** (Российская газета, 16.01.2004).

Цель данного высказывания – успокоить читателя и убедить его не бояться потерять деньги, делая вклады в коммерческих банках. Доводом становится аппеляция к информации о введении Федерального закона «О страховании вкладов физических лиц в банках», представленной в предыдущем абзаце статьи. Желая увеличить убедительную силу довода автор выносит его в парцеллят. Применение парцелляции довода обеспечивает адекватную прагматическим установкам рецепцию текста и убеждающее воздействует на читателя: если банк прогорит, деньги вкладчику все равно вернутся.

Обращение к разуму адресата реализуется, как правило, при парцелляции сложноподчиненного предложения, включающего два (и более) суждений, связанных между собой причинно-следственной связью.

В приведенных примерах на первый план выходит аргументативно-риторическая, убеждающая функция парцелляции. На втором плане реализуется функция транляции эмоций, ведь совершенно неэмоциональной речи не бывает. В данных случаях они не получают вербального оформления, имплицитны, но выявляются при помощи анализа как самого парцеллированного высказывания, так и его ближайшего контекста. В первом случае автором транслируется чувство *страха* по поводу проникновения Интернета в экономическую и политическую жизнь общества, которое может привести к негативным последствиям, поддерживаемое оценочной характеристикой «*précaire, fluide, nomade*» и суждением «*Tout ce qui est nomade y est considéré comme dangereux*», которое расположены прямо перед парцеллированным высказыванием. Таким образом, Интернет представляет собой опасность и угрозу, и не ясно, как Франция переживет нестабильность, порожденную этим «*gadjet des hommes politiques*». Второй случай – проекция чувства *уверенности*, призванная успокоить сограждан. Безбоязненные вклады граждан в коммерческие банки называются «*приоритетом нашего общества*», способствующим «*финансовой устойчивости и надежности личного нашего с вами бюджета*».

Перейдем к анализу механизма непосредственно эмоционального воздействия, осуществляемого парцеллированной конструкцией.

Эмоции – важнейшая сторона человеческого существования. Богатство эмоций отражено в языке и речи и рассматривается лингвистами в рамках категории эмотивности, отождествляется с эмоционально-оценочным компонентом, охватывающим все языковые средства отображения эмоций. Согласимся с точкой зрения Л.Г. Бабенко, которая утверждает, что поскольку чувства, эмоции и даже ощущения так тесно связаны между собой, что не всегда дифференцируются и не имеют четких границ, в рамках научного исследования можно употреблять термины «чувства» и «эмоции» как «эквивалентные обозначения имеющих место в действительности психических состояний, переживаний, ощущений человека» [Бабенко, 1989, с. 5-6].

Сообщая о событиях, явлениях общественной жизни, авторы массмедийных текстов постоянно аппелируют к эмоциям и чувствам читателей, создавая благоприятный эмоциональный фон, способствующий убеждению. Обладая способностью выводить на первый план значимые отрезки высказывания, парцелляция способствует повышению «эмоционального накала» и «заражению» им читателя. Это возможно как эксплицитно – номинацией соответствующей эмоции (1), так и имплицитно (2). В этом случае большую роль играет микро и макроконтекст, локализация конструкции, а также интонационный рисунок парцеллированного высказывания:

(1) *Sa vie bascule, et lui, l'homme aigri, enfermé, découvre* ***l'amour. Un amour impossible*** (L'Humanité, 11.10.2002) – любовь (глубокая, неожиданная, «*невозможная*»);

Осталась только ***радость. Радость долгожданной победы*** (Московский комсомолец, 24.02.2014) – радость (выстраданная за долгие годы войны, «*долгожданная*»);

(2) *C'est de l'abstraction!* ***De la poésie!*** (Le Figaro, 5.07.2000) – восторг, испытываемый при виде произведения современной архитектуры (поддерживается восторженной метафорой и усиливается использованием пунктуационного средства – восклицательными знаками, указывающими на интенсивную степень испытываемой эмоции);

*Есть было нечего****. Буквально. СОВСЕМ нечего*** (АиФ, 9.05.2013) – горе и лишенность, в данном случае голод, которое пережили люди во время Великой Отечественной войны (усилено повтором «*нечего*» и использованием графона «*СОВСЕМ*»).

Эти имплицитные смыслы (2) закладываются автором при порождении текста и воспринимаются читателем как подразумеваемые, интерпретируются ими на основании знаний о мире и имеющихся в

высказывании и более широком контексте лексических маркеров. Используя парцеллированную конструкцию в тексте, автор основывается на предположении, что его читатели обладают определенным концептуальным запасом, объединяющим их с автором, что и обеспечивает адекватное восприятие текста.

Большую роль в декодировании имплицитных смыслов, связанных с передачей эмоционального состояния, играет интонационный рисунок, передаваемый на письме различными пунктуационными знаками: восклицательный – для выражения интенсивности чувств и эмоций, вопросительный знак и многоточие – для выполнения контактоустанавливающей функции и приглашения к размышлению: *Leurs conclusions sont édifiantes. Et malheureusement toujours d'actualité !* (La Tribune, 06.12.2013); *Вы должны закончить до праздников все дела на работе. Да-да! Именно все! И лучше всех! И абсолютно идеально! Ведь меня не будет все праздники! Так долго! Целую жизнь!* (АиФ, 30.12.2013); *Может, стоит начать говорить и о мудрости души? Об образовании души?* (АиФ, 26.10.2013).

Принято считать, что эстетическая функция стилистических средств является ведущей в реализации прагматических установок художественной речи. Однако она также значима в газетном текстообразовании, поскольку здесь аргументация часто аппелирует не столько к логической, сколько к эмоционально-оценочной сфере читателя. Эстетическая роль парцеллированных конструкций тесно связана с эмоциональным воздействием и определяется креативным, часто игровым характером их использования.

Нередки случаи индивидуально-авторского комбинирования парцелляции с другими стилистическими фигурами и тропами, например, с приемами метафоризации: *En reportant l'ensemble du projet de loi sur la famille, le président de la République fâche la gauche, contente la droite et légitime un camp réactionnaire. Sans pouvoir prédire où s'arrêtera* ***ce jeu de dominos*** (L'Humanité, 04.02.2014); *Авторынок* ***выехал из кризиса****. Но на этом и* ***забуксовал*** (Коммерсантъ, 16.01.2013).

Совмещение парцелляции и антитезы в рамках одной парцеллированной конструкции усиливает экспрессивность конструкции, способствует созданию глубинных смыслов, что позволяет автору-публицисту эффективно воздействовать на читателя: *Juliette Tournand, auteure de «la stratégie de la bienveillance», précise que «dans cette rencontre de l'autre, il n'est donc absolument jamais question de* ***renoncer à soi-même en suivant aveuglément les pas d'un autre. Mais bien au contraire de créer sa propre route à côté de l'autre qui crée la sienne propre»*** (La Tribune, 18.11.2013).

Здесь акцентированная позиция антитезы, назначение которой заключается в «подчеркивании различия между элементами противопоставления через их разделение» [Плотникова, 2012, с. 27], позволяет автору подчеркнуть важность идеи о необходимости самостоятельного выбора жизненного пути, но с учетом установок и ценностей близкого человека. Возможны и многие другие способы конвергенции парцелляции со стилистическими фигурами и тропами. Таким образом, парцелляция становится изобразительно-выразительным средством вербального выражения авторского замысла и обладает иллокутивной силой.

Наиболее яркие примеры проявления креативного потенциала парцеллированной конструкции находим в стилистически сильных позициях массмедийного текста. Под сильной позицией понимаем «композиционный блок, имеющий специфическую смысловую и структурную организацию и обеспечивающий установление значащих связей между элементами текста и его правильное восприятие» [Богоявленская, 2013, с. 129]. К сильным позициям газетного текста относят заголовочный комплекс, включающий заголовок, подзаголовки, вводку (лид), а также зачин статьи и его концовку.

Во французских медиатекстах обнаружена весьма частотная парцелляция в лидах, зачинах и концовках, но в позиции заголовка и подзаголовка парцелляция практически не встречаются, что, возможно, связано с традициями оформления и редакции текста. В русских медиатекстах парцелляция заголовочного комплекса – очень эффективный прием, который применяется во многих медиаизданиях. Отражая в сжатой форме содержание текста, заголовок призван привлечь внимание, спровоцировать интерес, часто задает тексту определенную тональность, оценочность. Заголовок статьи представляет собой своего рода ее рекламу [Чудинов, 2005, с. 156]: *Подполковник ВДВ отливал на сторону. Пока жена прыгала с бумажным парашютом* (Коммерсантъ, 19.08.2000); *Что нам стоит дом построить? Дешевый!* (АиФ, 24.04.2013).

Для создания броского заголовка авторы газетных текстов часто прибегают к интертекстуальности. Данный прием осложняет семантику заголовка, так как для его понимания требуются хорошие фоновые знания культуры и способность читателя распознать отсылку к исходному тексту. С другой стороны, использование прецедентного текста делает заголовок ярче и увлекает читателя не столько его содержанием, сколько способом преподнесения. Как правило, в таких заголовках интертекстуальные элементы подвергаются творческой переработке: расширению, сокращению, частичной замене текста или контаминации. За поверхностным значением обнаруживается более глубокое и объемное значение, раскрывающее суть газетной статьи: ***Спасти своих***

рядовых. *Из корыстных побуждений* (Коммерсантъ, 30.11.2012) – аппеляция к культовому американскому фильму «Спасти рядового Райана» режиссера Стивена Спилберга; *Похороны VHS не* ***за горами. А за морями*** (Коммерсантъ, 10.10.2000) – аппеляция к зачину русских сказок «За горами, за лесами …»; *Французам сказали,* ***кто виноват****. Но не говорят, что делать* (Коммерсантъ, 10.05.2012) – аппеляция к названию романа А.И. Герцена «Кто виноват?».

Подобные трансформации способствуют созданию новых смысловых оттенков и, безусловно, демонстрируют креативный авторский подход.

Итак, парцелляция – сложное полифункциональное явление, широко используемое на страницах французских и русских газет, где она выступает в роли интенционально обусловленного аргументативно-риторического и изобразительно-выразительного средства. Парцелляция обладает мощным потенциалом воздействия на разум, эмоции и чувства адресата, причем на первый план выходит, в зависимости от речевой ситуации и коммуникативных установок адресанта, то рациональный, то эмоционально-эстетический тип воздействия.

Парцеллированная организация высказывания призвана вызвать адекватный перлокутивный эффект – ожидаемый результат речевого воздействия – привлечь читателя на свою сторону, а также манипулятивный эффект – вложить в его сознание готовое аргументированное суждение или же воздействовать на эмоции и чувства. Усилению ее эстетического воздействия способствует часто одновременная реализация креативной, смыслогенерирующей и игровой функций.

Как во французском, так и русском языках парцелляция – активно развивающееся явление. Сопоставление позволило выявить сходства сущностных характеристик этого приема и специфики ее применения в обоих корпусах. Различие составляет использование парцелляции в сильных текстовых позициях, ориентированных как на рациональный, так и на эмоционально-эстетический тип воздействия. Русские журналисты часто прибегают к парцелляции заголовка, что практически неприемлемо во французской традиции редакции газетных текстов. Французские авторы чаще, чем русские парцеллируют лиды, зачины и концовки.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Медиадискурс – modus vivendi на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4 (2).

Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

Бобровская Г.В. Элокутивные средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте. Волгоград, 2011.

Богоявленская Ю.В. Парцелляция в сильных позициях медиатекста // Политическая лингвистика. 2013. № 1(43).

Голубев В.Ю. Проблема терроризма в российском политическом дискурсе // Мысль. 2006. № 5.

Плотникова М.В. Стилистические фигуры противопоставления в балладах Франсуа Вийона // В мире научных открытий. 2012. № 4.4 (28).

Присяжнюк Т.А. Характеристика речевого воздействия в языке информационных газетных сообщений // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2009. № 2 (4).

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2005.

Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования. Челябинск, 2008.

Antoine G. La langue parlée et ses transpositions littéraires dans le français contemporain // Actes du X-e Congrès International de linguistique et philologie romanes. 1962. Vol. 2.

Bally Ch. Traité de stylistique française. Paris, Klincksieck, 1936.

Cohen M. L'histoire d'une langue: le français. Paris, 1973.

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ И ГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАПИСАНИЯ ГЛАСНЫХ ПОСЛЕ ШИПЯЩИХ И «Ц» В ТЕКСТАХ РАЗНЫХ ТЕРРИТОРИЙ XV ВЕКА

Е.А. Сивкова

Ключевые слова: динамика орфографической нормы, процесс отвердения шипящих.
Keywords: the dynamics of spelling rules, the process of hardening of sibilants.

Настоящая статья является частью исследования динамики орфографической нормы в области гласных после шипящих и Ц на материале рукописных и печатных памятников XV–XIX веков. В ней анализируются три источника церковнославянского языка русской редакции, близкие по содержанию, количественным показателям и времени создания самого памятника или его списка (XV век). Это восточно-новгородская «Молитва святой Троице» [Любопытный памятник, 1884], «Житие Симеона Столпника», написанное москвичом Нилом Сорским [Леннгрен, 2000], вологодские «Память и похвала князю Владимиру» и «Житие князя Владимира» [Память и похвала, 1897].

Для современного носителя русского языка именно орфография имеет первостепенное значение, поскольку связана с письменностью и книжной традицией, а также показывает образованность и культуру человека [Успенский, 2002, с. 121]. Это подтверждается экспериментом Н.Д. Голева, результаты которого представлены в статье «Когнитивный аспект русской орфографии. Орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания» [Голев, URL]. Автор исследовал мотивацию орфографически грамотного письма в среде старшеклассников и пришел к выводу, что только 16,9% респондентов осознают коммуникативно-прагматическую функцию орфографии; для большинства (61,9%) орфографическая грамотность – показатель образования и культуры человека; в меньшей степени учащиеся называют этический, эстетический, патриотический, утилитарный, консервативный мотивы овладения орфографией [Голев, URL]. По владению орфографией делается вывод об образованности, культурности, патриотичности современного человека.

В средневековой Руси овладение грамотой считалось подвигом христианина. «Не случайно в житиях святых согласно литературному канону всегда говорилось об обучении грамоте будущего подвижника Божьего как об одной из ступеней к святости» [Пелевин, URL].

А.И. Соболевский в работе «Образованность Московской Руси XV–XVII веков» писал о равенстве образования разных сословий допетровской России и о том, что, по данным житий святых, в XV веке «не только под Москвою, но даже в таких глухих местностях, как поселения нашего дальнего севера, не было недостатка в училищах» [Соболевский, 1892, с. 14]. В них обучали чтению и письму, но ценили в XV–XVII веках уже другой уровень грамотности – знание и понимание священного писания и творений отцов церкви и владение церковнославянским языком [Соболевский, 1892, с. 12].

В средневековье именно орфография «считалась первоосновой литературного языка, организующим его началом, как в наше время фонология (фонетика) представляется первичной структурой устной речи, а орфоэпия – фундаментом ее нормативности, ее культуры» [Толстой, Лотман, Успенский, с. 470-471].

Историю орфографии можно исследовать с собственно орфографическими целями: изучать формирование отдельных правил и структуру всех правил вообще; принципы орфографии и их соотношение в конкретных текстах; предложения ученых XVIII–XX веков по изменению орфографической системы. Кроме этого, орфографические факты часто используются для изучения исторической фонетики, например, истории аканья, цоканья, развития категории твердости и мягкости согласных [Шах-

матов, 1915; Калнынь, 1956; Молдован, 1984; Зализняк, 1985; Бегунц, 2007; Гусейнов, 2007; Галинская, 2010].

Проанализируем в указанных источниках правописание гласных после шипящих и Ц в памятниках XV века разных территорий и сравним их, с одной стороны, с точки зрения начального этапа формирования орфографических правил, с другой – с точки зрения отражения в текстах процесса отвердения шипящих. Посмотрим, насколько актуальным для XV века является наблюдение С.И. Коткова о том, что общепринятой считается точка зрения об отвердении шипящих в русском языке в XIV–XV веках; но остаточные проявления мягкости шипящих наблюдаются и в более позднее время [Котков, 1980, с. 229]. «География этих примеров: Москва, костромские и ярославские, а также брянские и калужские места, среднее Поволжье. В основном они принадлежат второй половине XVII в., наиболее поздние… датированы 1716 г.» [Котков, 1980, с. 229].

Первый памятник, который будет проанализирован в статье с точки зрения использования в нем сочетаний гласных с шипящими и Ц, – «Молитва святой Троице». Она издана А.С. Архангельским по рукописи Волоколамского требника XV века. Результатом источниковедческого исследования названного памятника стали выводы о православном характере молитвы и ее восточно-новгородском происхождении [Сивкова, 2013].

Рассмотрим написание гласных с шипящими и Ц в указанном источнике. Всего в «Молитве святой Троице» XV века выявлено 610 таких написаний (183 – с «ж», 137 – с «ч», 129 – с «ш», 82 – с «ш», 79 – с «ц»). В таблицу 1 включены не все гласные буквы, а только те, которые встречаются в анализируемых текстах в сочетании с шипящими и Ц. В издании «Молитвы» нет разграничения **оу – ѹ**; «и десятеричное» передано знаком «і».

Таблица 1. Гласные после шипящих и Ц в «Молитве святой Троице» XV века.

Буквы, обозначающие шипящие согласные и Ц	Сочетаемость шипящих и Ц с гласными			
	а	е – ѣ	у – ю	и – і
1. ж	жа	же – жѣ	жю	жи – жі
2. ч	ча	че	чю	чи
3. ш	ша	ше – шѣ	шу – шю	ши
4. щ	ща	ще	щу – щю	щи – щі
5. ц	ца	це – цѣ	цу – цю	ци

В рассматриваемом памятнике немного вариантных пар написания гласных после шипящих и Ц, всего 8 (же – жѣ, ше – шѣ, це – цѣ, шу - шю, щу – щю, цу – цю, жи – жі, щи – щі). Они составляют 268 написаний;

43,9% всех написаний в указанной позиции; именно этот материал и проанализирован в статье. Оставшиеся вне внимания исследователя написания разнородны: графические, условно орфографические (лексический и грамматический состав памятника не очень разнообразен, второй компонент вариантной пары не представлен в материале), не проявленные из-за особенностей опубликования источника.

Среди вариантных написаний «Молитвы» XV века рассмотрим варианты с гласными у – ю: шу – шю, щу – щю, цу – цю (примеры и их количество показаны в таблице 2).

Таблица 2. Гласные у – ю после шипящих и Ц в «Молитве святой Троице» XV века.

Вариантное сочетание, количество написаний	Примеры
1. шу – шю (8; 80% - 2; 20%)	*душу* (8) – *душю, угашю*
2. щу – щю (2; 50% - 2; 50%)	*насыщуся, хощутъ – кощюнах, ищющіи*
3. цу – цю (3; 60% - 2; 40%)	*творцу, отцу* (2) – *творцю, птицю*

Одни и те же слова записаны с У и Ю (*душу – душю, творцу – творцю*), то есть в данном почерке у – ю – это дублеты, не передающие ни грамматические формы, ни оттенки значения. Поскольку с другими шипящими (ж, ч) представлены только формы с Ю (*надежю, дежю, покажютъ, папежю, стражющая, жажющая; тучю, плачюся, плачющася, плачющаяся, чюжаго, чюдотворче*), можно предположить, что написание шипящих и Ц с Ю было для восточно-новгородского писца более привычным, чем с У, а буква «ж» соответствовала мягкому [ж'] в его произношении.

Примеры и количество сочетаний жи – жі – жь, щи – щі показаны в таблице 3.

Таблица 3. Гласные и – і - ь после шипящих и Ц в «Молитве святой Троице» XV века.

Орфографическое сочетание, количество написаний	Примеры
1. жи – жі – жь (32; 76,1% – 9; 21,4% – 1; 2,3%)	*жизнь* (10), *живымъ* (4), *животворящаго* (2), *ожидание* (2), *вседръжителю* (2), *пружины, животъ, житія, лживых, жилами, умноживыи, неодръжимая, живущая, нужи, одръжимая, окружи, поживутъ – оружіе* (5), *вражія* (3), *божіи - жьзнь*

2. щи – щі (28; 87,5% – 4; 12,5%)	*нощи* (3), *любящим* (3), *глаголющи* (3), *в҃друющимъ* (2), *бещиніа, мрькающимъ, боящимся, рыкающи, тружающимся, нарещи, молящися, просящи, скрѣбящих, болящих, мучащихся, пребывающих, неимущих, терпящимъ, обидящимъ, борющимся, щитъ – боящіяя, помощію, нощію, ищющіи*

Все примеры таблицы 3, кроме *жьзнь*, соответствуют общей традиции написания и – і: «и» используется перед согласными и в конце слова, «і» – перед гласными. Написание *жьзнь* единично и является опиской писца, «спровоцированной», на наш взгляд, последней буквой слова.

Отсутствие сочетаний чі, ші, ці объясняется некоторым однообразием грамматических форм «Молитвы».

Примеры и количество сочетаний ше – шѣ, це – цѣ показаны в таблице 4.

Таблица 4. Гласные е – h после шипящих и Ц в «Молитве святой Троице» XV века.

Орфографическое сочетание, количество написаний	Примеры
1. же – жѣ (118; 98,3% – 2; 1,6%)	*же* (53), *иже* (16), *боже* (7), *яже* (6), *прежде* (6), *госпоже* (5), *божества* (5), *божественныи* (2), *можеши* (2), *мъножества* (2), *уже, оже, такоже, якоже, прокаженныя, можетъ, прожени, нераженіи, обаженіи, железа, занеже, ожестѣ, осуженъ, осуженіа, женъ, даже, скрежета, въ няже*[1] *– тяжѣе* (2)
2. ше – шѣ (23; 95,8% – 1; 4,1%)	*утѣшеніе* (4), *душе* (3), *нашему* (2), *пришествіи, сшед, отошедших, грѣшенъ, прегрѣшеніа, поношеніе, украшеніа, душегубьстве, усыпааше, мочаше, воитеше*[2]*, магнуше*[2]*, нашего, душею – душѣ*
3. це – цѣ (20; 74% – 7; 25,9%)	*сердце* (5), *лицемъ* (4), *сердцемъ* (3), *владычице* (2), *троице, лицехъ, богородице, вселнице, церкви, цер-*

	ковныя – руцѣ (2)*, велицѣи* (2)*, всяцѣи, велицѣмъ, горцѣ*

Примечания:

1. Форма *въ няже* представляет собой фонетический вариант написания слова «няша» – «илистое дно озера», «жидкая грязь, ил» [Фасмер, 2004, т. III, с. 95]: («*въ няже погружають мя злая дѣла*» [Любопытный памятник, 1884, с. 18]).

2. Формы *воитеше, магнуше* – звательный падеж ед. ч. существительных Войтех (Адальберт Пражский), Магнус (Магнус Оркнейский) – католических святых [Католическая Россия].

По данным таблицы 4 можно сделать следующие обобщения. Написание гласной «е» после «ж»:

- соответствует этимологии в словах *же, иже, яже, уже, оже, такоже, якоже, даже, занеже, преже, железа, прожени, ожестѣ, женъ* [Фасмер, 2004, т. I-IV]; в словах с суффиксами –ениј-, -ен(н)- (*нераженіи, обаженіи, осуженіа, прокаженныя, осужденъ*);
- традиционно пишется на месте Ь в слове *скрежета* в прежней сильной позиции и словах с суффиксом –еств- ← -ьств- (*божества, божественныи, мъножества*); А.А. Шахматов объясняет «е» в этом суффиксе вероятным заимствованием из слов на –ествье [Шахматов, 1915, с. 252];
- традиционно используется в окончаниях таких форм, как звательный падеж ед. ч. существительных о-склонения (*боже*) и а-склонения (*госпоже*); настоящее время глагола 2 и 3 л. ед. ч. (*можеши, можетъ*) [Ремнёва, Чернец, Маркина, URL].

Написание гласной «е» после «ж» ошибочно в форме дательного (*къ госпоже*) и местного падежа (*въ няже*) существительного а-склонения.

Написание «ѣ» после «ж» в сравнительной степени прилагательного соответствует этимологии: *тяжѣе*.

Таким образом, написание же – жѣ в «Молитве» XV века в основном соответствует этимологии и традиции; зафиксировано два ошибочных написания из 120 с меной «ѣ» на «е» (*къ госпоже, въ няже*).

Гласная «е» после «ц» записывается в корне слова *церкви* и однокоренном прилагательном, что соответствует этимологии [Фасмер, 2004, т. IV, с. 300], а также в окончаниях следующих форм:

- звательный падеж ед. ч. существительных мягкого варианта а-склонения;

– винительный падеж ед. ч. существительных среднего рода мягкого варианта о-склонения;
– творительный падеж ед. ч. существительных мягкого варианта о-склонения;
– местный падеж мн. ч. существительных о-склонения.

Три первые обозначенные формы написаны традиционно. Ошибка в форме *лицехъ*. Мягкая разновидность существительного о-склонения в М.п. мн. числа должна иметь окончание –ихъ, твердая – ѣхъ [Марков, 1974, с. 26–27]. Вероятно, –ехъ – флексия, фиксирующая момент перехода мягкого [ц'] в твердый [ц] и, соответственно, колебания в разновидности типа склонения.

Как видно из примеров таблицы 4, гласная «е» после «ш» может находиться в корне ше / шед (*пришествіи, сшед, отошедших*), суффиксах -ен-, -енij- (*грѣшенъ, прегрѣшенiа, поношеніе*), быть интерфиксом (*душегубьстве*), использоваться в окончаниях следующих форм:

– творительный и звательный падеж ед. ч. существительных а-склонения;
– звательный падеж ед. ч. существительных о-склонения;
– дательный и винительный падеж ед. ч. притяжательного местоимения в форме м. р.;
– имперфект 3 л. ед. ч.

Все перечисленные написания соответствуют этимологии, традиции.

Написание шѣ в окончании местного падежа традиционно для твердого варианта существительного а-склонения (*о душѣ*).

Гласная «ѣ» после «ц» используется для обозначения следующих грамматических форм:

– винительный падеж дв. ч. существительных а-склонения;
– местный падеж ед. ч. краткого и полного прилагательного женского рода, полного прилагательного и местоимения мужского рода.

Все эти написания традиционны; форма *велицѣмъ* является церковнославянским вариантом [Успенский, 2002, с. 207]. Формы *горцѣ, велицѣи* представляют собой твердый вариант склонения и подтверждают высказанное предположение об идущем процессе отвердения [ц] в говоре восточно-новгородского писца «Молитвы».

Таким образом, выбор гласных е – ѣ после шипящих и Ц в анализируемом памятнике осуществляется по двум критериям: этимологическому (традиционному) и грамматическому.

Сделаем выводы о правописании гласных после шипящих и Ц в восточно-новгородской «Молитве святой Троице» к. XV века.

1. Анализируемый почерк в названной позиции содержит всего восемь пар орфографических вариантов.

2. Выбор гласных и – і после шипящих и Ц соответствует общим традициям их написания, то есть шипящие и Ц не являются опознавательным признаком орфограммы.

3. Гласные е – ѣ в корнях, суффиксах и интерфиксе слов после шипящих и Ц соответствуют этимологии.

4. Эти же гласные в окончаниях четко разграничивают различные грамматические формы, что соответствует традициям их написания.

5. Более привычно для писца написание Ю после шипящих и Ц. Часть орфографических написаний (связанных с выбором у – ю) представляет собой дублеты: выбор одного из них в конкретных случаях не зависит от формы, морфемы, части речи, передачи смысла или других орфографических условий.

6. Орфографические варианты, выбираемые писцом, говорят о мягком произношении [ж᾽], [ч᾽] и идущем процессе отвердения [ш] и [ц].

7. Из 268 проанализированных написаний только 4 (1,5%) ошибочных: описка *жьзнь*, в которой «ерь» мог быть «спровоцирован» следующим «ерем»; форма *лицехъ*, показывающая переход мягкого [ц᾽] в твердый [ц] и смену разновидности типа склонения; мена «ѣ» на «е» в формах *къ госпоже* и *въ няже*.

8. Таким образом, большинство написаний гласных после шипящих и Ц в почерке восточно-новгородского писца XV в. является частным случаем написания этих гласных и соответствует этимологии, традиции; часть является дублетами, выбор вариантов среди них осуществляется стихийно; ошибки единичны.

Подобным образом были проанализированы и следующие источники XV века: «Житие Симеона Столпника» [Лённгрен, 2000] и «Память и похвала князю Владимиру» и «Житие князя Владимира» [Память и похвала, 1897]; первый памятник составлен, отредактирован и переписан Нилом Сорским, родившимся в Москве [Нил Сорский]; произведения, посвященные князю Владимиру, созданы в Вологде по приказанию священноинока Досифея.

В «Житии Симеона Столпника» Нил Сорский использует 29 сочетаний шипящих и *Ц* с гласными (см. табл. 5). Вариантных пар написания гласных после шипящих и Ц в его произведении в два раза больше, чем в «Молитве святой Троице», что можно объяснить как

техническими особенностями публикаций (неразграничение **оу** – **ѹ** в «Молитве»), так и лексическим и грамматическим составом памятников, и, возможно, уровнем грамотности писавших.

Проанализировав орфографические написания ча – **чѧ**, чи – **чї, цы** – **цыї**, же – жь, жи – **жї**, це – **цѣ**, ци – **цї** в «Житии Симеона Сорского», видим, что в конце XV в. почти все они являются частными случаями общей традиции написания гласных. Положение гласной после шипящей и Ц еще не воспринимается носителями языка как особое.

Исключением из этого может служить только написание сочетаний ча – **чѧ,** показывающее начальный этап формирования собственно орфографического правила написания гласных после шипящих [Сивкова, 2010].

Сочетания **цыѹ** – **цыоу**, жѹ – жоу, шѹ – шоу графические: критерии их использования (положение в начале или конце слова, в конце строки, перед знаком препинания, эстетическое восприятие графического облика слова) не являются орфографическими [Сивкова, 2012].

В почерке вологодского писца XV века в отношении сочетаний с шипящими прослеживаются следующие тенденции: правописание и – і после шипящих является частным случаем написания этих букв; при выборе гласной в сочетаниях це – **цѣ** действует грамматический принцип; при написании **ѹ** – ю после шипящих частотен эстетический критерий (пишется та буква, которую писец еще не использовал в слове); написание жь в паре с же представляет собой архаическую черту, используется для обозначения после этой шипящей суффикса –ьств-; написание а – **ѧ** после шипящих часто не соответствует этимологии и не определяется каким-либо критерием.

Таким образом, написание сочетаний с шипящими и Ц в «Памяти и похвале князю Владимиру» и «Житии князя Владимира» XV века определяет как орфография, так и графика; при их обозначении действуют этимологический, грамматический, эстетический критерии написания; выделяются архаические черты и написания, не подчиняющиеся орфографическим и графическим критериям, – ошибки и описки.

«Сравнение письма рукописей, близких по времени создания, позволяет утверждать, что представленные в них нормы правописания были в известной степени общеупотребительными» [Князевская, 1964, с. 66].

Для того чтобы понять, что в проанализированных текстах в области написания гласных после шипящих и Ц является общеупотребительным, а что особенностью письма конкретного писца или террито-

рии, представляемой им, сведем все полученные количественные данные в таблицу 5.

Таблица 5. Гласные после шипящих и Ц в «Молитве святой Троице», «Житии Симеона Столпника», «Памяти и похвале князю Владимиру» и «Житии князя Владимира» XV века.

Буквы, обозначающие шипящие согласные и Ц	Буквы, обозначающие гласные звуки			
	а – ѧ	е – ѣ – ь	ѹ – ꙋ – ю	и – і – ь
ж	жа – 11 вост.-новг.	же – 118 жѣ – 2	жю – 6	жи – 32 жі – 9 жь – 1
	жа – 38 Москва	же – 177 жь – 2	жꙋ – 3 жѹ – 1	жи – 18 жї – 15
	жа – 24 Вологда	же – 131 жь – 2	жꙋ – 1 жю – 2	жи – 46 жї – 17
ч	ча – 33 вост.-новг.	че – 60	чю – 6	чи – 33
	чѧ – 23 ча – 7 Москва	че – 72	чю – 7	чи – 12 чї – 2
	ча – 22 чѧ – 1 Вологда	че – 27 чѣ – 1	чю – 14	чи – 23 чї – 1
ш	ша – 19 вост.-новг.	ше – 23 шѣ – 1	шу – 8 шю – 2	ши – 71
	ша – 89 Москва	ше – 66	шꙋ – 7 шѹ – 1	ши - 28
	ша - 65 шѧ - 1 Вологда	ше – 66	шꙋ – 1 шю – 10	ши – 38 шї – 2
щ	ща – 29 вост.-новг.	ще – 18	щу – 2 щю – 2	щи –28 щі – 4

	ꙗа – 23 Москва	**ꙗ**е – 45	**ꙗ**ѹ – 11 **ꙗ**оу – 2	**ꙗ**и – 22 **ꙗ**ї – 2
	ща – 16 Вологда	ще – 65	щѹ – 4 щю – 4	щи – 22 щ**ї** – 2
ц	ца - 31 вост.-новг.	це – 20 ц**ѣ** – 7	цу – 3 цю – 2	ци – 16
	ца – 12 Москва	це – 11 ц**ѣ** – 23	-	ци – 18 ц**ї** – 1
	ца – 33 Вологда	це – 23 ц**ѣ** – 18	цю – 5	ци – 18

На основании орфографии анализируемых памятников в качестве общеупотребительных в области использования указанной орфограммы можем считать следующие нормы:

1) выбор гласных после шипящих и Ц соответствует общим традициям написания этих гласных в соответствии с качеством мягкости/твердости анализируемых согласных, то есть шипящие и Ц не являются опознавательным признаком орфограммы;

2) при написании гласной в корне, суффиксе, интерфиксе основной принцип – этимологический, традиционный; в окончании – грамматический;

3) сочетания жа, ща, ца, чю являются для проанализированных текстов XV века графическими, так как не имеют вариантов написания.

«Наряду с нормами, общими для писцов ряда близких по времени и месту создания рукописей, можно обнаружить графико-орфографические особенности (причем чаще собственно графические), свойственные только данному писцу» [Князевская, 1964, с. 67].

Грамотным является текст, написанный Нилом Сорским, москвичом по происхождению: ошибки в области исследуемой орфограммы отсутствуют; он знает этимологию слов; графические варианты ѹ – оу использует, учитывая удобство и эстетику их написания; архаическая черта почерка – написание жь для обозначения после этой шипящей суффикса – ьств-.

Следующий по уровню грамотности – текст восточно-новгородского писца, который соблюдает все традиции написания гласных, в том числе после шипящих и Ц, но допускает единичную описку и дважды мену «ѣ»

на «е»; после шипящих использует суффикс –еств-, в котором закрепилась вокализация Ь.

Средний уровень грамотности у вологодского писца: он знает основные тенденции написания гласных, в том числе после шипящих и Ц; различает написание грамматических форм; но не искушен в этимологии слов, поэтому выбор а – ѧ часто делает без определенного критерия; графические варианты ѹ – ѹ использует с учетом эстетики их написания; архаическая черта почерка – написание жь для обозначения после этой шипящей суффикса –ьств-. Можно сказать, что вологодский писец ориентируется на московское написание, но не имеет таких глубоких знаний, как Нил Сорский.

«Для того чтобы выяснить, какие «правильные» (регулярные) и «неправильные» написания данной рукописи соответствуют живому произношению писавшего, необходимо сопоставить правописание данной рукописи и других памятников. Далеко не всякое отклонение от нормы может квалифицироваться, как отражение говора писца» [Князевская, 1964, с. 68].

На взгляд автора статьи, о произношении шипящих и Ц в проанализированных материалах XV века говорит выбор гласных ѹ - ѹ – ю после этих согласных и в некоторых формах выбор е – ѣ после Ц. Исходя из этого, делаем вывод о том, что московский книжник Нил Сорский произносит твердые [ж], [ш] и мягкий [ч'] . Орфография восточно-новгородского писца говорит о мягком произношении им [ж'], [ч'] и идущем процессе отвердения [ш], [ц]. Вологодский писец мягко произносит все шипящие и Ц.

Сделанные выводы подтверждают мысль С.И. Коткова о том, что к XV веку процесс отвердения шипящих и Ц нельзя считать завершившимся [Котков, 1980, с. 229]. Безусловно, для того чтобы считать полученные данные важными для исторической фонетики и диалектологии, нужен анализ текстов других авторов этих территорий с учетом жанров и формирующихся стилей.

Дальнейшее исследование орфографических и графических особенностей написания гласных после шипящих и Ц в текстах разного времени и территорий позволит выявить особенности формирования конкретного орфографического правила и сделать выводы о процессе отвердения шипящих и Ц в разных регионах.

Литература

Бегунц И.В. К вопросу об отражении цоканья в русской деловой письменности XVII в. // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007.

Галинская Е.А. Отражение особенностей акцентной системы в неакцентуированных южнорусских памятниках деловой письменности XVII века // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2010.

Голев Н.Д. Когнитивный аспект русской орфографии. Орфографоцентризм как принцип обыденного метаязыкового сознания. [Электронный ресурс]. URL: http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z01.html

Гусейнов Г.-Р.А.-К. К генезису смягчения заднеязычных согласных в истории русского языка и его говоров // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2007.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Калнынь Л.Э. Развитие категории твердости и мягкости согласных в русском языке // Ученые записки Института славяноведения. М., 1956. Т. XIII.

Католическая Россия. Азбука католицизма от А до Я. [Электронный ресурс]. URL: http://www.catholic.ru

Князевская О.А. Орфография и отражение в письме явлений языка // Источниковедение и история русского языка. М., 1964.

Котков С.И. Старинная русская частная переписка // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 1980.

Ленгрен Т.П. Житие Симеона Столпника в автографе Нила Сорского // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000.

Любопытный памятник русской письменности XV века. Сообщение А.С. Архангельскаго // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1884.

Марков В.М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.

Молдован А.М. «Слово о законе и благодати» Илариона. Киев, 1984.

Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. [Электронный ресурс]. URL: http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4354

Память и похвала князю Владимиру и его житие по сп. 1494 г. СПб., 1897.

Пелевин Ю.А. Грамотность в Киевской Руси в начале становления христианства. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol.php?id=713

Ремнева М.Л., Чернец Л.В., Маркина Л.А. Лингвокультурологический тезаурус «Гуманитарная Россия». [Электронный ресурс]. URL: http://tezaurus.oc3.ru/docs/1/articles/3/3/2/

Сивкова Е.А. Графические варианты написания гласных после шипящих и *ц* (на материале «Жития Симеона Столпника» к. XV в.) // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения проф. В.М. Маркова). Казань, 2012. Т. 1.

Сивкова Е.А. «Молитва святой Троице» XV века, изданная А.С. Архангельским: источниковедческий аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2013. № 6. Ч. I.

Сивкова Е.А. Орфографические варианты написания гласных после шипящих и *Ц* (на материале «Жития Симеона Столпника» к. XV в.) // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2010.

Соболевский А.И. Образованность Московской Руси XV–XVII вв. [Электронный ресурс]. URL: http://bookre.org/reader?file=762153&pg=2

Толстой Н.И., Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Толстой Н.И. Избранные труды. М., 1998. Т. II.

Успенский Б.А. История русского литературного языка (XI–XVII вв). М., 2002.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х тт. М., 2004.

Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. П., 1915.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ПРОСТРАНСТВО И ПОЭТ В ЭСТЕТИКЕ М.А. ВОЛОШИНА: СТИХОТВОРЕНИЕ «ДОМ ПОЭТА».

Д.С. Скокова

Ключевые слова: М.А. Волошин, географическое пространство, поэт, образ дома, «Дом поэта».
Keywords: M.A. Voloshin, geographical space, poet, image of a house, *Poet's House*.

Исследование соотношения поэта и пространства касается сферы художественной антропологии: речь идет о проблеме формирования человека и его творческого сознания через внешний мир и внутренние практики. В данной области мы опираемся на опыт исследований Л.И. Абдуллиной, Л.Н. Демченко [Художественная антропология, 2007], В.В. Савельевой [Савельева, 1999], Е.А. Худенко [Худенко, 2012] и др.

Эстетическая система поэта серебряного века М.А. Волошина сконструирована из сообщающихся элементов. Все в ней взаимообусловлено и предопределено, малое находится в зависимости от большего.

Д.Н. Замятин в статье «Феноменология географических образов» рассматривает географическое пространство через философские категории. Обращаясь к поискам Мишеля Фуко в этом направлении, он отмечает: «Пространство философского опыта было приравнено им (Мишелем Фуко. – *Д.С.*) <…> к пространству собственно географическому, а само географическое пространство могло выступать лишь как строго функциональное, специализированное, специфическое про-

странство человеческой деятельности. Политическую организацию, пространство политической власти невозможно оторвать от собственно географического пространства, в котором они сформированы; это одно и то же <…> само географическое пространство превратилось в свою собственную метафору, стало тождественным ей. …Сама мысль стала пространственно-географической, пространственно-географическим явлением» [Замятин, 2000]. Данный принцип может быть рассмотрен и с эстетической стороны: пространство становится в этом отношении метафорой культурной и художественной мысли творца, в нем существующего.

В эстетической системе Волошина центральными являются образы *поэта*, *дома*, *домашнего очага* (Коктебель). Их реализацию в художественных текстах можно рассмотреть на материале программного стихотворения М.А. Волошина «Дом поэта» (1925). Специфика осмысления дома, пространства и феномена человека-поэта заключается в создании некоего единого поля сообщающихся, эстетико-философских смыслов.

Прежде всего следует отметить негерметичность каждого из указанных образов, крайнюю проницаемость и растворение границ, следовательно, их единство. Уже заглавие стихотворения «Дом поэта» полисемантично: перед нами 1) дом как архитектурное сооружение, 2) дом как домашнее пространство, 3) дом как автопрезентация поэта. Вместе с тем невозможно очертить, различить границы пространства дома и пространства души поэта. В сочетании «дом поэта» отношения простой принадлежности (дом принадлежит поэту) усугубляются до тождества и инкорпорированности смыслов.

В тексте также нет четкой границы между домом-зданием и домом-Коктебелем. Образ дома конструируется при помощи проницаемых (маргинальных) элементов: дверь, порог, окно: *«Дверь отперта. Переступи порог / Мой дом раскрыт навстречу всех дорог. / В прохладных кельях, беленных известкой / Вздыхает ветр, живет глухой раскат / Волны, взмывающей на берег плоский, / Полынный дух и жесткий треск цикад. / А за окном расплавленное море / Горит парчой в лазоревом просторе…»* [Волошин, 2004, с. 78].

Если говорить о пространственных характеристиках дома, то заметим, что физическое измерение искажается под воздействием «музыки» пространства, сокращается дистанция между изображаемыми объектами, и оказывается, что морская волна наступает непосредственно на порог дома. Кроме того, кельи (комнаты) не представляют собой пространства замкнутого, тесного и аскетичного. Размыкаются или совсем пропадают не только внешние границы дома, но и про-

странство внутри него, точно так же как наступающая на берег волна размывает границы между морем и сушей.

В стихотворении «Дом поэта» очевидна троично-образная структура. Поэт (который предстает в тексте как «я», «мой»), сконцентрировал в себе обе силы: и внешнего мира, и домашнего пространства; поэт равен их сумме, он не может быть равен физически только человеку, поэт здесь – существо, принадлежащее к метафизическому миру: божество или дух, воплощенный в человеческом теле. Идея человекоподобного бога или духа, очевидно, восходит в эстетике Волошина к античной парадигме – к «духам места» (паркам, ларам), которым особо поклонялись древние греки и римляне.

Поэт – дом – географическое пространство вписываются друг в друга по принципу складной матрешки, при этом остаются равными друг другу, подобно тому, как в мифологическом сознании обнаруживается равенство микрокосмоса макрокосмосу. Этот принцип пришел в текст через развернутую и реализованную метафору «профиля поэта»: *«Вон там – за профилем прибрежных скал, / Запечатлевшим некое подобье / (Мой лоб, мой нос, ощечье и подлобье)…»* [Волошин, 2004, с. 78].

Феномен «профиля поэта» в контексте отношений М. Волошина и Коктебеля требует отдельного исследования. Рельеф гор, окружающих дом в Коктебеле, действительно, образует профиль, в котором гости поэта узнавали первоначально А.С. Пушкина. «Впрочем, – как указывает В. Вересаев, – постоянно живший в Коктебеле поэт Волошин утверждает, что это его профиль» (см.: [Воспоминания, 1990]). Сходство особенно усилилось после землетрясения 1927 года (см.: [Музей Волошина, URL]). В данном случае интересна не степень сходства «профиля» с поэтом Волошиным, сколько обстоятельство *узнавания себя в другом*. В соответствии с концепцией П.М. Бицилли, отношения двойничества могут устанавливаться без участия третьих лиц, главное условие – видение себя в другом (см.: [Бицилли, 1996, с. 483-549]). На наш взгляд, этого достаточно для установления определенных соответствий внутри парадигмы «поэт – дом – пространство».

Таким образом, поэт и пространство запечатлелись друг в друге – знак родства земли, окрестностей Карадага, и М.А. Волошина, поэта, материализован именно в рельефе местности. Благодаря данному феномену мифология «поэта-пространства» вышла за пределы художественного творчества в мир топографический, символизируя также и тип поведения художника. По сути, «профиль поэта» топонимически подтвердил верность в выборе места Волошиным, как бы указав

на единственно правильный способ культурно полноценного существования в пространстве.

Хронотопический принцип в произведении «Дом поэта» можно определить как узел в пространстве: *«Мой дом открыт навстречу всех дорог»* [Волошин, 2004, с. 78]. Коктебель представляется, с одной стороны, как точка входа, в которой сходятся линии чуждых друг другу цивилизаций, культурных систем, с другой стороны, – как точка выхода. *«Здесь стык хребтов Кавказа и Балкан»* [Волошин, 2004, с. 78]. Очевидно, топоним в стихотворении выступает заместителем национальной культурной парадигмы, опыта традиций и духовных практик *(«Земля могил, молитв и медитаций»* [Волошин, 2004, с. 78]), в связи с этим Коктебель Волошина – не «буфер обмена» и не переходное пространство: благодаря амбивалентной функции он стягивает, связывает собой все типы пространств и таким образом становится неким геоцентром: *«Здесь вся земля от века сведена»* [Волошин, 2004, с. 79].

Перед нами пространство, самоформирующееся через накопление, наполнение себя: *«Наносы рек на сажень глубины / Насыщены камнями, черепками, / Могильниками, пеплом, костяками. / В одно русло дождями сметены / И грубые обжиги неолита, / И скорлупа милетских тонких ваз, / И позвонки каких-то пришлых рас…»* [Волошин, 2004, с. 79]. Нужно помнить, что Коктебель исторически – это пространство поселения азиатских скифов (как называли их греки), пространство кочевничье. В художественных текстах Волошина он часто осмыслялся как пустыня, но главный вектор – в стремлении пустыни стать не-пустыней.

Коктебель в «Доме поэта» прожил множество жизней, каждая из которых ничего не знала о предыдущих. Поэт снимает «культурные маски» – слои цивилизаций – с земли, но этот процесс противоположен процессу раскопок. У Волошина вектор «вскрытия» пластов культуры устремлен от архаики к настоящему: из Неолита, греческой античности к современной цивилизации (*«Покамест мы – Россия – не пришли…»* [Волошин, 2004, с. 80]).

Деятельность и поэта, и археолога направлена на изучение прошлого земли, однако археология осуществляет разрушающую деятельность: раскопки – искусственное вторжение в тело земли, даже если этот процесс осуществляется с любовью к прошлому. Волошин в начале статьи «Чему учат иконы?» (1914) выдвигает тезис, объясняющий, благодаря чему до нас дошли сохранными произведения древнего искусства: «Лучшей охраной художественных произведений во все времена были могила и варварство. … Смерть сохраняет.

Жизнь разрушает. <…> Возрождение, воскрешая любовь к древности разрушило гораздо больше произведений искусства в одно столетие, чем все варварство в тысячу лет. … Любовь к искусству всегда разрушительнее забвения» [Волошин, 2007, с. 133].

В тексте стихотворения таким «археологом»-разрушителем предстала вся Россия: *«За полтораста лет – с Екатерины – / Мы вытоптали мусульманский рай, / Свели леса, размыкали руины, / Расхитили и разорили край…»* [Волошин, 2004, с. 80]. Любовь к прошлому поэта проявляется в ином способе познания. Его цель – установление гармонии с пространством, поэту важна связь на духовном уровне, для этого он осуществляет деятельность, направленную на преобразование *себя*, совершает работу *над собой*, вследствие чего формирует в себе истинный взгляд на историю, тогда как археолог производит реконструкцию внешних событий.

Кроме того, пустыня противопоставлена плодородной (изобилующей) местности как мужское противопоставлено женскому: плодородие и изобилие – аспекты женского начала, а Коктебель-пустыня носит признаки мужского начала (аскетичность, суровость, твердость почвы, каменистость и др.), ему присущ мужской тип поведения. Отношения поэта и пространства представлены как отеческие и сыновние. *«Я принял жизнь и этот дом как дар <…> Как знак, что я усыновлен землею»* [Волошин, 2004, с. 81], *«Я не изгой, а пасынок России»* [Волошин, 2004, с. 82]. Хотя в стихотворении «Дом поэта» не проявлена гендерность пространства (традиционно в народных культурах к земле относились как к женщине, матери) – тем не менее, земля здесь выступает как *отеческая* сила. И все образы, привязанные к пространству, функционируют в тексте по мужскому принципу, отражают сферы мужской деятельности. Носители подчиненного женского начала сосредоточены в пространстве дома: *«Всей грудью к морю, прямо на восток / Обращена, как церковь, мастерская…»* [Волошин, 2004, с. 81], «*Со дна веков тебя приветит строго / Огромный лик царицы Таиах*» [Волошин, 2004, с. 81]. По Волошину, искусство – энергия творчества – имеет женскую природу, творец – мужскую, поэтому закономерно сравнение мастерской с церковью, (в христианской традиции – *невестой* Христа), образом подчеркнуто женским.

«Усыновление» воспринимается как усвоение особых полномочий: возведение в статус поэта, наделение видением иного плана, ощущением вечности как второго измерения. По-новому выстраиваются отношения между поэтом и землей, они больше становятся похожими на отношения наставничества: поэт принимает наставления земли как духовного учителя: *«Пойми простой урок моей зем-*

ли: / Как Греция и Генуя прошли, / Так минет все – Европа и Россия…» [Волошин, 2004, с. 82]. Важно помнить, что установлению подобного родства предшествовал период преобразования поэтом себя до соответствующего уровня духовного, культурного, художественного сознания. «Дом поэта» – автобиография, которую Волошин вписал в мифологию пространства, и она тоже становится мифом.

Связь дома и хозяина очевидна: дом дублирует эстетическое поведение хозяина, воспринимается как один из аспектов его деятельности. Волошин заявил о себе не только как литератор (поэт, переводчик, критик), но и как живописец (темпера, акварели), искусствовед. Однако сам Волошин говорил: он, в первую очередь, – Поэт. Он часто путешествовал, был знаком со многими европейскими литераторами и художниками, принял масонство, одно время увлекался буддизмом, занимался охраной культурных памятников в Крыму. Он учился у всего, с чем соприкасался, и эта сумма знаний давала оригинальный результат. В контексте структуры «пространство – поэт – дом» подобная деятельность осмысляется как серьезная работа по преобразованию себя, это своеобразный вид творческой «аскезы»: собирание себя, своего типа сознания и восприятия из элементов текста культуры. Фактически это обстоятельство повторяет стремление пустыни стать не-пустыней.

Известно, что дом в Коктебеле создавался по собственным эскизам Волошина, с течением времени достраивался, перекраивался *смысл* дома. Например, мастерская и квадратная «вышка» были пристроены к дому позднее, в 1913 году. В связи с этим можно рассматривать строение (здание) как продукт художественного сознания. Из жилого дом превращается в «*дом-поэта*». В основе домостроительства лежит определенная идея, полемика с концепцией Башни Вячеслава Иванова и его традицией дионисийства. В основу «дома-поэта» Волошин положил традицию аполлонистическую. Как указывает Н. Бонецкая, «Аполлон для Волошина – равно как Дионис для Иванова – был не архаической вымышленной фигурой, но действительно *богом* – великим и вечным духовным существом…» [Бонецкая, 2006, с. 120].

Возведение дома происходит также за счет наполнения его изнутри. Прежде всего – книгами. Книги у Волошина предстают как результат духовного осмысления бытия, каждая содержит свой аспект мировосприятия: *«Но полки книг возносятся стеной. / Тут по ночам беседуют со мной / Историки, поэты, богословы»* [Волошин, 2004, с. 81]. История, поэзия и богословие – три инстанции, практикующие и дополняющие друг друга три «типа» истины, все они свя-

заны с интерпретацией мира (физического и метафизического), осуществляемой специфическим способом, с одной стороны, с другой – это три аспекта, связанные с культурной жизнью и определенным нравственным идеалом. Они «возносятся стеной», и эта стена заключает в себе охранительный принцип: за нее не проникают ни подмена ценностей, ни навязывание ложных идеалов, диктуемых внешними силами. Вот еще одно значение того, что мы называем «дом-поэта».

Дом так же, как и пространство вокруг, связан с внешним миром посредством соединения в себе различных традиций и культур, он обеспечен внешней связью через «поток гостей», которые, как реки, формируют наносы, осуществляют эстетический обмен смыслов. Таким образом, Дом уже при жизни поэта становится «музеем», сокровищницей, этим он повторяет принцип становления не-пустыни. А поведение хозяина дублирует поведение пространства.

Итак, между элементами парадигмы «поэт – дом – географическое пространство» существует взаимосвязь, они являются тождественными друг другу благодаря общим конструктивным принципам: взаиморастворение и взаимоотражение, накопление смыслов с целью собственного преобразования. Здесь нет доминанты, ядра, периферии. Данная совокупность может быть рассмотрена как самостоятельная сущность, которая поочередно проявляется в разных ипостасях.

Литература

Бицилли П.М. К вопросу о внутренней форме романа Достоевского // Избранные труды по филологии. М., 1996.

Бонецкая Н.К. Боги Греции в России // Вопросы философии. 2006. № 7.

Волошин М.А. Собрание сочинений. В 7-ми тт. М., 2004. Т. 2.

Волошин М.А. Собрание сочинений. В 7-ми тт. М., 2007. Т. 5.

Воспоминания о Максимилиане Волошине. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/w/woloshin_m_a/text_0110.shtml

Замятин Д.Н. Феноменология географических образов. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2000/2000_06.htm

Музей Волошина в Коктебеле. [Электронный ресурс], URL: http://kimmeria.com/crimea/crimea_oriental_58.htm

Савельева В.В. Художественная антропология. Алматы, 1999.

Худенко Е.А. Антропологические поиски в поэзии О.Э. Мандельштама 1930-х гг.: языкоборчество и языкотворчество // Культура и текст. 2012. № 1.

Художественная антропология и творчество писателя: учебник для гуманитарных факультетов. Усть-Каменогорск–Алматы, 2007.

МОДЕЛЬ ТЕКСТА СРЕДНЕВЕКОВОГО НЕМЕЦКОГО ЗАКЛИНАНИЯ

М.Ю. Аржанников

Ключевые слова: структурный подход, повествование, паремия, описание, призыв.
Keywords: structural approach, narration, proverb, description, appeal.

Любое исследование начинается с определения объекта, предмета, накопления данных для анализа, и только потом проводится более детальный анализ, выявляются закономерности, делаются выводы (окончательные или требующие уточнений). Исследование немецких заклинаний начиналось с составления сборников, в которых фиксировались найденные тексты (наиболее значимые создавались в XIX – начале XX веках). Затем исследователи заинтересовались более детальным изучением текстов, их особенностей. К таким особенностям относятся принципы построения текстов – текстовая структура, лексика, семантика, синтаксис.

Одним из самых спорных моментов, предметов анализа является текстовая классификация. При изучении научных трудов мы выявили два основных подхода к определению модели текста немецких заклинаний:

- содержательный (за основу берется содержание и, исходя из него, заклинания классифицируются по группам);
- структурный (проводится анализ внутренней структуры и выводится общая модель для определенного типа текста).

Так, для зарубежных ученых (И. Шредер, В. Хольцманн, М. Шульц) определяющим является содержательный аспект. При выявлении текстовой модели они руководствуются содержанием заклинаний и выделяют каждую группу по преобладающему речевому действию. В подобных моделях мы можем видеть такие типы речевых действий как повествовательный, описательный, побудительный тип, но в разных формулировках (ср.: [Schröder, 1999; Holzmann, 2001; Schulz, 2002]). И только в качестве исключений представлены смешанные группы, то есть те группы, которые содержат не один, а несколько типов.

В отечественной лингвистике наблюдается иная тенденция. Исходной точкой исследования является внутренняя текстовая структура. Так, например, Т.В. Топорова на основе проанализированных древненемецких текстов сформулировала общую модель, содержащую блоки (среди которых выделены экспликация, ядро и заключение), и, исходя из данной модели, как исключения она рассматривает тексты, где эти блоки отсутствуют (ср.: [Топорова, 1996]).

Мы же сейчас рассмотрим общую структурную модель *средненемецких* заклинаний. На основе 188 заклинательных текстов периода XI–XVI веков, проанализированных нами в ходе исследования, мы можем выделить следующие блоки структуры заклинаний:

- повествование;
- призыв;
- описание.

Данная модель была сформулирована после анализа и выявления элементов, свойственных структуре средневековых немецких заклинательных текстов. При номинации блоков модели мы заимствовали названия типов речевых действий у И. Шредер. Однако в нашем исследовании мы воспользовались абсолютно иным подходом – структурным, а не семантическим. Такой подход лежит в основе классификации Т.В. Топоровой, который позволяет выявить текстовую модель не из содержания, имеющегося в более значимом блоке, а из внутренней структуры текста. Для нас идея структурного подхода намного ближе, так как мы считаем, что элементы данного типа текста невозможно поделить на «значимые» и «незначимые». Каждый из этих блоков является частью текста и выполняет по-своему важную функцию в заклинательном искусстве и составлении текстов.

В блоке «Повествование» представлена паремия, описывающая случаи и деяния из жизни святых. Притча подбирается специально для настоящей ситуации, то есть той, которую желает изменить заклинатель. В качестве объектов заклинаний, а следовательно, и паремий, могут выступать болезнь, вредители (например, черви), телесные повреждения (кровотечения, вывихи). Иногда речь идет о защите скота, семьи, защите от краж. На подобные темы и подбирается история для повествовательного блока. Она служит прецедентом, действующими лицами в котором, как упоминалось ранее, выступают Бог, Иисус Христос, святые или ангелы. Например:

«Tobiassegen, 14. Jh.:
Der guot herre sant thobias
Wan er ein vil guot man waz
Sinen sun er gesant
So uerr in uroemdiu lant
Der sun waz im uil lieb
Wie truriclichen er uon ym schiet
Da hort er sinen sun stan
Da wart ein segen veber yn getan
Der segen also war waz
Dar an er nichtes vergaz …» [Holzmann, 2001, s. 285].

В отрывке повествуется о Святом Тобиасе и его сыне, который отправился в чужую землю по просьбе ослепшего отца. Данная паремия используется в тексте заклинания как прецедент, на основе которого заклинатель просит о защите путешественника от голода, трудностей и т.д.

История может быть представлена в форме монолога, включающего не только косвенную речь, но и обращение с прямой речью к святым, а также персонажу, олицетворяющему болезнь или наносящему вред.

«Augensegen, 15. Jh.:
Fur daz mail in den augen.
Sanctus Nicasius der heilig martrer gotes
het ain mail in den augen vnd er versuchet,
ob yn got dauon erledigen wolt,
vnd vnser herre erlediget yn dauon.
Da pat er vnsern herren,
wer seinen namen ob im trüg oder hett,
daz der selb erlost würd von allen mailen vnd prechen,
wie die wärn, vnd vnser herre erhoret yn.…»
[Holzmann, 2001, s. 205].

В этом блоке, взятом из текста 15-ого века, представлен случай из жизни Святого Никасия, где в роли действующих лиц выступают сам Никасий и Бог, к которому обращается святой, при этом обращение передается косвенной речью. Объект заклинания – пятно в глазу (возможно, бельмо (mail)).

«Prüler Wurmsegen, 12. Jh.:
Jôb lag in dem miste.
er rief ze Criste,
er chot ‚du gnâdige Crist,
du der in demo himile bist,
du buoze demo mennisken des wrmis. N.…»
[Schulz, 2002, s. 44].

Часть этой паремии написана в форме обращения в прямой речи Иова к Христу и червю.

В качестве **описания** выступают указания по проведению ритуала, сопровождающего прочтение текста. В этом блоке приводятся условия, в которых нужно читать определенное заклинание, названия молитв, которые требуется прочитать дополнительно после настоящего заклинания, и количество их повторений. В средневековых текстах описания представлены на двух языках: латинском (внутри средне-

немецкого текста) и средненемецком. Тексты, написанные полностью на латинском языке, мы не рассматривали. Для примера возьмем описание из заклинания для остановки крови:

«Blutstillung, 14. Jh.:

Wild du daz pluot verstellen daz dâ ûs der wunden oder ûs der nasen fliuset, sô leg dîn hant dar über und sprich daz wort: + In dem namen des vaters + und des suns + und des hailigen gaistes. + …» [Holzmann, 2001, s. 206].

В этом блоке описаны действия (*«…sô leg dîn hant dar über und sprich daz wort…»*) и указаны слова, которые нужно произнести перед прочтением заклинания (*«… + In dem namen des vaters + und des suns + und des hailigen gaistes. + …»*).

Призыв включает в себя приказ или просьбу. В этом блоке заклинатель выражает свою волю посредством обращения через Бога или лично (то есть напрямую) к болезни или субъекту / предмету, наносящему вред (червь, огонь, оружие и т.д.).

Исследователи текстов заговоров указывают на то, что модель текста постоянна, изменяются только его отдельные элементы (ср.: [Schröder, 1999]. Следует отметить несколько разновидностей призыва, которые мы обнаружили во время анализа этого блока:

- призыв прямой;
- призыв внутренний;
- призыв-аналогия;
- констатация.

Прямой призыв осуществляется непосредственно заклинателем и представлен личным местоимением «Я» и глаголом в изъявительной форме (но вне паремии) или без местоимения, но с обращением и приказом / просьбой. В нижеприведенных примерах рассмотрены оба варианта:

1) **прямой призыв с личным местоимением**:

«Liebeszauber, 15. Jh.:
…
oel vnd amel vnd ingimm [sic] ich beswer üch vnd gebüt
üch als diese nesel hie brinnet in der haisen eschen
das ir also machent zerbrinnen
in hertzen vnd in sinnen
das jr nimer ruo mogent gewinnen
vnd haben bis das sie drinnen
wil laun [sic] bringen in der minnen»
[Holzmann, 2001, s. 136].

В таком типе призыва автор обращается лично к объекту, а использование личного местоимения «Я» позволяет сделать акцент на внутренней силе заклинателя и его способности самостоятельно справиться с объектом. Заклинание начинается с конструкции *«Ich beswer»*, *«Ich gebüt»* и продолжается придаточным дополнительным предложением с союзом «*das*».

2) **Прямой призыв с обращением и приказом**:

«Bärmutter, 14. Jh.:
Bärmutter leg dich,
bist so alt als ich.
Bringst du mich zu der erden,
du musst mit mir begraben werden.
Ein buch heisst die bibel,
bärmutter leg dich nieder.
Du sollst dich legen nieder an deine rechte stätte,
das gebeut dir die heiligen-gotts-kraft:
wermut und hegemut und lieggemut und das biege.
Und filia terrae! das (leiden) fahre unter meine sohle. …»
[Holzmann, 2001, s. 141].

В данном заклинании обращение и приказ выражены глаголом в повелительном наклонении (*«Bärmutter leg dich,…»*) и модальным глаголом (*«Du sollst dich legen nieder…»*). Но помимо приказов, исходящих лично от заклинателя, имеется также ссылка и на божью силу (*«das gebeut dir die heiligen-gotts-kraft…»*).

Внутренний призыв – такой тип призыва, который используется внутри истории и произносится самим действующим лицом (Богом или святыми). Он может быть представлен как в диалоге (действующее лицо <=> Бог), так и в монологическом высказывании (обращение к Богу и выражение в нем пожелания излечиться). Так как этот вид встречается внутри паремии, то для наглядности мы рассмотрим его в контексте:

«Viehsegen, 15. Jh:
Fur die wolfe.
Der gute herr sant Martein
Der lag auff dem pette sein,
er sprach: Stand auff, hirte mein,
nym des hymel slüssel,
versperr dem wolfe seinen drussel
vnd dem pern seinen czandt
vnd dem diebe seine hant,

vnd gee hin, viech,
in holcz vnd in waid,
in perg vnd in tal,
wo dir hyn sey not,
in gotes namen amen, …»
[Holzmann, 2001, s. 190].

Как мы видим, в этом тексте представлено только повествование, история, которая когда-то имела место быть, и обращение с использованием метафоры, которым некогда Св. Мартин призывал Христа, называя его пастырем (*«hirte»*), на защиту своего скота от волков. Вся история целиком не претерпела никаких изменений со стороны заклинателя (составителя текста). Видимо, потому, что текст уже содержит призыв и может использоваться как полноценное заклинание. Такой тип призыва мы и назвали внутренним.

Призыв-аналогия встречается в сравнительных конструкциях, выраженных союзами «sowie…, also», «so…, so…», «als», или в бессоюзных конструкциях (но с глаголами в соответствующих временных формах).

«Blutstillung (Nasenbluten), 14. Jh.:
Für daz pluot:
…
'herr got, nun hilf mir und betwing dicz pluot,
als du betwunge den Jordân, ê daz dich sant Jôhans dar ûs tauffet'. ...»
[Holzmann, 2001, s. 206].

Здесь мы можем выделить обращение (монолог) Святого Ильи к Богу, выраженное глаголом в повелительном наклонении (*«…hilf mir und betwing dicz pluot,…»*), в котором он выражает свое пожелание остановить кровь. Причем в призыве имеется сравнение (аналогия) с событием, отражающем желаемый результат, которое происходило ранее (крещение в реке Иордан). В сравнении присутствует маркер сопоставительной конструкции – союз *«als»*.

И, наконец, констатация представляет собой подтверждение вышесказанного в паремии (*«daz ist war»*) или утвердительное предложение, в котором отражен желаемый результат (*«der worm der ist tot»*). Для лучшего понимания такого подвида призыва, как и в случае с внутренним, мы представляем его вместе с историей.

«Wurmsegen, 12. Jh.:
Contra uermes
Jôb lag in dem miste.
Er rief ze Criste,

er chot ‘du gnâdige Crist,
du der in demo himile bist,
du buoze demo mennisken des wrmis N.
Durch die Jôbes bete
die er zuo dir tete,
doer in demo miste lag,
doer in demo miste rief
zuo demo heiligin Crist.
der wrm ist tôt,
tôt ist der wrm»

[Holzmann, 2001, s. 197].

В тексте представлена история Иова, где он обращается к Иисусу Христу и просит избавить его от червей. Результат этого обращения отражают два последних предложения, в которых он констатируется: *«der wrm ist tôt, tôt ist der wrm»*.

Данная модель была выведена посредством анализа текстов заклинаний и определения основных структурных элементов. Итак, рассмотрим данную модель заговорных текстов, которая является наиболее распространенной, на конкретном примере:

«Bamberger Blutsegen (Wundsegen), 13. Jh.:
Christ wart hie erden wnt,
daz wart da ze himele chunt,
iz neblitete, noch nesvar,
noch nechein eiter nebar,
taz was ein file gote stunte,
heil sis tu wnte!
In nomine Ihesu Christi, daz dir ze bvze.
Pater noster. ter. Et addens hoc item ter.
Ich besuere dich bi den heiligen funf wnten, heil sis tu wunte,
et per patrem, et filium, et spiritum sanctum. fiat. fiat. amen» [Holzmann, 2001, s. 185].

Здесь представлены все три блока: повествование, где рассказывается о Христе и его ране; описание дополнительной молитвы и указание количества ее повторений; призыв, содержащий глагол в изъявительном наклонении и личное местоимение – *«Ich besuere…»*, а также глагол в повелительном наклонении *«heil»* без местоимения (прямой призыв).

Итак, мы выделили в структуре средневековых текстов, используя структурный подход, три блока: повествование, основой которого

является паремия, описание и призыв, включающий в себя четыре типа: прямой, внутренний, аналогию и констатацию.

Литература

Топорова Т.В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996.

Holzmann V. «Ich beschwer dich wurm und wyrmin …»: Formen und Typen altdeutscher Zaubersprüche und Segen. Bern, 2001.

Naiditch L. Zur Sprach- und Erzählstruktur der deutschen Zaubersprüche // Interdisciplinary Journal for Germanic Linguistics and Semiotic Analysis. 2003. Vol. 8. № 2.

Schröder I. Niederdeutsche Zaubersprüche. Konstanz und Variation // Sprachformen. Deutsch und Niederdeutsch in Europäischen Bezügen. Beiheft 105. Stuttgart, 1999.

Schulz M. Beschwörungen im Mittelalter: Einführung und Überblick. Heidelberg, 2002.

РАСКРЫТИЕ ДЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТЯХ А. БИКЧЕНТАЕВА

Г.М. Булякова, Р.И. Шахмухаметова

Ключевые слова: повесть-трилогия, юный герой, характер, война, психологическое состояние.
Keywords: a trilogy tale, the young hero, the character, the war, a psychological state.

В литературе очень много произведений, отображающих судьбы детей военных лет. «Для толкования произведений о военном детстве нужно искать новый подход. Особенность этого подхода в том, что они в первую очередь войну показывают, затем только ведут речь о детстве. Это не значит, что ребенок оттеснен в них на второе место. Детство изображается в них через показ действительности военной поры, изображение войны неразрывно связывается с раскрытием детской личности, его психологии, а война, “пропущенная” через душу ребенка, в свою очередь открывается перед читателем с новой стороны» [Булякова, 1990, с. 12]. В произведениях о войне, обращенных к юному читателю, писателей интересует не столько подробности военного быта, сколько становление характера героя-подростка в условиях войны [Булякова, Латыпова, 2014, с. 38].

«Большинство произведений на тему Великой Отечественной войны, в основном, посвящены показу жизни тыла. Это естественно,

так как Башкирия была далека от прифронтовой полосы. Башкирские писатели в своих произведениях отражают самоотверженный труд детей и подростков во имя победы в глубоком тылу. Конечно, герои этих произведений непосредственно не встречались на фронте с фашистами, но все тяготы жизни в тылу они перенесли на своих плечах наряду со взрослыми» [Булякова, Шахмухаметова, 2014, с. 37]. С подобными повестями и рассказами перекликаются произведения о юных участниках войны. Среди них особое внимание привлекают произведения известного башкирского писателя, лауреата государственной премии им. Салавата Юлаева Республики Башкортостан Анвера Гадеевича Бикчентаева (1913–1989).

А. Бикчентаев пришел в литературу в 40-е годы, набрав большой журналистский опыт. В рассказах, составивших первые книги «Красные маки» (1944), «Новеллы о русском солдате» (1946) раскрывается величие подвига советских воинов. Послевоенным повестям А. Бикчентаева «Орел умирает на лету» (первая редакция – «Право на бессмертие», 1950), «Клавдия Абрамова» свойственна строгая документальность изображаемых событий.

Документальная основа присуща и детским повестям А. Бикчентаева «Большой оркестр» (1957), «Дочь посла» (1959), «Семь атаманов и один судья» (1980) и др. Его произведения изданы в Советском Союзе на двадцати пяти языках народов страны тиражом более трех миллионов экземпляров. Отдельные произведения переведены на английский, болгарский, венгерский, испанский, итальянский, китайский, французский языки и языки народов Индии. В частности, повесть «Право на бессмертие» впервые в башкирской литературе была переведена и издана в Китае, Болгарии, Польше.

Автор сам от начала до конца участвовал в Великой Отечественной войне, был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степеней, боевыми медалями. Вот почему в его повестях и рассказах тема войны выражена особенно ярко. Писатель изображает исключительные обстоятельства, которые позволяют наиболее четко проявиться героическому характеру. С подобными повестями и рассказами перекликаются произведения о юных участниках войны. Среди них особое внимание привлекают повести «Сколько лет тебе, комиссар?», «Прощайте, серебристые дожди» и «В логове дьявола».

Это своеобразная летопись боевых действий одного из многочисленных партизанских отрядов на Украине. В центре всех этих произведений стоит один и тот же герой – двенадцатилетний мальчик по имени Азат Байгужин.

В первой части повести «Сколько лет тебе, комиссар?» рассказывается о том, как Азат Байгужин, после окончания четвертого класса переехавший вместе с родителями из Уфы в один из небольших украинских городов, с началом войны остается один: отец, командир батальона, оказывается на фронте, а мать попадает в руки гестапо.

Писатель не зря оставляет своего героя одного – это важнейший из приемов раскрытия характера. Юный герой вынужден самостоятельно осмысливать все происходящие вокруг него события и сделать решающий шаг. И в такое трудное время Азат не теряется, выбирает наиболее верный выход из создавшегося положения: он бежит из оккупированного города, «в котором его обижали, разлучили с матерью». Через описание психологического состояния героя, выброшенного, словно птенец, из родного гнезда, показывается, как жестоко врывается война в мир детства, разрушая его привычные устои, разрывая сложившиеся связи, лишая ребенка самого необходимого – родительского крова, защиты, заботы.

Дальше события развертываются так, что в одной из деревень мальчик попадает в руки полицаев, которые, угрожая, заставляют его служить себе. Читатель теперь уже вникает не столько в приключения мальчишки, сколько в его душевные переживания.

Мальчик хорошо понимает, что он, сын красного командира, обязан бороться с захватчиками. В душе Азата постепенно вызревает смелая мысль: живя среди полицаев, он может передавать все их планы в соответствующие места, только вот с партизанами надо бы встретиться… Мальчик внимательно наблюдает за жизнью деревни, за хозяйничающими там полицаями. Вскоре он узнает, что в деревне действует подпольная организация.

«Последовательно раскрывая всю глубину внутреннего мира подростка, писатель постепенно подводит читателя к встрече Азата с подпольщиками. Решимость юного денщика на предупреждение подпольщиков о намерении полицаев в эту ночь устроить в деревне облаву, о чем он узнал между разговорами, для читателя не является чем-то неожиданным – этот его шаг воспринимается им закономерным итогом всех тех исканий, душевных сомнений и устремлений, которые пережил Азат. Таким образом, его становление на путь самоотверженной борьбы против фашистов воспринимается естественным и убедительным» [Сафуанов, 1971, с. 158].

Маленький Азат постепенно становится испытанным подпольщиком, позднее – партизаном.

Во второй части повести «Сколько лет, тебе комиссар?» и в повестях «Прощайте, серебристые дожди», «В логове дьявола» автор опи-

сывает полную героизма жизнь партизанского отряда, в ряды которого вступает и Азат Байгужин, где он встречает и своих сверстников – Мишу, Миколу и других.

Этим повестям А. Бикчентаева присущи напряженный, остроконфликтный сюжет, стройная композиция, психологически верное изображение характеров.

Раскрывая детскую психологию в суровых условиях военного времени, писатель старается отвечать на такие вопросы: как война меняет мироощущение ребенка, подростка-воина, в частности, его отношение к людям, к природе; как сказывается на детской душе суровость и жестокость военного времени? Что значит вообще, а для подростка – в частности, впервые пролить кровь, убить человека, хотя и врага – фашиста, хотя и с внутренним убеждением, что иначе нельзя. Ведь отношение к врагу тоже проверка на человечность.

В этом отношении характерен эпизод расстрела пленного немецкого офицера, в котором участвуют и юные герои.

«*Пока дядя Ваня очень тщательно переводил Рыжему приговор партизанского трибунала, Азат стоял опустив голову.*

– Ты что, боишься взглянуть на Рыжего? – вдруг тихим голосом спросил Микола Хведорович. Азат вынужден был поднять голову. Он видит казнь людей впервые, поэтому ему не по себе, тяжело ему».

Да, тяжко смотреть Азату на смерть человека, хотя и врага, потому что юная душа противится жестокости, потому что убийство – явление чуждое для детской психологии. Реакция ребенка на убийство может проявляться по-разному, может затрагивать самые разные стороны его взаимосвязей с миром, может вызывать разные чувства. Когда Азат впервые принимает участие в расстреле фашиста, командира отряда волнуют нелегкие мысли: *«Эта стычка не пройдет бесследно для моего адъютанта. У мальчишки первый бой, первый раз он увидел так близко смерть. И это я приказал ему стрелять. Что он при этом чувствовал: страх или любопытство? Ярость или исполнение долга? Но только бы не равнодушие, не любопытство испытал он».*

По мнению ученых-психологов, как и всякий кризис в жизни человека, война одних забивает и надламывает, а других закаляет и просвещает. В отношении детей к войне первая часть этого процесса – отрицательная, травмирующая, действует чаще и острее, чем в отношении взрослых. Потому что у детей не выработаны еще устойчивые нормативные представления о жизни. Они впервые сталкиваются с войной как со способом борьбы за существование.

Хотя А. Бикчентаев подчеркивает безнравственность войны, ее калечащее воздействие на детскую душу, рассказывает о войне как о

бесчеловечном явлении, которое не способствует воспитанию добрых и нежных чувств, он не забывает и о том, что грубость и ожесточение, насаждаемые войной, не в силах опустошить, упростить человеческое сердце.

Психологическое состояние подростка-воина в повести «Прощайте, серебристые дожди» очень тонко показано в эпизоде, где Азат Байгужин узнает о гибели своей матери от рук гестаповцев. Эту страшную весть он случайно узнает от своего друга Миши буквально перед отправлением в разведку. Азат испытывает при этом горькое страдание и боль, он *«упал как сломленный и перестал видеть белый свет… В ту минуту он хотел одного – умереть!»*.

Но о своем горе Азат никому ничего не говорит, потому что боится: вдруг не возьмут на разведку, о которой он долго мечтал. На разведке Азат видит еще одну нелепую смерть: начальник разведотряда Туманов погибает от рук своей бывшей возлюбленной, которая стала предательницей. Все эти страшные события не прошли в детской душе без следа: Азат после разведки не может ни говорить, ни плакать, ни заснуть, ни есть. Партизанский врач ставит диагноз: общее потрясение. Психика не выдержала нагрузки. Горе и ненависть к врагу выхолостили его душу. В каком-то сверхнапряжении и лихорадке он грезит только об одном – уничтожить кровожадных гитлеровцев.

В дальнейшем Азат со своими боевыми друзьями Мишей и Миколой совершает рейды в тыл врага, участвует в подрыве стратегически важного моста, доставляет партизанам секретные документы. В конце повести «Прощайте, серебристые дожди» благодаря их помощи отряд благополучно выходит из окружения. В то же время автору не изменяет чувство меры – и Азат, и его друзья психологически обоснованно показываются в соответствии с присущими своему возрасту особенностями. Совершенный ими подвиг также не обуславливают те силы, мощи и сноровки, которые обычно свойственны сказочному богатырю. Дети совершают настоящий подвиг и помогают вывести отряд из трудного положения благодаря лишь тому, что они очень четко выполняют поставленную взрослыми задачу. Это подчеркивается и в повести «В логове дьявола». Кстати, здесь изображается один из самых критических периодов Великой Отечественной войны – осень 1942 года. На заводах Германии фашисты советские трофейные снаряды наполняют ядовитым газом и привозят их на прифронтовую полосу, на передний край с тем, чтобы добиться обвинения советского командирования в скрытой подготовке химической войны. Но осуществить свой коварный замысел врагу не удается. Их планы раскрываются разведывательной деятельностью уже известного по повестям «Сколько

лет тебе, командир?», «Прощайте, серебристые дожди» легендарного партизанского отряда. При этом партизанам большую помощь оказывают тот же Азат Байгужин, а также юные подпольщики Никита Верный, Гриша Соколов и другие.

Хотя пробиться в сильноохраняемый вражеский гарнизон, где находились секретные снаряды, без помощи этих юных героев (в прямом смысле этого слова) было бы очень трудно, автор ни на секунду не забывает, что они «все детали военной операции, конечно, не знали», что Азат Байгужин, который выдал себя за сына полицая, «был маленьким винтиком большого механизма. Он только каждый раз получал от Орлова конкретные задания. Больше ничего». То есть главная роль в войне все-таки отводится не подросткам, а, как и должно быть, взрослым – орловым, голосуевым, петровичам и т.д. В этом еще раз проявляется чувство меры писателя при изображении юных бойцов. Это же утверждает и видный литературовед С. Сафуанов: «А. Бикчентаеву удалось тонко и глубоко проникнуть в психологию своего юного героя. Пожалуй, значительную роль в этом сыграло чувство меры писателя: повесть не перегружена событиями, как это часто бывает в книгах о детях на войне, Азат не совершает подвиг за подвигом – нет, он просто живет, в такой обстановке жизнь человека, тем более такого маленького, как герой повести «Сколько лет тебе, комиссар?» уже подвиг» [Сафуанов, 1988].

Да, Азат Байгужин и его друзья – это обыкновенные мальчики и девочки, которым не чужды заботы, интересы, увлечения, естественные всем нормальным детям в их возрасте. То есть мальчишки как мальчишки, а девочки – как обычные девчонки. Между Гришкой Соколовым и Виктором Пантелеевым, например, которым доверен «караульный пост», из-за немецкого трофейного карабина возникает драка, и в результате они не замечают подошедшего к ним «постороннего элемента» – матери Никиты Верного. А вот в самом критическом моменте, когда требовалась особая осторожность, потому что из-за поворота с минуты на минуту должен был появиться провокатор, с которым ребята хотели сами «свести счеты», Зина и Сима вдруг вспоминают об имеющихся запасах продовольствия и начинают спорить, за что им следует браться. В это время их, голодных девочек, давно не видавших кусочек новоиспеченного хлеба, больше интересует «большая тарелка с кашей», чем какой-то провокатор по прозвищу «Борода».

Таким образом, не только о подвиге думают эти двенадцатитринадцатилетние дети военных лет. Им не чуждо и чувство боязни: они боятся кладбища, которое выбрали местом сбора, боятся фашистов, боятся смерти (вспомним слова Миши: «Каждый боится смерти,

даже я сам боюсь!»). Ведь, как уже было отмечено, война, смерть, убийство – явления чуждые для детской психологии.

Литература

Булякова Г.М. Проблема героя в современной башкирской прозе для детей: автореф. дис. … канд. филол. наук. Уфа, 1990.

Булякова Г.М., Шахмухаметова Р.И. Отражение становления характера юного героя в автобиографических повестях башкирских писателей // Филология и культурология: современные проблемы и перспективы развития. Махачкала, 2014.

Булякова Г.М., Латыпова Р.М. Тема военного детства в повести Ф. Исянгулова «Дубы на опушке» // Проблемы востоковедения. 2014. № 5.

Башкирская энциклопедия. В 7-ми тт. Уфа, 2005. Т. 1.

Писатели земли башкирской. Справочник. Уфа, 2006.

Сафуанов С. Творчество Анвера Бикчентаева. Уфа, 1971.

Сафуанов С. Проблемы развития башкирской детской литературы. Уфа, 1988.

ПЕРВЫЙ РОМАН ТУВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С.С. Комбу

Ключевые слова: М. Кенин-Лопсан, первый роман, тувинская литература, традиция, русский и мировой роман, значение.
Keywords: M. Kenin-Lopsan, the first novel, Tuvinian literature, tradition, Russian and world novel, significance.

«Чүгүрүк Сарала» («Настигающий птицу») М. Кенин-Лопсана это не только его первое крупное произведение, это первый роман тувинской литературы. У этого романа – особая судьба. М. Кенин-Лопсан писал роман с 1948 года. «Я написал первый тувинский роман на берегу Невы, будучи студентом Восточного факультета Ленинградского, ныне Санкт-Петербургского университета в 1948-1952 годах» [Кенин-Лопсан, 1975, с. 32].

Возникает вопрос: как в те годы молодой, начинающий писатель сразу написал роман? История мировой художественной литературы знает такие моменты, когда первым произведением писателя является вовсе не рассказ или повесть, а именно роман, более серьезное и обширное произведение. Это обусловили обстоятельства социально-исторического, историко-литературного и биографического порядка, разобраться в которых необходимо прежде всего, чтобы не упустить из

вида главных, решающих особенностей формирования Кенина-Лопсана-романиста. Первым из этих обстоятельств был общий подъем в экономике и в политике, вступление Тувы в 1944 году в состав России. Вступление М. Кенин-Лопсана на литературный путь совпало не только с периодом общего подъема в стране, в его родной Туве, но и с подъемом сознания самого автора. В те годы, годы студенчества, в Ленинграде, колыбели науки и большой культуры, он много занимался, увлекался чтением, о чем он позже признавался в своих воспоминаниях: «Когда учился в Ленинградском университете очень увлекался чтением. Читать научные и художественные произведения – стало моим интересом и любовью…» [Кенин-Лопсан, 1975, с. 19]. Важнейшую роль в идейно-творческой эволюции М. Кенин-Лопсана, в формировании его творческого мировоззрения сыграла русская литература. И уместно вспоминать слова Н.А. Бердяева о том, что «Русская литература XIX века носила учительский характер…» [Бердяев, 1911, с. 921]. На наш взгляд, М. Кенин-Лопсан в своем первом романе по-своему воспринял традиции русского и мирового романа: технику композиции и сюжета, романного стиля, психологические обобщения, лирические вставки и т.п. Он не только много перенял у русской и мировой литературы, влияние на него также оказало общение с великими представителями русской литературы и науки. М. Кенин-Лопсан – ученик выдающегося русского ученого В.М. Жирмунского, крупнейшего представителя русской науки, чем он очень доволен и пишет, что «Сильно был заинтересован лекциями по теории литературы академика Виктора Максимовича Жирмунского» [Кенин-Лопсан, 1975, с. 19]. Также он с благодарностью пишет о своих учителях, выдающихся представителях российской науки – о В.М. Неделяеве, С.Е. Малове, Н.А. Кононове и др. [Кенин-Лопсан, 1975, с. 19].

Но почему идейный и творческий подъем побудил его обратиться к роману? По-видимому, в этом сказалось и веление времени. С 1937 года на тувинском языке начали выходить переводы произведений писателей других народов. В связи с празднованием в 1937 году столетия со дня смерти А.С. Пушкина в первом выпуске «Чыынды чогаалдар» («Избранные произведения») в отдельном разделе были помещены его стихи в переводе С. Сарыг-оол, С. Тока, С. Пюрбю, А. Чымба, С. Лопсан. В 1938 году появилась «Капитанская дочка» А.С. Пушкина на тувинском языке. Начиная с этого времени, переводы произведений мировой литературы регулярно публикуются в периодических изданиях и выходят отдельными книгами на тувинском языке. В литературу вошла целая плеяда тувинских писателей: М. Идам-Сюрюн, С. Сарыг-оол, И. Медээчи, К. Тамба-Сюрюн и др.

Созданный в годы Тувинской Народной Республики (ТНР) «Союз писателей ТНР» (1942) переименован в «Союз писателей Тувы» (1944) как одно из подразделений Союза писателей СССР. В 1946 году начал выходить первый литературно-художественный и критический альманах, позже ставший литературно-художественным и общественно-политическим журналом Союза писателей Тувы «Улуг-Хем». Один из родоначальников тувинской литературы С. Тока создавал свою повесть, позже переведенную на многие языки мира и удостоенную Сталинской премии. Одна за другой начали выходить художественные книги.

Не менее важной причиной, на наш взгляд, стал интерес к героическому прошлому своего народа, и развитие национального самосознания писателя побудило его обратиться к жанру роману. Еще одна особенность художественного мышления М. Кенин-Лопсана – это широкий диапазон осмысляемой им действительности, отразивший все стороны жизни народа, особенно те исторические преобразования, которые происходили на его глазах. Отец писателя – потомственный скотовод, один из талантливых людей своей местности, сказитель. М. Кенин-Лопсан многое перенял у своего отца. Как и отец, он рассказывал сказки, легенды, а также, кроме них, и прочитанную им «Капитанскую дочку». Об этом он сам писал позже: «Если осенью 1938 года в местечке Бедик-Тей Хондергея не открылась бы школа, я остался бы хорошим охотником. Отец оседлал Пар-Хурена, и туда положил мои вещи… Сестра Саанай садилась верхом на лошадь и меня провожала до школы. Учитель Дулуш Орланмай меня экзаменовав, велел идти на второй класс. Настоящий путь к учебе, науке начался именно оттуда. Однажды учитель Орланмай выехав в Чадан, оттуда принес книгу с синей обложкой Александра Пушкина «Капитанскую дочку». А когда снег начал растаять, я выучился наизусть всю «Капитанскую дочку». Каждый вечер перед сном я прочитал наизусть по главам «Капитанскую дочку» своим друзьям в комнате, где мы жили…[Кенин-Лопсан, 1975, с. 14]. Так он еще с начальных классов приобщился к литературе. Окончив 7 классов в своем кожууне, он поступает в областную национальную школу, после окончания которой вместе с другими одаренными выпускниками этой школы направляется на учебу в ЛГУ (1947), который успешно заканчивает в 1952 году. И молодой писатель после окончания учебы вернулся в Туву и в этом же году отдал свою рукопись в книжное издательство. По утверждению Сурун-оол Откуй, секретаря Тувинского книжного издательства, роман был перепечатан на пишущей машине с рукописи самого автора в 1953 году: «На пишущей машин-

ке перепечатала роман Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» в 1953 году» [«Настигающий птицу»…, 2006, с. 45]. Творчество молодого прозаика стимулировалось и самой эпохой начала века, эпохой, нуждающейся в «широчайших обобщениях», и активным движением писателя к реализму.

В истории тувинской литературы 50-е годы прошлого столетия можно рассматривать как подготовительный этап, обеспечивающий появление крупных исторических полотен – повестей и романов. Создание в первых произведениях сложных, внутренне противоречивых характеров, формирующихся в условиях трудной борьбы за утверждение новых принципов жизни, было возможным на основе творческого синтеза, сопряжения традиций народного фольклора с опытом и достижениями русской и советской классики. В этом велика заслуга переводческой деятельности всех писателей.

Переходя к общей оценке романа, мы можем сказать, что роман «Настигающий птицу» является неоспоримым свидетельством таланта тогда только начинающего писателя М. Кенин-Лопсана. В тувинскую литературу пришел своеобразный писатель, творчество которого принципиально отличалось от других писателей. О его творческом своеобразии говорил и критик А. Калзан: «Среди тувинских романистов Монгуш Кенин-Лопсан занимает особое положение» [Калзан, 1991, с. 64].

Именно его первый роман открыл новый этап его творчества, и вместе с тем новый этап в истории тувинской литературы. Роман М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» свидетельствует об утверждении в тувинской литературе романа как жанра. Роман написан на таком художественном уровне, что, говоря словами Л. Леонова, является «…изобретением по форме и открытием по содержанию». Природная одаренность, образное мышление, широта раздумий – главные черты прозаического творчества М. Кенин-Лопсана, определившиеся к началу работу над романом, удивительным образом совпали с жанровыми возможностями романа. В романе «Настигающий птицу» определились основные идейно-художественные особенности творчества М. Кенин-Лопсана, получившие развитие в его последующих романах. Роман «Настигающий птицу» – это начальный этап творческой эволюции писателя.

Цензура встретила роман М. Кенин-Лопсана сурово и немилостиво. Этот роман не сразу был понят литературной критикой и общественностью республики. Критики указывали на пессимистический характер образа коня («Чүгүрүк Сарала», в переводе на русский «Настигающий птицу», – это название коня, лучшего из луч-

ших) и обрушилась на романиста с обвинениями. Это стало серьезной причиной, препятствовавшей выходу романа в свет. Позже об этом вспоминает один из сотрудников Тувинского книжного издательства, художник Я. Чолдак: «Мне поручили художественное оформление «Настигающего птицу». Но не получилось. Монгуш Монге должен был редактировать. В 1953 году обком партии удалил из плана «Настигающего птицу» [«Настигающий птицу»…, 2006, с. 44]. А ветеран тувинской культуры А.С. Калга-оол в 2001 году писала такое: «Он (роман) три раза был исключен из плана издания по велению Тувинского обкома КПСС. Причину не знаю. Только хорошо знаю, что первый вариант оформления с названием «Чүгүрүк Сарала» был уничтожен по указанию сверху. И его автор – не член Союза писателей… Говорили, что это «лошадиный» роман… Была легенда о том, что первый роман тувинской литературы должен писать член Союза писателей СССР, а Монгуш Кенин-Лопсан всего лишь рядовой человек» [«Настигающий птицу»…, 2006, с. 44]. Цензорский рапорт подчеркивал, что восхваление животных является основной мыслью романа, поэтому роман был объявлен антихудожественным, не имеющим никакого общественного значения. Возраст самого писателя тоже, видимо, не понравился критикам. Такая оценка романа закономерна в условиях того времени, когда начиналось искусство нового, социалистического мира, когда сама историческая необходимость требовала обращения к современности, к отрицанию прошлого.

Однако в истории мировой литературы коням часто посвящались художественные тексты («Холстомер» Л. Толстого; «Прощай, Гульсары» Ч. Айтматяова, «Аргамак ищет хозяина» Д. Эрдынеева и др.). В этих произведениях наиболее отчетливо сказалась новая эстетическая ориентация писателей, и в них само слово конь обозначало одновременно и лирический характер повествования и высокую трагедийность. И хотя большинство критиков в общем отрицательно отнеслись к появлению первого романа М. Кенин-Лопсана, отметили его просчеты, первое его крупное полотно удалось. Тогда редактор Н.К. Тава-Самбу приложил все свои усилия для того, чтобы провести роман через цензуру и выпустить. Именно его стараниям, поддержкой этот роман был выпущен через 12 лет после написания.

Так в 1965 году появился первый роман тувинской литературы. Следует отметить, что тогда молодому литератору не хватало ни жизненного, ни литературного опыта. Поэтому под натиском критики писатель был вынужден издавать свой роман под названием

«Улуг хемниң шапкыны» («Стремнина Великой реки»). В самом названии произведения содержится поэтический параллелизм между рекой и жизнью народа. Образ реки олицетворяет бег времени. Позже роман опять получил прежнее название «Чүгүрүк Сарала» («Настигающий птицу»). Многие читатели оценили роман как значительное событие в истории развития литературы Тувы, как книгу, в которой отразилась глубокая жизненная правда. Об этом говорили и ученые, теоретики литературы, такие как В.М. Жирмунский, В.М. Неделяев. После появления «Настигающего птицу» В.М. Неделяев в 1965 году поздравил автора телеграммой от 22 октября 1965 года с такими словами: «Поздравляю, дорогой мой Монгуш, выходом в свет первого тувинского романа. Башкын». Эти слова, по сути, являются подтверждением того, что в тувинской литературе появился жанр романа. Таким же по содержанию было и поздравление от А.Н. Кононова. То, что он является первопроходцем в жанре романа в тувинской литературе, признавали и тувинские писатели, его соратники – С.А. Сарыг-оол, К.-Э.К. Кудажи. В автографе своей книги «Амыдырал – демисел» («Жизнь – борьба») Народный писатель Тувы С. Сарыг-оол в 1968 году с искренностью пишет: «Одному сильному писателю, автору первого тувинского романа Монгуш Бораховичу Кенин-Лопсану». Народный писатель Тувы К.-Э.К. Кудажи автографом на первом томе романа-эпопеи «Уйгу чок Улуг-Хем» («Улуг-Хем неугомонный») признавался так: «Монгуш Борахович, я, Ваш коллега, до конца верен своему убеждению – автор первого тувинского романа Вы, Монгуш Борахович».

Таким образом, «Настигающий птицу» М. Кенин-Лопсана был первым крупным, значительным и, на наш взгляд, несомненно удачным произведением тувинской прозы в жанре романа.

Литература

Бердяев Н.А. Бунт Белинского // В.Г. Белинский. Pro et contra: Личность в творчестве В.Г. Белинского в русской мысли (1848-2011), СПб., 2011.

Калзан А.К. Өзүмнерниң демдектери (Признаки роста). Кызыл, 1991.

Кенин-Лопсан М.Б. Чогаалдар чыындызы (Собрание сочинений). Кызыл, 1975. Т. 1.

Кенин-Лопсан М.Б. Настигающий птицу. М, 1977.

Кенин-Лопсан М.Б. Стремнина Великой реки. Кызыл, 1970.

«Настигающий птицу» - первый роман тувинской литературы: сборник документов. Кызыл, 2006.

О ДВУХ ПОДХОДАХ К ИДЕНТИФИКАЦИОННОМУ МОДЕЛИРОВАНИЮ ТЕКСТА

Г.В. Напреенко

Ключевые слова: идентификация текста, идентификационное моделирование текста, универсальный подход к идентификации текста, специально-ориентированный подход к идентификации текста, идентификационная экспертиза.
Keywords: identification of a text, identification modeling of a text, a universal approach to the identification of a text, specially oriented approach to the identification of a text, identification expertise.

1. Постановка проблемы подходов к идентификационному моделированию текста

Задачи определения авторства текста и идентификации текстов друг другу возникают перед учеными достаточно часто в современной лингвистике, хотя являются давними задачами и в других научных дисциплинах (например, в литературоведении, философии и криминалистике). Объектами лингвистической идентификации могут быть: а) текст безотносительно к личности автора; б) текст как воплощенная языковая личность (персонотекст); в) собственно языковая личность.

Проблемы идентификации персонотекста и ЯЛ (здесь и далее – языковая личность) решаются в рамках лингвоперсонологии. Лингвоперсонология представляет собой научную дисциплину, которая рассматривает систему знаний о закономерностях речевого поведения человека, зафиксированных в его результатах – речевых произведениях разного типа и прежде всего в тексте, понимаемом как персонотекст.

Задачи идентификации персонотекста и ЯЛ важны для построения общей теории лингвоперсонологии и для ее прикладных отраслей – в частности, для идентификационной лингвистической экспертизы, необходимой для случаев, в которых нет возможности опереться на почерк или качественную фонограмму идентифицируемого текста. Отсутствие четких методов проведения идентификационной экспертизы, как отмечают многие исследователи (например, [Галяшина, 2006; Голев, 2002] и др.), ослабляет надежность ее результатов. В настоящее время идентификационная экспертиза на основе содержательных характеристик текста чаще всего строится по принципу выделения грамматических или семантико-стилистических особенностей с дальнейшим сравнением этих особенностей и установлением принадлежности текстов одному или разным авторам. Для каждого текста или группы

текстов всякий раз формируется свой набор специфических признаков – параметров идентификации. Идентификационное исследование такого рода носит штучный характер и может быть названо этюдным.

Таким образом, научная проблема, на решение которой направлено исследование, заключается в постановке и решении следующих задач: 1) необходимость преодоления субъективности в исследованиях идентификационного характера, в связи с чем – возможность создания универсального алгоритма идентификации текста, который позволил бы от «штучного» принципа и ручной работы перейти к «конвейерному» принципу, то есть более универсальному; 2) определение условий, при которых «субъективный» или «универсальный» метод является более или менее предпочтительным.

2. Оппозиция специального и универсального подходов к идентификационному моделированию текста

В современных исследованиях, предпринятых с целью совершенствования лингвистической идентификационной экспертизы, выделяются задачи, направленные на решение проблемы достоверности методов идентификации: а) необходимость преодоления субъективного характера большинства методов идентификации текстов с целью их объективизации, б) необходимость и возможность создания универсального метода идентификации, в) выявление критериев отбора количественных параметров идентификации и в итоге – создание автоматизированных методов исследования.

Экспертная деятельность как прикладная отрасль лингвистики испытывает потребность в получении объективных результатов исследования, в сведении к минимуму возможности принятия необъективных решений. Один из возможных вариантов достижения этой цели – разработка универсальных схем и образцов экспертизы. В связи с этим наблюдается повышенный интерес к формализованным методам анализа текстовой информации на основе слабо контролируемых человеком характеристик текста, которые, в отличие от традиционных методов установления авторства, претендуют на бóльшую объективность результатов. Как следствие этого, выделим некоторые существующие разработки специальных и универсальных методов идентификационных исследований.

Специальные методы идентификации представляют собой интуитивные исследования по типу портретных очерков (этюдов), в которых каждая ситуация стимулирует применение методик, вытекающих из специфических возможностей идентифицируемых текстов. Этот принцип лежит в основе лингвистической экспертизы Н.Д. Голева. В результате использования специального метода иден-

тификации анализ и сравнение текстов в нормативном аспекте позволяют «реконструировать образ автора исследуемого текста и отнести языковую личность, стоящую за ним, к определенному ментально-языковому и психо-языковому типу» [Голев, 2010]. На сходной основе строится судебная экспертиза Л.Г. Ким [Ким, 2014]. В исследовании Л.Г. Ким на основе речевого жанра обращения в официальную инстанцию применен метод реконструкции типа ЯЛ по особенностям лексического, пунктуационно-синтаксического, жанрово-стилистического анализа текстов, благодаря чему осуществляется идентификация спорных текстов по принадлежности разным типам ЯЛ: эмоциональному или рациональному. В экспертизе Н.А. Кузьминой [Кузьмина, 2007] также используются сравнительный содержательно-языковой подход к спорным текстам, выявляются идентифицирующие семантические маркеры и т.д.

На заре становления идентификационной лингвистики разрабатывались квантитативные методы установления авторства текста, которые позволяли анализировать, прежде всего, специфические особенности текста. А.А. Марков (1913 год) предложил использовать статистический анализ по достоверно установленным текстам автора, результатом которого является оценка частоты появления отдельных слов. Н.А. Морозов [Морозов, 1915] использовал математический аппарат для анализа частоты употребления служебных слов или распорядительных частиц (по терминологии Н.А. Морозова), так как они не связаны с темой и содержанием текста, а потому характеризуют идиостиль автора. Современные исследователи продолжают развивать работы предшественников, применяя формализованные методы для анализа специфических особенностей текста. А.В. Морозов в автороведческой экспертизе текста договора [Морозов, 2004] объединяет нормативно-стилистический и статистический метод анализа текстов; А.Н. Баранов в экспертизе художественного текста [Баранов, 2001] использует методику количественного анализа квазисинонимичных лексем; Ю.В. Тамбовцев, анализируя тексты М.М. Бахтина, а также художественную, политическую, историческую и научную прозу других авторов [Тамбовцев, 2011], применяет метод «Хи-квадрат» относительно частоты употребления непроизводных предлогов и др. Полагаем, что вышеупомянутые исследователи в своих работах, удачно сочетая специальный и квантитативный методы исследования, сделали существенный шаг в преодолении субъективности путем попытки формализации идентифицируемых параметров.

Универсальные методы идентификации текста и ЯЛ, во-первых, ориентированы на идентификацию спорных текстов разного стиля и

объема, во-вторых, применяют квантитативный анализ текстов, в-третьих, предполагают анализ преимущественного всего текста или его уровней без выявления специфических особенностей отдельных элементов. К работам, посвященным поиску универсальных признаков идентификации текста и ЯЛ, можно отнести следующие: статья [Резанова, Романов, Мещеряков, 2013], в которой применяются математические методы исследования при анализе лексики, грамматики, синтаксиса; статья [Хоменко, 2014], совмещающая анализ ЯЛ и стилометрическое исследование текста; статья [Родионова, 2008], в которой применяются статистические методы при анализе синтаксического уровня; а также исследования других авторов: [Захаров, 2007; Романов, 2008, 2009; Лебедев, Сухопаров, 2008; Суркова, 2004; Павлов, Тихомирова, 2011] и т.д.

3. Содержание оппозиции специально-ориентированного и универсального подходов к идентификации текста в данном исследовании

В данной статье мы представляем два подхода к идентификационному моделированию текста, которые составляют обозначенную оппозицию. Моделирование текста в каждом подходе предполагает этап интерсемиотического перевода, то есть интерпретации вербальных знаков текста невербальными знаками, такими как ранг и частота употребления слова. В универсальном подходе идентификатором текста является параметр **ранга**, в специально-ориентированном – параметр **частотности** анализируемых элементов.

Оппозиция выглядит следующим образом.

С одной стороны, **специально-ориентированный** подход – вариант идентификации текста на базе слов, связанных синонимическими отношениями. В данной установке реализуется меньшая степень формализации, в отличие от универсального подхода, в котором слова не обнаруживают синонимической связи. Основной материал трансформируется в специфирующий путем частотностного ранжирования. Различное ранжирование текстов и конкретно синонимов в тексте обладает специфирующим и идентификационным потенциалом.

С другой стороны, **универсальный** подход – вариант идентификации на базе квантитативного анализа слов с высокой частотностью. Для этого подхода актуален анализ лексического материала без спецификации – любого и всего. Формализация и универсализм реализуются в представлении слова как знака (без обращения к его значению и смыслу), использовании каждого знака в качестве параметра-идентификатора и исключении различия омонимов, многозначных слов.

С точки зрения анализируемого лексического уровня данные подходы разграничиваются следующим образом:

1) специально-ориентированный – **специально-лексический** или **синонимический** – предполагает выявление синонимов для моделирования текста;

2) универсальный – **общелексический** – предполагает анализ каждого слова в словнике.

Материалом нашего исследования явились четыре фрагмента Интернет-дневников, средний объем которых составляет 20 тысяч словоупотреблений. В рамках идентификационной лингвистики решается задача – идентифицировать тексты друг другу по их принадлежности одному автору.

Идентификационное моделирование теста в универсальном и специально-ориентированном подходах включает несколько этапов анализа текста. Первый этап совпадает в двух подходах и заключается в том, что лексический уровень текстов автоматически переводится в формат словников, содержащих ранг и абсолютную частоту словоупотребления (производится интерсемиотический перевод). Второй этап заключается во введении словников в частотно-сопоставительные таблицы, позволяющие сопоставлять лексико-квантитативные параметры в разных текстах. В специально-ориентированном подходе частотно-сопоставительная таблица содержит синонимический ряд, напротив каждого синонима указана абсолютная частота его употребления в каждом тексте. В универсальном подходе – порядок слов с указанием ранга в анализируемых парах текстов. Третий этап моделирования текста в разных подходах существенно отличается.

4. Третий этап моделирования в рамках специально-ориентированного подхода[1]

В основе данного подхода лежит представление о выборе ЯЛ преимущественно одного синонима из существующего ряда, указанного в словаре синонимов русского языка[2]. При составлении синонимических рядов по текстам мы идем вслед за «широким» подходом

[1] Более подробно специально-ориентированный подход к идентификационному моделированию представлен в нашей статье: [Напреенко, 2011].

[2] Одной из многих работ, посвященных специальным методам идентификации, является экспертиза А.Н. Баранова [Баранов, 2001], в которой реализуется квантитативный анализ квазисинонимов служебных частей речи и модальных слов. Наша работа модифицирует метод в двух аспектах. Во-первых, материалом исследования является Интернет-дневник как жанр естественной письменной речи (в экспертизе А.Н. Баранова материалом исследования явились художественные произведения). Во-вторых, анализ синонимов в нашем исследовании не предполагает определения значений синонимов и описания причин выбора того или иного слова.

А.П. Евгеньевой[1] к пониманию синонимии. Кроме того, важным является формализованный подход, при котором исключается различие омонимов, многозначных слов, а также анализ контекстных синонимов.

Частотно-сопоставительные ряды в рамках данного специального исследования содержат синонимические ряды по текстам в рамках таких частей речи, как наречие, союзы и союзные слова, частицы и т. п., и частоту словоупотребления. Подобные слова наиболее полно отражают психо-речевую организацию ЯЛ. Если характеристики двух текстов близки друг другу и противостоят двум другим текстам по этим же показателям, то их можно идентифицировать друг с другом.

Сопоставление слов в рамках частотно-сопоставительной таблицы осуществляется:

а) «по вертикали» – предполагает анализ предпочтения ЯЛ в выборе определенного слова в рамках одного словника;

б) «по горизонтали» – предполагает сопоставление частоты употребления определенного слова разными ЯЛ в каждом словнике.

Таблица 1. Идентификационное моделирование текстов в рамках специально-ориентированного подхода.

	А		Б		В		Г	
	абсол. частота	относ. частота	абсол. частота	относ. частота	абсол. частота	относ. частота	абсол. частота	относ. частота
но	545	0,55%	585	0,62%	570	0,56%	421	0,42%
однако	41	0,04%	8	0,008%	64	0,06%	6	0,006%

Таким образом, специально-ориентированный подход реализуется путем выделения в тексте специфических параметров (таких как ряд индивидуальных предпочтений в выборе употребления некоторых синонимов в своей речи) и интерпретации их путем формально-

[1] Синонимы – «слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по своему значению, которые отличаются один от другого или оттенком значения, или стилистической окраской (сферой употребления) или одновременно обоими названными» [Евгеньева, 1975].

количественного моделирования, благодаря чему осуществляется идентификация текстов.

5. Третий этап моделирования в рамках универсального подхода[1]

В основе данного подхода лежит представление о том, что текст, построенный в ранговом отношении, отражает распределение ЯЛ слов в тексте. При сопоставлении текстов выявляется, насколько разнообразно ранжирование одного и того же слова в разных словниках. Различное ранжирование становится параметром идентификации текста.

Моделирование текстов предполагает два этапа анализа частотно-сопоставительных таблиц.

В рамках первого этапа предлагаем два способа моделирования, базирующихся на разном определении ранга:

1) $R_г$ – **ранг группы (десяти) слов**;

2) R – **ранг каждого слова.**

За основу метода примем идеальное условие, как, например, «материальная точка» (идеальная модель) или «вакуум» (идеальное условие) в физике. Заключается оно в следующем: существует некоторое идеальное распределение, при котором

1) для $R_г$ – у одного автора в разных текстах одно и то же слово преимущественно располагается в пределах одной группы или соседних группах (например, расположение одного слова в $R_г$=3 и в $R_г$=4 в разных текстах соответственно);

2) для R – у одного автора ранг слова совпадает в разных текстах, при этом допустимая максимальная разность – 10 рангов.

Несоблюдение перечисленных условий способствует разграничению текстов по написанию их разными ЯЛ, так как словники, принадлежащие разным ЯЛ, имеют разное ранжирование.

Рабочая формула для 1 способа ($R_г$):

$\Delta R_г = R1_г – R2_г$, где $\Delta R_г$ – разность рангов групп лексем в 1-ом и 2-ом текстах частотно-сопоставительной таблицы,

Если $\Delta R_г = 0, < 2$, то есть слова находится в одной группе, или в соседних группах, то тексты написал один автор.

Если $\Delta R_г \geq 2$, то есть слова находятся в разных десятках, то – разные авторы.

Рабочая формула для 2 способа (R):

$\Delta R = R1 – R2$, где ΔR – разность рангов лексем 1-го и 2-го текстов,

[1] Более подробно универсальный подход к идентификационному моделированию представлен в нашей статье: [Напреенко, 2014].

Если $\Delta R = 0; \leq 10$, то есть слова находятся на одном ранге, либо разность ранга лексемы в разных текстах не более 10, то – автор один.

Если $\Delta R > 10$, разницу между рангами можно считать контрастной и, следовательно, разграничить тексты по написанию их разными авторами.

Пример идентификационного моделирования текста вторым способом (R):

1) «как» ΔR= 6-4=2<10 → один автор;
2) «даже» ΔR=43-59=16>10 → разные авторы;
3) «у» ΔR= 8-13=5<10 → один автор.

Результатом моделирования является подсчет суммы лексем двух типов (*тип а* – лексем, подтверждающих написание текстов одним автором, и *тип б* – лексем, подтверждающих написание текстов разными авторами); отражение распределения лексем двух типов относительно каждого текста в диаграммах. Затем обозначаются выводы по идентификационному моделированию текста.

Второй этап моделирования заключается в сопоставлении словников с частотным словарем русского языка как с «абсолютным» показателем распределения слов по частотности [Ляшевская, Шаров, 2009]. Наиболее частотные единицы русского языка содержатся в любом тексте в качестве высокочастотных. Выпадение их в словнике конкретного текста из этого статуса или, напротив, появление в списке высокочастотных единиц иных слов позволяет утверждать, что этот текст нетиповой. Если такая индивидуальность в распределении слова повторяется в разных текстах, то это также дает основания для их идентификации.

Так, универсальный подход реализуется путем формально-количественного анализа индивидуальных авторских предпочтений в употреблении высокочастотных слов, которые отражаются в ранжировании словника по тексту, и сопоставления словников с частотным словарем русского языка, позволяющим выявить степень приближенности словников к «абсолютному» (стандартному) показателю.

6. Заключение

Представленная работа позволила, во-первых, выявить оппозицию специальных и универсальных методов идентификации текста и ЯЛ, во-вторых, смоделировать некоторые закономерности лексико-квантитативной структуры текстов. Нам представляется, что наиболее продуктивным в вопросах установления тождества объектов (текстов) является комплексный подход: на первом этапе – проведение формализованного, автоматизированного анализа, позволяющего диагностировать весь текст и отражать объективные данные ранжирования; на вто-

ром – «ручная» верифицирующая работа исследователя, позволяющая увидеть специфические особенности текста, не зримые машиной. Каждый из представленных методов, как видим, обладает рядом преимуществ. Однако именно формальный метод, названный нами универсальным или общелексическим, должен проводиться в качестве первого этапа, так как способен повысить достоверность результатов исследования. Во-первых, он обнаруживает количественную составляющую лексической наполненности текста, во-вторых, отражает бессознательный выбор автором текста определенной лексики, которую он предпочитает употреблять в своей речи, в-третьих, дает возможность проанализировать используемые автором слова, независимо от их принадлежности к той или иной части речи. Данные параметры подчинены требованию объективности результатов исследования идентификационного характера.

Литература

Баранов А.Н. Авторизация текста: пример экспертизы // Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.

Голев Н.Д. Лингвистическое сравнительное и авторoведческое исследование трех текстов // Юрислингвистика-10. Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово, Барнаул, 2010.

Голев Н.Д. От редактора: Актуальные проблемы юрислингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3. Барнаул, 2002.

Галяшина Е.И., Приводнова Е.В. Авторoведческая экспертиза в российском судопроизводстве // Lex Russica. 2006. № 4.

Евгеньева А.П. Словарь синонимов. Л., 1975.

Захаров М.П. Автоматизация авторoведческих исследований // Судебная экспертиза. 2007. № 4.

Ким Л.Г. Кто автор жалобы? // Юрислингвистика-13. Кемерово, 2014.

Кузьмина Н.А. Дело о шантаже и идентификации личности шантажиста // Юрислингвистика-8. Кемерово–Барнаул, 2007.

Лебедев И.С., Сухопаро Е.А. Идентификация объектов для систем обработки текста // Вестник компьютерных и информационных технологий. 2008. № 8.

Лингвоперсонология и личностно-ориентированное обучение языку. Кемерово, 2009.

Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009.

Морозов А.В. Авторoведческая экспертиза текста договора // Юрислингвистика-5. Барнаул, 2004.

Морозов Н.А. Лингвистические спектры // Известия АН Отд. рус. яз. и словесности. 1915. Кн. 1–4. Т. XX.

Напреенко Г.В. Идентификация текста по его авторской принадлежности на лексическом уровне (формально-количественная модель) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379.

Напреенко Г.В. Интернет-дневники и проблема идентификации личности // Юрислингвистика-11. Барнаул, 2011. № 11.

Павлов Ю.Н., Тихомирова Е.А. Оценка устойчивости во времени частотных словарей авторов в задачах идентификации текстов // Наука и образование. 2011. № 12.

Резанова З.И., Романов А.С., Мещеряков Р.В. О выборе признаков текста, релевантных в автороведческой экспертной деятельности // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. Филология. 2013. № 6 (26).

Родионова Е.С. «Лингвистические методы атрибуции и датировки литературных произведений (К проблеме «Мольер – Корнель»)» СПб., 2008.

Романов А.С. Структура программного комплекса для исследования подходов к идентификации авторства текстов // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2008. Т. 2. № 1.

Суркова А.С. Разработка структурно-статистических методов и алгоритмов идентификации текста. Нижний Новгород, 2004.

Тамбовцев Ю.А. Кто написал тексты Бахтина, Волошинова и Медведева? // Вестник Омского университета. 2011. № 4.

Хоменко А.Ю. Алгоритм автоматизации идентификации автора письменного речевого произведения для судебного автороведения // Юрислингвистика-13. Кемерово, 2014.

ФАКТОРЫ, ПОВЫШАЮЩИЕ ИНВЕКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

И.С. Кожеватова

Ключевые слова: ирония, инвектива, оценка, прием, публицистика.

Keywords: irony, accusation, assessment, tactic, discourse of Journalism.

В настоящее время отечественная и зарубежная лингвистическая наука характеризуются все возрастающим интересом к инвективному дискурсу. Проблема инвективы и инвективности активно обсуждается такими современными лингвистами, как Н.Д. Голев, В.И. Жельвис, В.Н. Капленко, Н.Б. Лебедева, О.Н. Матвеева, С.В. Сыпченко, В.С. Третьякова, Т.В. Чернышова, Б.Я. Шарифуллин и др. Инвективное слово квалифицируется специалистами как языковая единица, обладающая экспрессивностью, эмоциональностью, оценочностью, что позволяет отнести инвективную лексику к эмоционально-оценочной и эмоционально-экспрессивной лексике: «На данном этапе уже не вызывает сомнений факт наличия у языка инвективной функции как разновидности экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями» [Курьянович, 2005, с. 108].

Особую дискурсивную среду, обусловливающую своеобразие реализации в ней категории инвективности, представляют собой СМИ. Публицистические тексты, особенностью которых является чередование экспрессии и стандарта, отличаются активным использованием инвективной стратегии, в основе которой лежит «стремление понизить социальный статус адресата или уровень его самооценки, нанести моральный урон. Во вторую очередь, через оскорбление и обиду может преследоваться практическая цель – добиться изменения поведения адресата» [Жельвис, 1990, с. 23].

Субъективный характер журналистского дискурса порождает имплицитные смыслы в публикации, которые несут заряд инвективности в силу своей направленности на отрицательную оценку объекта текста. Большой интерес в лингвистической науке вызывают имплицитные средства, актуализирующие инвективный смысл. По замечанию И.В. Заложной, все чаще объектом исследования лингвистов-экспертов становятся публицистические тексты, не содержащие в своем составе инвективной лексики и в то же время воспринимаемые как оскорбительные [Заложная, 2011, с. 3]. На такое противоречие указывают в своих работах Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, Б.Я. Шарифуллин и др. Проблема языковых средств актуализации инвективности неразрывно связана с понятием коммуникативной свободы, с диапазоном допустимых речевых средств характеризации. Коммуникативная свобода журналиста соотносится со способами организации знакового пространства текстового произведения. При этом дескриптивный и оценочный элементы в публицистическом тексте апеллируют к различным (эксплицитным / имплицитным) средствам своего обоснования. «Инвектогенным характером обладают имплицитные смыслы в публикации, порожденные субъектно-объектной парадигмой журналистского текста. Псевдомножественность позиций наблюдения за активностью объекта журналистского текста обеспечивают доказуемость инвективного смысла только в одном из интерпретационных вариантов, что дает журналисту возможность избежать ответственности за прямые оскорбления» [Степко, 2008, с. 4].

Одним из самых распространенных способов актуализации имплицитных инвективных смыслов, к которым прибегают современные журналисты при написании публицистических текстов, является ирония. Сама по себе ирония не обладает дискредитирующим характером, так как отрицательная характеристика в иронии присутствует как подразумеваемая, а не высказанная. Однако в разворачивающемся контексте критически направленного журналистского текста ирония служит действенным средством создания отрицательного речевого портрета.

Иными словами, инвектогенный потенциал иронии неразрывно связан с контекстом, позволяющим обнаружить скрытую субъективную оценку публицистического текста. В этом случае соответствующим образом организованный контекст вместе с коммуникативным заданием определяет ироническую смысловую структуру текста.

Примечательно, что проблема инвектогенности иронии на данный момент почти не разработана, специалисты преимущественно стараются ее не затрагивать. Ср.: «Может ли ироничное высказывание быть оскорбительным? Нет, не может, так как ирония – это насмешка» [Цена слова…, 2001, с. 126]. В связи с этим представляется актуальным исследование инвектогенного характера иронического метода и выявление факторов, повышающих инвективный потенциал иронии.

Проанализировав существующие дефиниции понятия «инвектива», в качестве основного в настоящем исследовании мы будем использовать определение В.И. Жельвиса, признающего две принципиальные трактовки данного термина: «В узком смысле инвектива представляется как способ существования словесной агрессии, воспринимаемый в данной социальной группе как резкий и табуированный <…> инвектива – это вербальное нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными средствами. В широком смысле инвектива – любое словесно выраженное проявление агрессивного отношения к оппоненту» [Жельвис, 2001, с. 13]. Иными словами, инвективой признается любое слово, употребленное с целью нанесения оскорбления адресату. В языковой системе это слово зафиксировано как потенциальная инвектива, то есть оно содержит в своем значении критические характеристики человека [Королева, 2002, с. 7]. Данная трактовка понятия «инвектива» позволяет включить в понятие оскорбляющей лексики имплицитную и строго контекстуальную ироническую инвективу.

Ирония, таким образом, представляет собой скрытую, косвенную инвективу, так как использование иронии в качестве насмешки, косвенного оскорбления, развенчания притязаний позволяет автору, не выражая прямо своего эмоционально-оценочного мнения об адресате, передать имплицитно заложенный смысл и создать негативный фон для восприятия передаваемой информации. Обладая двоякой иллокутивной установкой, ирония нацелена как на имплицитное выражение отрицательного отношения, так и на сохранение своей фатической функции поддержания контакта с третьей стороной – свидетелями конфликта. Однако в случаях, когда нарушаются допустимые границы коммуникативной свободы со стороны автора, возникает необходимость рассмотрения юридического аспекта использования иронии. В

связи с этим целесообразно выявить факторы, в условиях которых повышается инвективный потенциал иронии.

Так, тексты, в которых при реализации иронии нарушается коммуникативная дистанция, обусловленная прямой субъективной отнесенностью, а также социальной ролью и статусом участников коммуникативного акта, могут быть квалифицированы как конфликтогенные. Например: «*И о прекрасном. Сегодня несомненный и безусловный* ***лидер*** *всего* ***прекрасного*** *– Ляшко с набитой* ***рожей***. *Не знаю, кто может выдержать визгливые крики этого странного* ***млекопитающего*** *более 30 секунд. Вот и депутат ВР с героической фамилией Шевченко не выдержал.* ***Безумный кликуша*** *Ляшко, скакавший как* ***блоха*** *по вестибюлю Рады в предвкушении привычного живописания его вербальных подвигов украинскими телеканалами, нарвался на человека простого, конкретного, но с пониженным порогом чувствительности к мельтешению и воплям. В общем, от одного, по виду, небольшого удара* ***герой допросов и пыток, смелый и резкий бэтмен*** *внезапно зашатался, как бы получив нокдаун*» («Полемика», 14.08.2014).

В приведенном примере с помощью приема иронического описания, включающего такие языковые средства актуализации иронии, как антифразис («лидер всего прекрасного», «герой допросов и пыток») и ироническое сравнение («смелый и резкий бэтмен»), последовательно создается отрицательный социальный образ критикуемой личности, косвенно характеризуемой как недостойной доверия и уважения. Приведенное описание в сочетании с экспрессивными лексическими единицами, имеющими стилистически сниженную помету («рожа» – разг.-сниж. [Ожегов, 1992, с. 451], «кликуша» – газет. публиц. презрит. [Толковый словарь…, 1996, с. 156]) и зооморфным метафорическим сравнением («странное млекопитающие», «как блоха») умаляет социальную привлекательность адресата у остальных членов общества. Прямая субъектная отнесенность текста к конкретному лицу (в данном случае критике подвергается депутат украинской рады Ляшко), а также занимаемое им высокое социальное положение являются факторами, усиливающими инвектогенный характер иронии. Примечательно, что общая критическая тональность текста направлена на характеристику депутата в целом, подводя к обобщенной оценке его личности как несдержанной и бестактной, не умеющей контролировать собственные эмоции. Данная оценка трактуется в обществе как отрицательная и нежелательная для человека, занимающегося политической деятельностью. Массовый характер коммуникации журналистского текста, имеющего широкий круг читателей,

также является дополнительным фактором повышения инвективности применяемой иронии. Учитывая при анализе вышеперечисленные факторы, можно прийти к выводу, что данная публикация потенциально обладает повышенным конфликтогенным характером и может быть оспорена в суде.

Другим дополнительным фактором, усиливающим инвективную составляющую иронии, являются случаи, когда осмеянию подвергаются личные качества адресата (внешность, способности, социальный аспект, работа). Так, в следующих примерах иронической характеристике автора подвергается такая известная политическая фигура, как Виталий Кличко:

– *«**Хитроумный призыв интеллектуального** мэра Киева Кличко запасаться бойлерами и обогревателями разбился о суровую правду жизни – вполне вероятно, что бойлеры и обогреватели некуда будет втыкать, а красноречия Виталия Владимировича вряд ли хватит, чтобы всех согреть»* («Полемика», 04.08.2014);

– *«Сегодня Виталий **Полиглот** Кличко решил, что йолку с Майдана все же надо убрать. **Менее сообразительные** и смелые **мэры** подумали бы, что раз скоро зима, то зачем уже напрягаться и дразнить гусей, но Виталий не таков. Он как задумал, так и сделал. Поэтому сегодня Майдан зачищали»* («Полемика», 07.08.2014).

Ирония, реализуемая в данных примерах с помощью антифразиса, направлена на осмеяние интеллектуальных возможностей адресата, сомнение в состоятельности которых выражается автором в форме скрытой негативной оценки. Слово «интеллектуальный», имеющее значение «умственный, духовный; с высоко развитым интеллектом» [Ожегов, 1992, с. 102], реализуется в полярно противоположном значении «глупый», вызывая сомнение в умственной состоятельности описываемой политической фигуры. Аналогичная смена положительно оценочного слова на отрицательно оценочное наблюдается в следующем примере. Значение слова «полиглот» («человек, знающий много языков») в приведенном контексте меняется на противоположное («человек, не способный в полной мере овладеть родным языком»), которое по значению соотносимо с отрицательно оценочным словом «глупый», сочетающему в своей семантике оценочный и дескриптивный компоненты. Дескриптивный компонент значения прилагательного «глупый» означает «с ограниченными умственными способностями, несообразительный, бестолковый. Г. человек» [Ожегов, 1992, с. 57]. Описанное качество оценивается в картине мира большинства читателей как отрицательное и приобретает резко отрицательный смысл применительно к фигуре политика, что существен-

но повышает инвективный потенциал используемой в данном контексте иронии.

Также инвектогенный потенциал иронии усиливается в тех случаях, когда наблюдается резкое нарушение этической нормы коммуникации при осмеянии понятий, представляющих для участников коммуникации большую ценность.

Однако если наблюдается совпадение ценностных приоритетов большинства читателей и автора, насмешливая тональность в таком случае не наносит моральный вред представителям определенных социальных групп, а является отражением их позиции. Совпадение ценностных приоритетов разных социальных групп можно увидеть в следующем примере:

– «В супермаркеты ребятишки тоже регулярно наведываются с инспекционными акциями, а в субботу устроили там флешмоб – валились на пол, демонстрируя, как российские товары убивают украинских солдат. ***Дурноватым розовощеким упырям было весело*** *– примерно так же, как наливать в бутылки коктейли Молотова, а потом жечь колорадов. И снова-таки сочный пиар на всех телеканалах страны и умильные комментарии в соцсетях под общим девизом «Анижедети, но уже какие патриотичные»* («Полемика», 28.07.2014).

В контексте современной политической ситуации очевидная агрессивная направленность данного текста выглядит мотивированной для читателей, поддерживающих пророссийские настроения. Совпадение ценностных приоритетов автора и большинства читателей снимает потенциальную конфликтогенность, не нанося морального вреда данной социальной группе, а наоборот находит отклик и поддержку высказанной оценке. В связи с этим используемая автором отрицательная оценка не носит оскорбительного характера, так как данный журналистский текст ориентирован на группу со сходными ценностными ориентирами. Однако логично предположить, что для украинского сообщества, поддерживающего современный политический курс украинских властей, критическая оценка автора будет носить оскорбительный характер. Другими словами, в зависимости от мировоззренческой, политической позиции читателей и будет меняться степень инвективности публицистического текста.

Таким образом, иронический способ описания действительности, являясь формой имплицитного выражения идейно-эмоциональной негативной оценки, позволяет автору скрыть инвективную семантику публицистического текста, передавая заложенный смысл не прямо, а косвенно. Проявлению скрытой субъективной

оценки иронии способствует окружающий контекст, анализ которого помогает реконструировать прагматические следы данного сокрытия. В случае нарушения автором границ коммуникативной свободы, необходимо учитывать условия, способные повысить инвективный потенциал иронии и приравнять ее к оскорблению. В ходе настоящего исследования были выявлены следующие факторы усиления инвективности иронии:

- прямая субъектная отнесенность отрицательной оценки;
- нарушение коммуникативной дистанции, обусловленной социальной ролью и статусом участников коммуникативного акта;
- ироническое осмеяние личных качеств адресата (внешность, способности, социальный аспект, работа и т.д.);
- резкое нарушение этической нормы коммуникации при осмеянии понятий, представляющих для участников коммуникации большую ценность, происходящее вследствие несовпадения мировоззренческих и ценностных приоритетов автора и большинства читателей. Однако в случае совпадения ценностных ориентиров автора и читателей, конфликтогенность иронически направленного текста резко снижается и предстает как мотивированная.

Литература

Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи: (Психолингвистическая интеграция речевого воздействия). Ярославль, 1990.

Заложная И.В. Имплицитная инвектива в современном русском языке: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2005.

Королева О.П. Прагматика инвективного общения в англоязычном социуме (на материале британского ареала): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2002.

Курьянович А.В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ, 2005. Вып. 3 (47).

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М., 1992.

Степко М.Л. Речевые средства выражения инвективных смыслов в жанре комментария публицистического дискурса (на материале современного английского языка): автореф. дис. … канд. филол. наук. Майкоп, 2008.

Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. М., 1996. Т. 3.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДНЫХ ПРЕДЛОГОВ В ГАЗЕТНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ СТИЛЕ

Ю.В. Хаперская

Ключевые слова: газетно-публицистический стиль, производные предлоги, абстрактность / конкретность, семантика, синонимия.
Keywords: newspaper style, derivative prepositions, abstractness / concreteness, semantics, synonymy.

В последнее время служебные части речи вообще и категория предлогов в частности вновь стали объектом интереса лингвистов [Всеволодова, 2013; Сергеева, 2007; Шереметьева, 2011; Шестакова, 2010]. В рамках межнационального проекта «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» подготовлен к выпуску реестр предложных единиц. Однако характеристика производных предлогов была бы неполной без данных об активности и широте их употребления в текстах различной стилевой принадлежности. В данной статье речь пойдет о производных предлогах, наиболее активных в текстах газетно-публицистического стиля.

Следует отметить, что к производным, вслед за авторами Грамматики-80, мы относим предлоги, имеющие живые словообразовательные отношения и лексико-семантические связи со знаменательными словами [Русская грамматика, 1980, с. 704]. При этом наряду с собственно предлогами как производные предлоги мы рассматриваем все единицы, выполняющие функцию предлога, независимо от их статуса.

Одной из главных особенностей публицистического стиля является сочетание в его рамках двух функций языка – функции сообщения (информативной) и функции воздействия (воздействующей, или экспрессивной). «Информативная функция ведет к формированию нейтрального слоя словаря, речевых стандартов, строевой лексики, необходимой для словесного оформления сообщений. Воздействующая функция обусловливает наличие и формирование оценочной лексики» [Кожина, 2008, с. 313]. На наш взгляд, функционирование производных предлогов в публицистическом стиле связано, прежде всего, с реализацией информативной функции языка через формирование разновидностей речевой стереотипии.

Перейдем к рассмотрению различных аспектов функционирования производных предлогов в газетно-публицистическом стиле. Методом количественного анализа было определено количество вхождений

для каждого производного предлога в тексты анализируемого стиля. Частотность употребления того или иного предлога определялась на материале газетного корпуса НКРЯ, в который включены тексты печатных газет «Известия», «Комсомольская правда», «Труд». Временной диапазон газетных текстов – 2010-2014 г.г. Общее число словоупотреблений в корпусе – 23 млн. 12 тыс. 552 слова. В ходе анализа мы выделили 81 производный предлог, «тяготеющий» к газетно-публицистическому стилю (в скобках указана частота употребления предлога на миллион словоформ): ***по мнению*** *кого/чего* (285), ***в ходе*** *чего* (264), ***накануне*** *чего* (217), ***за счет*** *чего* (193), ***помимо*** *чего* (154), ***в центре*** *чего* (120), ***в размере*** *чего* (119), ***в районе*** *чего* (113), ***по поводу*** *чего* (111), ***в составе*** *чего* (92), ***в сфере*** *чего* (85), ***с начала*** *чего* (80), ***с участием*** *кого/чего* (72), ***в состав*** *чего* (71), ***свыше*** *чего* (71) и др. Будучи очень емкими единицами, данные производные предлоги становятся все более частотными в прессе. Они реализуют информационную функцию языка в газетной публицистике через такие свойства языка газеты, как стремление к краткости, лаконичности и быстроте передачи информации. Данные предлоги участвуют в формировании фонда стереотипных конструкций, помогающих журналисту оперативно передавать информацию, не задумываясь над построением фразы.

Анализ функционирования выделенных производных предлогов в газетно-публицистическом стиле проводился по нескольким параметрам: с точки зрения абстрактности/конкретности значения, структурных типов предлогов, выражаемых предлогами семантических и синонимических отношений, а также в аспекте состояния кодификации рассматриваемых словоформ. Рассмотрим подробнее каждую из характеристик.

1. Закономерности функционирования производных предлогов абстрактного / конкретного значения в газетно-публицистическом тексте

В «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» отмечается, что одной из закономерностей, отражающей специфические стилевые черты любого стиля, является то, что «существует строгая количественная зависимость между абстрактностью содержания текста и абстрактностью речи… Та же зависимость имеется между конкретностью содержания и конкретностью речи» [Кожина, 2006, с. 90]. Эту закономерность можно проследить и на примере функционирования производных предлогов в газетных текстах.

В соответствии с концепцией Грамматики-80 производные предлоги находятся на разных ступенях отхода от тех знаменательных слов, которыми они мотивированы. Некоторые из предлогов полностью

утратили общность лексического значения с мотивирующими их словами, другие имеют живые и тесные связи с соответствующими словами и, выражая отношение, одновременно несут в себе элемент предметного значения [Русская грамматика, 1980, с. 707]. Таким образом, абстрактность производных предлогов зависит от того, насколько эти предлоги утратили конкретную семантическую связь со знаменательными словами, от которых они образовались.

Так, мы проанализировали контексты употребления производных предлогов в газетных текстах, и обнаружили, что суммарный средний коэффициент абстрактности предлогов равен 40%, а конкретности – 60%. Для сравнения: в научных текстах 76% и 24%, в художественных 30 и 70% соответственно. Можно говорить о том, что в газетно-публицистическом стиле активизируется как отвлеченно-обобщенный, так и образно-конкретный тип мышления субъекта речи. Это связано как с двойственностью функции языка (воздействующей и информационной), так и с многообразием газетных жанров, одни из которых тяготеют к аналитико-обобщенному изложению и характеру речи, близкому к научному, другие – к экспрессивным стилям. Следует также отметить, что абстрактные предлоги в большей степени опредложены, то есть в семантическом плане значительно отошли от семантики производящего слова и фиксируются в словарях как собственно предлоги: *в ходе чего, в адрес кого / чего, в роли кого / чего, в число кого/чего, на стороне кого / чего и др.* Конкретные предлоги еще сохраняют связь с мотивирующим словом и занимают переходное положение: *по мнению кого, в размере чего, с начала чего, с участием кого/чего, в состав кого / чего и др.* Такие словоформы не кодифицируются современными словарями как предлоги.

2. Морфологический состав производных предлогов

По происхождению производные предлоги традиционно делят на отыменные (***по мнению*** *кого / чего,* ***в ходе*** *чего* и т.п.), наречные (***накануне*** *чего,* ***помимо*** *чего* и т.п.) и отглагольные (***начиная от*** *кого / чего,* ***исходя из*** *чего* и др.). Каждый из морфологических типов предлогов подразделяется, в свою очередь, на простые (из одного слова) и составные (из двух или трех слов) [Русская грамматика, 1980, с. 705-707]. Большинство словоформ класса производных предлогов представляют отыменные предлоги, так как процесс препозиционализации имен существительных наиболее активный. Данная закономерность характерна и для публицистической речи. Так, **отыменные** предлоги в анализируемых текстах составили:

– простые (***минус*** *что*) – 1%;

– составные с одним первообразным (***на почве*** *чего,* ***на волне*** *чего,* ***в угоду*** *кому / чему,* ***со слов*** *кого,* ***по линии*** *чего и т.п.*) – 73%;

– составные с двумя первообразными (***во главе с*** *кем/чем,* ***по вопросу о*** *ком / чем,* ***в шаге от*** *чего,* ***без оглядки на*** *кого / что,* ***с оглядкой на*** *кого / что,* ***в ногу с*** *кем / чем*) – 8%.

Следующий по частотности морфологический класс предлогов – **наречные** предлоги:

– простые (***накануне*** *чего,* ***помимо*** *кого/чего,* ***свыше*** *чего,* ***ниже*** *чего,* ***касательно*** *кого / чего,* ***адекватно*** *чему*) – 8%;

– составные (***совместно с*** *кем / чем,* ***вслед за*** *кем / чем,* ***незадолго до*** *чего,* ***неподалеку от*** *чего,* ***наравне с*** *кем / чем,* ***вкупе с*** *кем / чем,* ***вдали от*** *кого / чего,* ***вдалеке от*** *кого / чего*) – 9%.

Незначительную группу составляют **отглагольные** составные (***начиная от*** *кого / чего*) – 1%. Простые отглагольные предлоги в газетно-публицистическом стиле отсутствуют. Таким образом, для газетно-публицистических текстов характерна общая закономерность происхождения класса производных предлогов: отмечено преобладание отыменных предлогов и незначительное количество отглагольных форм.

3. Семантическая характеристика

Производные предлоги могут передавать различные виды отношений. В результате анализа текстов мы выявили 16 типов отношений, передаваемых производными предлогами в газетно-публицистическом стиле: 1) пространственные, 2) временные, 3) причинные, 4) характеризационные, 5) целевые, 6) комплитивные (восполняющие), 7) образа действия, 8) условия, 9) сравнения, 10) совместности, 11) уподобления, 12) соответствия, 13) возмещения, замещения, 14) принадлежности, 15) источника, обоснования, 16) квалификации или уточнения. Наиболее активны в публицистическом стиле производные предлоги, выражающие **временные** (*в ходе чего, накануне чего, с начала чего и др.*) и **пространственные** (*в центре чего, в районе чего, с места чего и др.*) отношения. Они составили 17% и 13% соответственно от общего числа предлогов. Преобладание пространственных и временных отношений в публицистическом стиле связано с тем, что у каждого жанра публицистики есть свой объект, который должен быть отображен во времени и пространстве. Следует также отметить, что по сравнению с другими функциональными стилями в газетных текстах отмечаем активность употребления предлогов со значением **совместности / несовместности** – *совместно с кем, во главе с кем, вкупе с кем, под началом кого, с участием кого, помимо кого, на стороне кого* (10%) и предлогов, выражающих отношения **причины, основания** –

по вине кого / чего, по поводу чего, под предлогом чего, на почве чего, в угоду кому / чему, по вопросу чего, касательно чего (10%). Данные категории расширяют представление об отображаемом в тексте событии и его участниках, реализуя тем самым информативную функцию публицистического стиля.

4. Синонимические отношения между производными предлогами

В публицистике нацеленность на экспрессию выражения, стремление разнообразить речь, избегая повторений, естественно, приводит к использованию всех возможных ресурсов синонимии. Следует отметить, что под синонимией предлогов мы понимаем соотношение разных лексических единиц, выражающих один и тот же денотативный смысл. В ходе анализа было выявлено, что 50% корпуса производных предлогов, активных в газетно-публицистическом стиле, входят в синонимические ряды, различные по количеству членов. Представим обзор синонимических парадигм:

1) со значением «в отношении кого-либо, чего-либо»: ***по поводу*** *кого / чего* – ***касательно*** *кого / чего* – ***по части*** *кого / чего* – ***по линии*** *кого / чего* – ***по вопросу*** *кого / чего* – ***по вопросу о*** *ком / чем* – ***на предмет*** *чего;*

2) со значением «в пределах какого-либо множества»: ***в составе*** *чего* – ***в состав*** *чего* – ***в окружении*** *кого / чего* – ***в число*** *кого / чего* – ***в числе*** *кого / чего*;

3) со значением «продолжение временного промежутка»: ***в ходе*** *чего* – ***по ходу*** *чего* – ***на волне*** *чего* – ***в разгар*** *чего*;

4) со значением «совместности»: ***с участием*** *кого / чего* – ***совместно с*** *кем / чем* – ***вкупе с*** *кем / чем* – ***на стороне*** *кого/чего*;

5) со значением «уподобления»: ***в роли*** *кого / чего* – ***на правах*** *кого / чего* – ***под видом*** *кого / чего* – ***под знаком*** *кого / чего*;

6) со значением «перед каким-либо событием»: ***накануне*** *чего* – ***в преддверии*** *чего* – ***незадолго до*** *чего*;

7) «указание на источник информации»: ***по мнению*** *кого* – ***с точки зрения*** *кого* – ***со слов*** *кого / чего*;

8) со значением «причины»: ***по поводу*** *чего* – ***под предлогом*** *чего* – ***на почве*** *чего*;

9) со значением «ограничения в пространстве»: ***за границы*** *чего* – ***за границами*** *чего*;

10) «отдаленность от объекта»: ***вдалеке от*** *кого / чего* – ***вдали от*** *кого / чего*;

11) «начало временного промежутка или события»: **с начала** чего **– на начало** чего.

Таким образом, производные предлоги в газетно-публицистическом стиле образуют различные синонимические парадигмы с количеством членов от 2 до 7. Самую многочисленную парадигму составили предлоги, выражающие отношение между объектами. Это может быть обусловлено тем, что именно область общественных отношений находится в центре внимания публицистов. Наличие синонимов позволяет авторам варьировать их употребление в зависимости от поставленных экспрессивных и информационных целей. Так, исследования функционирования производных предлогов синонимического ряда со значением «в отношении кого-либо, чего-либо» в различных газетных текстах показали, что предлоги *по поводу чего, на предмет чего,* являющиеся стилистически нейтральными, широко употребляются в публикациях, освещающих сферы общественной жизни, предлоги *касательно чего, по линии чего, по вопросу о чем, по вопросу чего,* маркированные в словарях как «официальные», активны в сообщениях официальной хроники, а предлог *по части чего,* имеющий разговорный характер, чаще всего встречается в проблемных статьях, причем комментирование фактов и событий здесь часто сопровождается ироничными замечаниями (все примеры далее приведены из газеты «Комсомольская правда»): ***По поводу*** *этой заброшенной шайбы вопросов не возникло.* (08.03.2014) – *Мэрия проверит аптеки* ***на предмет*** *наличия в них масок* (14.01.2009) – *Президент утвердил перечень поручений правительству* ***касательно*** *нацпроектов.* (13.08.2010) – *Меры принимаются* ***по линии*** *следственных органов,* ***по линии*** *органов здравоохранения и* ***по линии*** *органов обеспечения.* (21.10.2013) – *Южная Корея готова к переговорам с КНДР* ***по вопросу о*** *встречах семей* (14.02.2012) – *Начались срочные переговоры* ***по вопросу*** *участия Ирана в «Женеве-2»* (20.01.2014) – *Руководитель эстонского государства Т. Ильвес* ***по части*** *россиефобии – «пионер всем ребятам пример»* (05.04.2014).

Таким образом, исходя из требований конкретной коммуникации, журналист выбирает наиболее целесообразные в определенном контексте синонимические средства.

5. Состояние кодификации анализируемых словоформ

В процессе анализа мы выделили две группы словоформ: 1) производные предлоги, зафиксированные в современных словарях и 2) новообразования, которые в современной лексикографической практике не имеют статуса предлога. В первую группу входят предлоги как однозначно трактуемые словарями, так и те, в определении статуса которых словари расходятся, а также имеющие помету «в знач. предлога». В количественном отношении в газетно-публицистическом сти-

ле зафиксированные предлоги составили 46% от общего количества, а «новые» – 54%. Это говорит о том, что газетная публицистика ищет все новые средства для разнообразия речи. Кроме того, на современном этапе развития русского языка активен такой грамматический процесс, как «свертывание» сложных предложений, «сжатие» синтаксических конструкций. Производные предлоги как раз и представляют результат такого «сжатия» и «свертывания»: *…ранее в Раде состоялась драка* ***с участием*** *лидера Компартии Украины Петра Симоненко* (Труд, 08.04.2014) = *драка,* ***в которой участвовал****…*; *Выяснилось, что рубль – наиболее защищенная валюта* ***с точки зрения*** *защиты от санкций* (Труд, 28.03.2014) = *наиболее защищенная валюта,* ***если иметь в виду защиту от санкций***; ***Со слов*** *пожарных, весь дом изнутри был облит горючей смесью* (Труд, 11.11.2013) – ***как сообщили пожарные.***

Итак, резюмируем. Хотя, по мнению большинства ученых, предлоги слишком абстрактны для того, чтобы принимать участие в формировании стилей, наши наблюдения говорят об обратном. Производные предлоги активно участвуют в реализации базовых стилевых черт публицистического стиля (официальности, сдержанности, известной обобщенности изложения и одновременно стилевом «эффекте новизны»), сформированных на основе базовых функций газеты (информационной и воздействующей). С точки зрения функционирования производных предлогов в газетно-публицистическом стиле можно выделить следующие особенности: активное использование как конкретных, так и абстрактных предлогов, что обусловлено двойственностью функции языка газеты; преобладание отыменных составных предлогов; активность предлогов с временной, пространственной, причинной и комитативной семантикой; активность в «производстве» и употреблении некодифицированных предлогов; широкое использование ресурсов предложной синонимии.

Литература

Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. М., 2013.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 2008.

Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2006.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru

Русская грамматика. М., 1980.

Сергеева А.Г. Семантические и функциональные свойства лексикализованных предложно-падежных словоформ *в заключение, в завершение, в довершение*: дис. … канд. филол. наук. Владивосток, 2007.

Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка: дис. … д-ра филол. наук. Владивосток, 2011.

Шестакова Е.В. Фразеологические предлоги в текстах официально-делового стиля (на материале кодексов Российской Федерации): дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2010.

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПРАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСКИХ КОНКУРСОВ СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ

Творческие конкурсы видео- и радиосюжетов студентов-журналистов значимы тем, что манифестируют и в определенной степени эксплицируют ценностные доминанты, социальные ориентации и профессиональные навыки участников.

Почему столь важны для нас эти показатели? В первую очередь это связано со становлением информационного, массово-коммуникационного общества, с глобальными и отечественными социокультурными трансформациями, резко изменившими роль и место СМИ в социуме. Если в XIX веке утвердилась истина «кто владеет информацией, тот владеет миром», в XX веке она трансформировалась следующим образом: «кто владеет средствами массовой коммуникации, тот владеет миром», а в XXI век мы вошли с пониманием того, что средства массовой коммуникации владеют миром, управляют им и, более того, его конструируют. Роль профессиональных журналистов в социокультурных процессах возросла до демиургической. Вот почему так значимы ценностные доминанты и социальные ориентации молодых журналистов – творцов картины мира и общественного бытия ближайшего будущего.

Масс-медиа являются коммуникативной формой существования и воспроизводства культуры, а медийная картина мира – рефлексивным образом реальности, материализованным в форме текста, знака, языка. В современных условиях журналисты для многих становятся основным источником персональной картины мира. Отбирая сюжеты, они формируют некий фрейм восприятия действительности, а содержание их посланий служит основой персональных стратегий действий и даже жизненных сценариев.

Трансформативные процессы современной социокультурной ситуации выдвигают журналистов в авангард интеллигенции. Как отмечал К. Мангейм, в каждом обществе имеются социальные группы, чья специальная задача состоит в обеспечении интерпретации мира для общества, их называют интеллигенцией [Манхейм, URL].

Интеллигенция – интеллектуальная элита, «мозговой центр» общества, субъект формирования мировоззрения. Это такая группа людей, в духовном

опыте которой вырабатываются идейные основы национально-культурной «симфонической», «соборной» личности, от которой исходит вдохновляющий и организующий импульс ко всем представителям этого органического единства. Она – выразитель целей, идеалов, чувств и чаяний народа. Ее функция – выработка мировоззрения, утверждение нравственно-смысловых констант культуры, обоснование социальных интересов и исторических целей национально-культурного сообщества.

Весомую традицию в социогуманитарном знании имеет понимание интеллигенции как когорты людей, берущих на себя ответственность за народ, страну, их настоящее и будущее и вытекающую из этого роль духовных поводырей, идеологов, защитников. Такое понимание содержится, например, в следующем определении: «Интеллигенция – социальная страта интеллектуалов с самовозложенной ответственностью за руководство будущим благосостоянием и развитием нации» [Джери, Джери, 1993, с. 252]. Отечественная исследовательница К. Касьянова понимает интеллигента так: «Интеллигент – это человек, имеющий концепцию того общества, в котором он живет, и в силу этого обстоятельства за указанную культуру ответственный. Он обязан вносить свет этого представления в умы своих современников» [Касьянова, 2003, с. 22].

Интеллигенция – это «орган» самосознания национально-культурного организма и живая энергетическая сила, реализующая его генеральные базовые интенции и направления развития; она постигает логику развития культурного целого, формулирует цели, идеалы и смыслы общественного бытия, вдохновляет и организует народ на их достижение.

Осознание факта, что журналист – это представитель интеллигенции с возлежащей на ней культурной миссией, должно не заглушаться повседневной суетой и круговертью профессиональных обязанностей, а служить социокультурным императивом журналистской деятельности.

Но изменившаяся ситуация рождает новые угрозы и новые вызовы в сфере подготовки профессиональных журналистов. Так, журналист, Заслуженный работник культуры России С. Васильева в статье «Социальная ответственность журналиста» пишет: «Престиж профессии журналиста упал как никогда. Это отражено в книгах, фильмах, где выводятся персонажи – журналисты. Если герой – наш коллега, то он развязный, циничный, шустрый, но глуповатый, поверхностный, плохо воспитанный, плохо образованный, беспринципный, жадный до денег и т.д. А прежде, например, в фильме Сергея Герасимова «Журналист» представитель нашего цеха представал перед зрителями в образе интеллектуала, талантливого человека, борца за правду, мучительно переживавшего собственные проступки. В жизни есть те и другие. Возможно образ нового русского журналюги, «акулы пера» более на виду, все больше воспроизводится в жизни» [Васильева, URL].

Это мнение поддерживает молодая исследовательница образа российского журналиста из Рязани: «В советское время сотрудник СМИ воспринимался как выразитель народных интересов, борец за правду, эрудированный, интеллигентный человек, способный проникать в суть проблемы и анализировать факторы, влияющие на развитие ситуации. В 1990-х годах журналист начинает

восприниматься не столько как нравственный наставник, а как информатор. И именно в это время идет процесс отчуждения аудитории и журналиста: последний перестает быть «одним из нас», человеком, которому интересны проблемы бытового и морально-нравственного характера… Современные публицисты отмечают, что нынешняя редакционная практика культивирует в журналистах такие качества, как «умение приспосабливаться», «способность легко менять свои убеждения», «скептицизм», «цинизм»» [Метелица, 2012, с. 37-38].

Однако не все так однозначно плохо. Участница международного исследовательского проекта по изучению ценностных представлений современных журналистов отмечает, что проведенное ими исследование выявило следующий факт: экономический (коммерческий) аспект журналистской деятельности не слишком важен в ежедневной работе среднестатистического журналиста, а социальное предназначение и общественную роль журналистики осознают многие участники исследования [Аникина, 2013, с. 195].

Конкурсы творческих работ студентов-журналистов – это свидетельство ценностных предпочтений и социальных ориентаций их участников. Этому способствуют два основных обстоятельства: абсолютная свобода в выборе героя сюжета и понимание того, что говорить надо о главном, важном и значимом. То, что для участников конкурсов важно, характеризует их исходный взгляд на реальность, их картину мира, их персональную аксиосферу.

Тема проводимого нами творческого конкурса 2014 года – герой нашего времени. В этой связи любопытно сообщение «На вступительных экзаменах на журфак МГУ темой творческого конкурса стал герой нашего времени. Нет, не Печорин. И не Онегин. Они были героями своего времени, а не нашего. Абсолютное большинство абитуриентов написали, что герой нашего времени − олигарх и бандит». Далее авторы сообщения предлагают проголосовать: герой нашего времени – это

- олигарх и бандит;
- спасатель, пожарный, мужественный и рисковый человек;
- наш президент;
- независимый человек, специалист экстра-класса;
- супергерой: Бэтмен, Человек-Паук и т.д.;
- у нашего времени нет Героя [«Герой нашего времени», URL].

А кого в качестве героя как носителя важных общественных ценностей избрали наши студенты-журналисты, участвовавшие в конкурсе и прошедшие во второй финальный тур?

Спортсмен, который после множественных переломов восстановил себя и стал победителем олимпиады. Человек, обладающий невероятной волей, упорством, стремлением к достижению цели.

Очень добрая девушка-психолог, работающая на телефоне доверия и вкладывающая душу в разрешение сложных ситуаций обратившихся к ней людей. Ее главные качества – отзывчивость, сочувствие и соучастие.

Народный мастер, резчик по камню. Человек очень глубокий, всесторонний и необычайно талантливый.

Студенческий ансамбль «Музыкальные фантазеры», люди, увлеченные любимым делом, испытывающие радость от творчества.

Волонтеры-поисковики из отряда «Лиза Алерт», у которых ярко выражены отзывчивость, сопереживание чужой беде, готовность прийти на помощь по первому зову.

Волонтеры, помогающие инвалидам, больным, бездомным, которые руководствуются принципами милосердия, сочувствия, заботы о тех, кто нуждается в помощи.

Детский хирург, разделивший сиамских близнецов. Человек очень добрый, мягкий, внимательный, профессионал высокой квалификации.

Спортсмен-тэквондист, человек еще очень молодой, но феноменально трудолюбивый, ответственный, целеустремленный.

Учитель, создавший мини зоопарк, в котором сам ухаживает за животными, чтобы дети и взрослые почувствовали излучение добра при общении с братьями меньшими.

Молодая семейная пара, организовавшая при библиотеке кафе-клуб любителей книги, создающая атмосферу добра и духовности.

Участники конкурса выбирают то, что для них важно и интересно. Для нас очевидно, что в ситуации выбора раскрывается настоящее лицо человека. Можно согласиться с филологом Л.А. Гусевой, которая видит в образе героя одно из возможных воплощений авторского сознания [Гусева, 2007].

А великий Ж.-П. Сартр писал: «Действительно, нет ни одного нашего действия, которое, создавая из нас человека, каким мы хотели бы быть, не создавало бы в то же время образ человека, каким он, по нашим представлениям, должен быть. Выбрать себя так или иначе означает одновременно утверждать ценность того, что мы выбираем, так как мы ни в коем случае не можем выбирать зло. То, что мы выбираем, – всегда благо. Но ничто не может быть благом для нас, не являясь благом для всех… Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю, выбирая себя, я выбираю человека вообще» [Сартр, 1990, с. 324].

Выбор героев участниками творческого конкурса 2014 года свидетельствует о том, что для них самые значимые ценности – нравственные. Вспомним, что И. Кант, определяя нравственность, рассматривал ее через два взаимосвязанных компонента: добрая воля плюс долг, осознаваемый как личный долг, а не должностная или функциональная обязанность [Кант, URL]. Их герои не решают глобальные задачи, а творят добро, красоту, милосердие, демонстрируют ответственность, отзывчивость и соучастие, готовность прийти на помощь, самореализуются в творчестве, доставляют радость другим.

Известный киноактер заметил: «На пути вперед герои будут. Они уже есть, и я многих знаю прямо сейчас. Это мои знакомые – и военные, и врачи, и просто люди, совершающие поступки каждый день. Они вокруг нас. Когда мы поймем, что они нам нужны, что они для нас – пример, эти герои придут и на экраны кино» [Кто он – герой нашего времени?, URL].

В праксиологическом аспекте творческие конкурсы студентов-журналистов решают следующие задачи:

− стимулируют активность студентов,

− соединяют теорию и практику,

− ставят проблему поиска героя или темы и обоснованного выбора их,

− служат способом «набивания руки»,

− создают условия наставничества, когда опытные журналисты в процессе сотрудничества передают мастерство «из рук в руки»,

− способствуют решению проблемы будущего трудоустройства: конкурсы для ГТРК «Алтай» служат площадкой подбора будущих сотрудников,

− способствуют приобретению профессиональных практических навыков по информационной теле-, радиожурналистике, а также освоению навыков операторов и режиссеров монтажа, которые включены в номинации конкурса,

− формируют умение разговорить человека, найти нужный подход,

− научают работать в команде,

− выявляют лидеров, способствуют проявлению личностных качеств, раскрытию творческого потенциала студентов-журналистов,

− создают условия для формирования и проявления качеств, ранее скрытых резервов, самопроявления, самовыражения,

− предоставляют возможность апробации на настоящем TV (по субботам выходили в эфир материалы, подготовленные к конкурсу, а главным призом для победителя стала летняя практика на ГТРК «Алтай»),

− создают ситуацию широкого обсуждения, формируют умение воспринимать критику и адекватно на нее реагировать (за неделю до конкурса работы выставляются в сеть, где получают массу отзывов и комментариев).

В целом конкурсы творческих работ позволяют эксплицировать ценности и духовно-нравственные ориентации студентов, а также уровень их технического мастерства, и соотнести их с образом искомого совершенства, эмпирически определить основные направления в приложении наших воспитательных и образовательных усилий.

Литература

Аникина М.Е. Изучение ценностных представлений современных журналистов: опыт международного исследовательского проекта // Российские исследования массмедиа и журналистики в международном контексте. СПб., 2013.

Васильева С. Социальная ответственность журналиста. [Электронный ресурс]. URL: http://omsk8marta.hut2.ru/page_3-4-2.html

Герой нашего времени. [Электронный ресурс]. URL: http://www.studio-mix.info/post/430

Гусева Л.А. Лирический герой Н. Глазкова: языковые средства создания образа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2007.

Джери Дэв., Джери Джул. Большой толковый социологический словарь. М., 1991.

Кант И. Основы метафизики нравственности; Критика практического разума; Метафизика нравов. [Электронный ресурс]. URL: http://knigosite.org/getbook/54384/fb2

Касьянова К. «О русском национальном характере». М., 2003.

Кто он – герой нашего времени? [Электронный ресурс]. URL: http://argumenti.ru/society/n464/377633

Манхейм К. Проблема интеллигенции: Исследование ее роли в прошлом и настоящем. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/manh_probl/02.php

Метелица Е.В. Восприятие образа журналиста в отечественной публицистике начала XX века и начала XXI века: сравнительный анализ // Журналистика и медиаобразование в современном мире. Рязань, 2012.

Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. М., 1990.

Т.Ю. Кулинкина, С.А. Мансков, Т.А. Семилет

ПРАКТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА[1]

Примерная программа учебной дисциплины

(Для профиля «Прикладная филология /Русский язык и литература/»)

1. Цели освоения дисциплины

Целями освоения дисциплины «Практическая риторика» являются:

a. получить целостное представление о современной риторике как коммуникативной дисциплине;

b. овладеть умениями эффективного коммуникативного воздействия и взаимодействия с целью формирования успешной коммуникативной личности, способной к продуктивному общению в любых профессиональных и социально значимых ситуациях.

2. Место дисциплины в структуре ПООП

Данная учебная дисциплина входит в раздел «Б.2. Общепрофессиональный цикл. Вариативная часть» ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 032700 Филология.

[1] Настоящим материалом завершается публикация примерных программ учебных дисциплин, вводимых в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 032700 Филология (бакалавриат). См.: «Филология и человек». 2011. № 2; 2011. № 3; 2012. № 1; 2013. № 3; 2014. № 3; 2015. № 1. Программы разработаны на кафедре современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета и в лаборатории коммуникативистики и риторики университета по заданию Совета по филологии УМО по классическому университетскому образованию, одобрены Советом по филологии и размещены на его сайте: http://www.philol.msu.ru/~umo/. Редакция и авторы публикации считают материал полезным и в современных условиях, когда Приказом Минобрнауки России от 07.08.2014 N 947 (зарегистрирован в Минюсте России 25.08.2014 N 33807) утвержден Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 45.03.01 Филология (бакалавриат). Публикуемый вариант текста программы подвергся редакционной правке.

Авторы-составители: А.А. Чувакин, д.ф.н., проф.; И.Ю. Качесова, к.ф.н., доц.; Н.В. Панченко, к.ф.н., доц. / под ред. проф. А.А. Чувакина (Алтайский государственный университет).

Для изучения практической риторики необходимы компетенции, полученные обучающимися в средней общеобразовательной школе и в процессе изучения основ филологии, введения в теорию коммуникации, основного языка/языков, введения в профильную подготовку («Прикладная филология»), основ теории текста и дискурса, стилистики и культуры речи, философии, культурологии.

Данная учебная дисциплина входит в систему дисциплин гуманитарного цикла, изучающих человека в разных аспектах; в совокупность дисциплин общепрофессионального цикла, ориентированных на изучение коммуникативной составляющей филологических наук и практики общения, на написание выпускной квалификационной работы, связанной с исследованием коммуникации и текста как объектов профессионально-прикладной деятельности филолога.

3. Компетенции обучающегося, формируемые в результате освоения дисциплины

В результате освоения дисциплины студент должен:

Знать: основные положения и концепции в области практической риторики и иметь представление о современном состоянии и перспективах развития практической риторики как коммуникативной дисциплины.

Уметь: применять полученные знания в профессиональной и других видах деятельности в области риторической коммуникации.

Владеть: основными методами и приемами практической работы в области целенаправленной, эффективной, результативной и оптимальной коммуникации.

Данная дисциплина способствует формированию следующих компетенций, предусмотренных ФГОС-3 по направлению подготовки ВПО 032700 Филология.

а) ***общекультурных (ОК)*:**

– овладение культурой мышления; способность к восприятию, анализу, обобщению информации, постановке цели и выбору путей ее достижения (ОК-1);

– готовность к кооперации с коллегами, работе в коллективе (ОК-3);

– осознание социальной значимости своей профессии, высокая мотивация к профессиональной деятельности (ОК-8);

– умение использовать основные положения и методы социальных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности; способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы (ОК-9);

б) ***профессиональных (ПК):***

– способность демонстрировать знание основных положений и концепций в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста, представление об истории, современном состоянии и перспективах развития филологии (ПК-1);

– владение базовыми навыками сбора и анализа языковых и литературных фактов с использованием традиционных методов и современных информационных технологий (ПК-2);

– владение основными методами и приемами различных типов устной и письменной коммуникации на основном изучаемом языке (ПК-4);

– способность применять полученные знания в области теории и истории основного изучаемого языка (языков) и литературы (литератур), теории коммуникации, филологического анализа и интерпретации текста в собственной научно-исследовательской деятельности (ПК-5).

4. Структура и содержание дисциплины

Общая трудоемкость дисциплины составляет 2 зачетные единицы, или 72 час. Ее изучение заканчивается зачетом.

Введение (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 8 час.; практические занятия – 2 час.). Риторика и ее задачи. Представления о риторике как о теории эффективного воздействия, эффективной коммуникации, оптимизации речи, аргументации и др. Риторика теоретическая и практическая. Задачи и основные понятия практической риторики. Эффективность и целенаправленность речевой коммуникации; проблемы ее оптимизации. Аспект результативности в речевой коммуникации. Осознанность / стихийность в речевой коммуникации. Оптимизация речевой коммуникации как проблема актуализации благоприятности взаимодействия говорящего и слушающего. Значимость риторики в межкультурной коммуникации.

Ритор и аудитория как центральные компоненты коммуникативной ситуации (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 6 час.; лабораторные занятия – 12 час.). Поведение ритора в коммуникативной ситуации. Взаимодействие ритора и аудитории. Оценка аудитории ритором. Контакт с аудиторией и средства его поддержания и развития. Ритор как организационное начало в ситуации коммуникативного взаимодействия с аудиторией. Способы адекватного и успешного включения ритором аудитории в коммуникативную ситуацию. Анализ и отработка способов и моделей передачи обратной связи в коммуникативной ситуации. Манера поведения ритора. Умение ритора демонстрировать себя как активное и ситуациообразующее начало. Анализ реакций на критику; провоцирование критики; ассертивное принятие критики. Специфика выстраивания отношений ритора и аудитории в ситуациях межкультурной коммуникации.

Коммуникативный кризис и риторические способы его разрешения (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 12 час.; лабораторные занятия – 6 час.). Понятие коммуникативного кризиса. Разработка способов предотвращения коммуникативного кризиса. Пути совершенствования ритором собственных коммуникативно-риторических компетенций. Коммуникативное воздействие и взаимодействие. Успешное коммуникативное взаимодействие в различных риторических жанрах, применительно к разным видам и формам коммуникативной деятельности. Реализация риторических функций через информативную, интерактивную, перцептивную, экспрессивную сферы. Анализ информативной сферы; анализ интерактивной сферы; анализ перцептивной сферы; анализ экспрессивной сферы.

Коммуникативный консалтинг, коммуникативные тренинги, их технологии как практические методы риторической коммуникации (лекции – 2 час.; самостоятельная работа – 12 час.; лабораторные занятия – 6 час.)

Риторическая сущность консалтинга. Виды коммуникативного консалтинга: процессуальный консалтинг; имитационно-игровое моделирование; коучинг; рекрутинг; электоральное консультирование. Тренинг как инструмент коммуникативного консалтинга. Виды тренингов. Роль ведущего как активного ситуациообразующего субъекта коммуникации. Тренинг как эффективный инструмент совершенствования коммуникативно-риторических компетенций.

5. Образовательные технологии

Рекомендуемые **образовательные технологии**: лекции, практические и лабораторные занятия, самостоятельная работа студентов.

При проведении занятий рекомендуется использование активных и интерактивных форм занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, проектных методик, мозгового штурма, разбора конкретных ситуаций, коммуникативного эксперимента, коммуникативного тренинга, иных форм) в сочетании с внеаудиторной работой. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 20% аудиторных занятий.

В рамках учебного курса предусматриваются встречи с представителями российских и / или зарубежных компаний, государственных и общественных организаций и учреждений, работающих в сфере коммуникации, в том числе межкультурной; мастер-классы экспертов и специалистов в области коммуникативистики и риторики (одна-две встречи: на 8-ой и 12-ой неделях).

6. Учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

При изучении учебной дисциплины рекомендуются следующие виды самостоятельной работы студентов: подготовка к аудиторным занятиям (в соответствии с планами занятий); выполнение отдельных видов самостоятельной работы, предусмотренных рабочей программой учебной дисциплины, в том числе: написание эссе и иных письменных работ, выполнение практических заданий, связанных со сбором и анализом фактического и теоретического материала, решение задач, разбор конкретных ситуаций (метод кейса), осуществление риторического эксперимента, подготовка к выполнению тестовых и творческих заданий и др. Выполнение самостоятельной работы студентами контролируется в ходе практических и лабораторных занятий, на консультациях, при проверке выполненных заданий, в процессе самоконтроля.

7. Учебно-методическое и информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

Васильев Н.Н. Тренинг профессиональных коммуникаций. СПб, 2005.

Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М., 2009.

Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2010.

Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. Общая риторика. Ростов-на-Дону, 1994.

б) дополнительная литература:

Беркли-Ален М. Забытое искусство слушать. СПб., 1997.

Бредемайер К. Черная риторика: Власть и магия слова. М., 2005.

Иссерс О.С. Речевое воздействие. М., 2009.

Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999.

Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2007.

Леммерман Х. Уроки риторики дебатов. М., 2002.

Москвин В.П. Аргументативная риторика: теоретический курс для филологов. Ростов-на-Дону, 2008.

Основы общей риторики / под ред. А.А. Чувакина. Барнаул, 2000 (2-е изд., 2013).

Панфилова А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности. СПб., 1999.

Поварин С.И. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996.

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия. М., 2006.

Чудинов А.П. Умение убеждать : Практическая риторика. Екатеринбург, 1996.

Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М., 2006.

Эффективная коммуникация: история, теория, практика : словарь – справочник. М., 2005;

в) программное и коммуникационное обеспечение:

Учебная дисциплина должна быть обеспечена учебно-методической документацией и материалами. Ее содержание должно быть представлено в сети Интернет или локальной сети вуза (факультета). Для обучающихся должна быть обеспечена возможность оперативного обмена информацией с отечественными и зарубежными вузами, предприятиями и организациями, обеспечен доступ к современным профессиональным базам данных, информационным справочным и поисковым системам.

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Компьютерный класс, оргтехника, теле- и аудиоаппаратура (все – в стандартной комплектации для лабораторных занятий и самостоятельной работы); доступ к сети Интернет (во время самостоятельной подготовки и на лабораторных занятиях).

Программа составлена в соответствии с требованиями ФГОС ВПО с учетом рекомендаций по направлению 032700 Филология, профиль «Прикладная филология».

Разработчики: А.А. Чувакин, д.ф.н., проф., И.Ю. Качесова, к.ф.н., доц., Н.В. Панченко, к.ф.н., доц. / под ред. проф. А.А. Чувакина (Алтайский государственный университет).

Рецензент: профессор Сыктывкарского государственного университета д.ф.н. Н.С. Сергиева.

Программа одобрена Советом по филологи УМО по классическому университетскому образованию.

Э.В. Малыгина, А.А. Чувакин

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: АНАЛИТИКО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФИЛОЛОГА-ПРАКТИКА

Примерная программа профессиональной переподготовки педагогических работников общеобразовательных организаций

1. Общие положения

Программа профессиональной переподготовки «Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика» педагогических работников общепрофессиональных организаций представляет собой систему документов, разработанную с учетом требований к личности и деятельности современного эксперта-лингвиста на основе квалификационных характеристик филолога-практика.

Программа профессиональной переподготовки регламентирует цели, ожидаемые результаты, содержание, условия и технологии реализации образовательного процесса, оценку качества освоения программы и включает в себя: учебный план, рабочие программы учебных дисциплин, модулей и другие материалы, обеспечивающие качество обучения слушателей, а также календарный учебный график.

2. Цель программы профессиональной переподготовки

Программа профессиональной переподготовки «Судебная лингвистическая экспертиза: аналитико-экспертная деятельность филолога-практика» имеет своей целью формирование у преподавателей высшей школы базовых знаний о различных формах взаимодействия лингвистики и юриспруденции и о способах решения задач, связанных с методами исследования спорных текстов, попавших в сферу судебного разбирательства.

Программа является преемственной по отношению к основной образовательной программе высшего образования направления подготовки 45.04.01 Филология (квалификация (степень) «магистр»).

Слушатель, успешно завершивший обучение по данной программе, готов решать следующие профессиональные задачи в области аналитико-экспертной деятельности:

- профессионально различать юридический и лингвистический подходы к функционированию современного русского языка;
- осознавать важность просветительской миссии преподавателей современного русского языка в области решения задач, касающихся норм и правил речевого поведения членов социума, регулируемых законом;
- использовать в лингвоэкспертоной практике современные формы, методы, приемы работы с русскоязычными текстами разных стилей и жанров, функционирующими в юридической сфере;
- совершенствовать навыки лингвоэкспертного анализа конфликтных текстов с учетом их дискурсивных и стилеобразующих признаков;
- знать пределы компетенции лингвиста-эксперта и руководствоваться ими в ходе лингвоэкспертной практики.

3. Требования к результатам освоения программы

Слушатель в результате освоения программы должен обладать следующими **общекультурными компетенциями (ОК):**

- способность совершенствовать и развивать свой интеллектуальный и общекультурный уровень (ОК-1);
- способность к самостоятельному обучению новым методам исследования, изменению научного и научно-производственного профиля своей профессиональной деятельности (ОК-2);

профессиональными компетенциями (ПК):

- общепрофессиональными:
- способность демонстрировать знания современной научной парадигмы в области филологии и динамики ее развития, системы методологических принципов и методических приемов филологического исследования (ПК-1);
- способность демонстрировать углубленные знания в избранной конкретной области филологии (ПК-2);
- владение коммуникативными стратегиями и тактиками, риторическими, стилистическими и языковыми нормами и приемами, принятыми в разных сферах коммуникации, умение адекватно использовать их при решении профессиональных задач (ПК-3).

В результате освоения программы выпускник должен:

Знать:

- основные способы и формы взаимодействия лингвистики и юриспруденции;
- базовые положения и методы аналитико-экспертной деятельности в сфере взаимодействия языка и права;
- основные причины, приводящие к конфликтным речевым ситуациям, и способы их преодоления;
- основные виды и формы речевых конфликтов в сфере медиакоммуникации; лингвистические, этические и юридические основания их классификации; способы их преодоления;
- пределы компетенции лингвиста-эксперта в ходе проведения судебной лингвистической экспертизы.

***Уметь*:**

- использовать основные способы и формы взаимодействия лингвистики и юриспруденции в профессиональной деятельности;
- использовать базовые положения и методы аналитико-экспертной деятельности в сфере взаимодействия языка и права;
- квалифицированно отвечать на вопросы судебных и следственных органов в ходе проведения лингвистической экспертизы;
- оформлять тексты судебной лингвистической экспертизы и лингвистические исследования специалистов в соответствии с требованиями современного российского законодательства.

Владеть:

- знаниями об основных правилах и нормах речевого общения в разных сферах деятельности;

- знаниями об особенностях функионирования устных и письменных текстов в разных сферах деятельности;
- базовыми положениями и методами аналитико-экспертной деятельности в сфере взаимодействия языка и права;
- правилами речевого поведения, помогающими отвечать на вопросы судебных и следственных органов в ходе проведения лингвистической экспертизы;
- навыками оформления текстов судебной лингвистической экспертизы и лингвистических исследований специалистов в соответствии с требованиями современного российского законодательства.

Трудоемкость обучения. Нормативная трудоемкость обучения по данной программе – 260 часов, включая все виды аудиторной и внеаудиторной (самостоятельной) учебной работы слушателя.

4. Структура и содержание дисциплины

Раздел 1. Лингвистика и юриспруденция: формы и способы решения задач, связанных с лингвистическими исследованиями спорных текстов в сфере судебного разбирательства.

Тема 1.1. Лингвоконфликтология: понятие речевого конфликта и способов его разрешения с позиций языка и права (4 часа). Понятие конфликта. Виды конфликтов. Конфликтология и лингвоконфликтология. Речевой конфликт и его структура. Узуально-стилевой комплекс как механизм употребления языка в речи. Сфера общения и виды конфликтных текстов.

Тема 1.2. Проблемы юридизации языко-речевых конфликтов в бытовой сфере и межличностном общении (8 часа). Речевой конфликт через призму оскорбления. Оскорбление: типология правонарушений. Оскорбление как речевой акт. Лингвистическая экспертиза спорных текстов по делам, связанным с оскорблением. Язык и речь как источник конфликтных ситуаций. Понятие об инвективной лексике. Классификация инвективной лексики и фразеологии. Словарные пометы и их роль в квалификации оскорбительного высказывания.

Тема 1.3. Речевые конфликты в сфере публичной коммуникации (СМИ, реклама, политика) (2 часа). Особенности коммуникативно-речевого взаимодействия в медиакоммуникации. Дискурсивные признаки современного медиатекста. Речевые конфликты в сфере массовой коммуникации и их разновидности.

Тема 1.4. Дискурсивные особенности медиакоммуникации и причины медиаконфликтов. Негативная оценочность как фактор конфликтогенности в медиатексте. Причины медиаконфликтов и возможности их досудебного разрешения. Понятие о социальной оценочности в медиакоммуникации. Спорные речевые произведения в связи с гражданскими делами о защите чести, достоинства и деловой репутации и компенсации морального вреда. Виды информации, содержащиеся в медиатексте. Пределы компетенции лингвиста-эксперта при оценке информационных споров.

Раздел 2. Теоретические и методические основы судебной лингвистической экспертизы. Методы лингвоэкспертного исследования спорных текстов.

Тема 2.1. Аналитико-экспертная деятельность филолога-практика: понятие, цель и задачи аналитико-экспертной деятельности (2 часа). ФГОС-3 об экспертной деятельности филолога-практика. Понятие аналитико-экспертной деятельности. Цель и задачи лингвоэкспертной деятельности. Этапы аналитико-экспертной деятельности филолога-практика. Лингвоэкспертная и редакторская виды деятельности: общее и специфическое.

Тема 2.2. Спорный текст как объект аналитико-экспертной деятельности: методы и приемы анализа (2 часа). Текст как объект аналитико-экспертной деятельности. Понятие текста и основные его характеристики. Уровни организации текста (запечатленная речь, запечатленная мысль, композиционное единство, рубрикационно-графически оформленное единство). Подходы к анализу текста: системоцентрический и антропоцентрический. Текст как коммуникативное событие. Внутренние и внешние критерии. Функции текстового материала (как текст и как репрезентация).

Тема 2.3. Лингвистические методы и приемы анализа спорного текста (4 часа). Филологический анализ как инструмент русской словесности. Принципы и способы аналитико-экспертной деятельности как базовой деятельности филолога-практика. Понятие метода в лингвистике. Метод как путь исследования: общая характеристика. Основные направления современной филологии и виды анализа продуктов речевой коммуникации. «Теория речевых актов»: Кобозева И.М., Серль Дж., Вандервекен Д. Классификация речевых актов (Вежбицка А., Богданов В.В., Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., Гловинская М.Я.). Использование семантических примитивов А. Вежбицкой в ходе анализа коммуникативной речевой ситуации. Смысловой анализ продуктов речевой деятельности человека. Понятие лингвистического эксперимента (Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, Ю.Н. Караулов, А. Мустайоки) и «отрицательный» языковой материал. Метод интроспекции (интроспективная лингвистика). Метод эксперимента и его разновидности. Комплексные методики анализа продуктов речевой коммуникации.

Раздел 3. Основы лингвистической экспертизы.

Тема 3.1. Организация лингвоэкспертной деятельности филолога-практика (2 часа). Консультационная часть как разновидность экспертной деятельности. Формулировка вопросов по разным категориям дел с учетом требований российского законодательства. Пределы компетенции лингвистов-экспертов.

Тема 3.2. Процедура осуществления лингвоэкспертного исследования и обслуживающие ее нормативно-правовые акты (4 часа). Этапы лингвоэкспертного исследования. Составление вопросов как важная часть лингвоэкспертного исследования филолога-практика. Особенности обработки устного и письменного спорного текста в ходе лингвоэкспертного исследования. Понятие о фоноскопической экспертизе.

Тема 3.3. Исследовательская часть и ее содержание. Ответы на вопросы как важная часть лингвоэкспертной деятельности филолога-

практика (2 часа). Общая характеристика спорного текста с учетом его дискурсивных признаков. Композиционная и структурно-логическая характеристика спорного текста. Принципы и правила обработки спорного текста в исследовательской части.

Тема 3.4. Принципы и способы оформления экспертного заключения в соответствии с требованиями современного российского законодательства (2 часа). Структура экспертного заключения и ее базовые составляющие. Нормативные требования, регулирующие порядок оформления исследований специалистов, лингвистических экспертиз и т.п.

Тема 3.5. Теоретические и методические основы лингвистической экспертизы (2 часа). Лингвистическая экспертиза спорных текстов: общие вопросы теории и практики. Объект и предмет лингвистической экспертизы. Виды лингвистического исследования в рамках судебно-экспертной деятельности. Консультационная часть как разновидность экспертной деятельности. Формулировка вопросов по разным категориям дел с учетом требований российского законодательства.

Тема 3.6. Современное законодательство РФ о регулировании лингвоэкспертной деятельности (2 часа). Правовые основы судебной лингвистической экспертизы. Экспертизы – нерешенный вопрос российского правосудия. Законодательство РФ о лингвоэкспертной деятельности в России.

Тема 3.7. Понятие оскорбления в юриспруденции и лингвистике. Современное законодательство о нарушениях, связанных с оскорблением личности. (4 часа). Проблемы юридизации языко-речевых конфликтов в бытовой сфере и межличностном общении. Лингвистическая экспертиза спорных текстов по делам, связанным с оскорблением. Понятие инвективы, инвективной лексики. Оскорбление как речевой акт и его составляющие.

Тема 3.8. Дискредитация личности как объект лингвистической экспертизы. Способы и приемы дифференциации фактологической и оценочной информации в спорном тексте (4 часа). Содержательные и формальные принципы оформления экспертиз и лингвистических исследований по делам об умалении чести, достоинства и деловой репутации, о дискредитации личности. Факты и мнения как объект лингвистического анализа в лингвоэкспертных исследованиях. Виды информации, содержащиеся в спорных текстах. Фактологическая и оценочная информация. Лингвистическое исследование и лингвистическая экспертиза текстов по делам об умалении чести, достоинства и деловой репутации, о дискредитации личности: общее и различное. Методы и приемы анализа.

Тема 3.9. Лингвистический и юридический статусы лингвистической экспертизы по делам об экстремизме (4 часа). Классификация спорных текстов по делам, связанным с обвинением в разжигании межнациональной, религиозной и пр. ненависти и вражды. Проблемы анализа данных видов текстов. Понятие речевого экстремизма. Негативная оценка и способы ее экспликации в текстах экстремистской направленности. Образ врага и способы его речевой актуализации в текстах по делам, связанным с обвинением в разжигании межнациональной, религиозной и пр. ненависти и вражды.

Тема 3.10. Принципы и способы исследования речевого жанра призыва (2 часа). Призыв как речевой акт: содержание, характеристика, структура. Виды призывов: прямые призывы; б) косвенные призывы; в) призывы на основе конкретных примеров; г) неопределенные призывы и др. Типология призывов: призыв-лозунг, призыв-воззвание и др. Потенциальная конфликтность речевых актов призывов. Речевой акт призыва и способы его реконструкции на материале текстов. Примитивы А. Вежбицкой и приемы их использования в лингвистическом анализе призывов. Пределы компетенции и ответственность лингвиста по данной категории дел.

Тема 3.11. Способы и приемы лингвистического анализа текстов, содержащих признаки угрозы (2 ч.). Угроза как речевой акт. Характерные признаки угрозы как речевого акта. Возможности использования лингвистических приемов анализа при квалификации спорных текстов, имеющих признаки угрозы.

Тема 3.12. Лингвистическая экспертиза текстов, связанных с делами о коррупции (2 часа). Взятка с позиций речевого акта. Характерные признаки взятки как речевого акта. Возможности использования лингвистических приемов анализа при квалификации спорных текстов, имеющих признаки взятки.

Тема 3.13. Лингвистическая экспертиза текстов с неявной коммуникативной функцией (введение в заблуждение, иронический текст) (2 часа). Иронический текст в медиакоммуникации и его особенности. Возможности проведения лингвистической экспертизы текстов иронического характера. Публичные тексты, содержащие признаки введения в заблуждение. Возможности лингвистического исследования текстов, содержащих признаки введения в заблуждение, в рамках лингвистической экспертизы.

Тема 3.14. Авторoведческая экспертиза: методы и приемы лингвистического исследования (2 часа). Авторoведческая экспертиза как разновидность судебной лингвистической экспертизы. Традиции и новаторство в исследовании текстов, направленных на выяснение их авторства. Понятие атрибуции. Возможности использования данных теории языковой личности и лингвоперсонологии в ходе установления авторства спорных текстов.

Тема 3.15. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов (2 часа). Понятие рекламного текста. Структура и содержание рекламного текста. Современное законодательство о регулировании рекламной деятельности. Закон РФ о рекламе и его основные разделы. Принципы и способы анализа рекламных текстов.

Тема 3.16. Лингвистическая экспертиза спорных текстов по делам, связанным с товарными знаками (4 часа). Понятие товарного знака. Проблемы, возникающие в ходе лингвистической экспертизы товарных знаков. Приемы и методы лингвистического анализа товарных знаков. Комплексные методики исследования товарных знаков.

Раздел 4. Лингвистические исследования по документационным спорам.

Тема 4.1. Проблемы современного правового языка (4 часа). Современный язык российского права и проблемы его толкования. Филологическое

толкование норм права. Специально-юридическое толкование норм права. Юридическая техника как средство совершенствования правового языка.

Тема 4.2. Приемы и методы лингвоэкспертного исследования текстов деловой документации (4 часа). Понятие о деловой документации. Структура и содержание лингвистических исследований по данным категориям дел. Приемы и методы анализа деловой документации в юрислингвистическом аспекте.

5. Учебно-методическое и информационное обеспечение программы

Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2012.

Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009. [Электронный ресурс]. URL: http:// http://e.lanbook.com/books/element.php?pl1_cid=25&pl1_id=3339

Голев Н.Д. Юридизация языковых конфликтов как основание их типологии // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Кемерово, Барнаул, 2008.

Голев Н.Д. Юрислингвистика: программа курса для студентов филологических факультетов, обучающихся по дополнительной специализации «Филологические обеспечение профессиональной коммуникации (юридическая лингвистика) // Юрислингвистика IV: Юрислингвистические дисциплины на юридических и филологических факультетах российских вузов. Барнаул, 2003.

Кара-Мурза Е.С. Реклама как ритуал дара и подарка: риторические и жанрово-коммуникативные аспекты (Лекция 21 апреля 2008 г. на междисциплинарной научно-практической конференции «Эффективность коммуникации» в МПГУ) // Новая газета. 16.05.2008. № 17-18. [Электронный ресурс]. URL: http://www.novayagazeta.ru/data/2008/color17/10.html

Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ / Сост. Ю.А. Бельчиков, М.В. Горбаневский, И.В. Жарков. М., 2010.

Чернышова Т.В. Аналитико-экспертная деятельность: аспекты подготовки филолога-практика // Коммуникативистика в современном мире: эффективность о оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012.

Чернышова Т.В. Анализ дискурса как основа установления авторства спорных текстов (по материалам лингвоэкспертной практики) // Современный дискурс-анализ (Actual Discourse Analysis). № 3. [Электронный ресурс]. URL: http://discourseanalysis.org/ada3/st26.shtml

Чернышова Т.В. Введение в заблуждение: прием создания выразительности или уловка? (на материале конфликтных и потенциально конфликтных медиатекстов) // Юрислингвистика. 2012. № I (XII).

Чернышова Т.В. Дискредитирующие речевые жанры в медиадискурсе: разнообразие наполнения жанровых форм // Медиалингвистика. СПб., 2014. Вып. 3.

Чернышова Т.В. Ирония как социальная оценка // Стилистика сегодня и завтра. Доклады Третьей международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра». М., 2014. Ч. 1.

Чувакин А.А., Чернышова Т.В., Панченко Н.В., Качесова И.Ю. Магистерская программа по направлению 031000 – филология (специализация – Теория и практика речевой коммуникации). Барнаул, 2013.

Т.В. Чернышова

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ФИЛОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (учебное пособие / под редакцией Т.В. Чернышовой, А.А. Чувакина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. – 200 с.)

Рецензируемый труд подготовлен на кафедре русского языка, литературы и речевой коммуникации Алтайского государственного университета (научные редакторы проф. Т.В. Чернышова и проф. А.А. Чувакин). Необходимость учебного пособия по данной дисциплине определяется тем, что она впервые введена ФГОС ВПО (третьего «поколения») по направлению подготовки «Филология» (магистратура) и еще не обеспечена учебными изданиями.

В условиях, когда в магистратуре преобладают занятия семинарско-практического типа, а лекциям отводится не более 20% аудиторного времени, авторы-составители нашли интересный и, как представляется, вполне разумный выход: предложить обучающимся хрестоматийный материал, который предваряется краткими вводными замечаниями, а завершается вопросами и заданиями для аудиторной и самостоятельной работы. Кстати сказать, предлагаемые вопросы и задания отличаются разнообразием. Это как письменные (*Написать эссе на тему…)*, так и устные задания *(Опираясь на текст работы, дайте характеристику…)*; как отдельные вопросы *(Какое место в кругу гуманитарных наук занимает семиотика?)*, так и ряд вопросов и заданий, составленных на основании одного источника *(Опираясь на фрагмент книги Г.Г. Богина «Понимание текста как предмет филологической герменевтики», сопоставьте разные определения термина «понимание». В чем их различие? Что их объединяет?)* и др. Некоторые разделы имеют примечания, позволяющие студентам ориентироваться в выборе материала. Таким образом, книга содержит объективную информацию, дает теоретико-практический материал и ориентирует студента в его самостоятельной работе по предмету.

В книге три больших раздела: *1. Филология и новые методологии современного гуманитарного знания. 2. Филология в кругу гуманитарных наук. 3. Общее пространство филологии и гуманитарного знания: современные профессиональные возможности филолога.* Каждый из разделов имеет подразделы, в которых содержится материал по конкретным темам (напр.: *Филология*

и философия; Системный поход в филологии; Филология и герменевтика; Филология и семиотика; Филология и коммуникативные науки; Филология и правоведение). Хрестоматийные тексты подразделов принадлежат ведущим филологам России и зарубежья. С одной стороны, это всеми признанные специалисты в области языка и литературы, такие как Э. Бенвенист, Т.Г. Винокур, Б.О. Корман, Ю.М. Лотман и др., с другой стороны, это новые, но не менее интересные ученые, работающие сегодня, «в настоящем», их труды созданы в последние 5-7 лет. В числе авторов составители книги и ее редакторы, преподающие в магистратуре АлтГУ. Завершает учебное пособие *Приложение*, включающее перечень текстов для чтения.

Можно согласиться с предложенной редакторами композицией книги и отбором материала. Тем более что, во-первых, руководители коллектива являются составителями данной аннотации учебной дисциплины, одобренной Советом по филологии УМО по классическому университетскому образованию и рекомендованной классическим университетам; во-вторых, структура и содержание учебной дисциплины построены на основе опыта преподавания авторами книги в АлтГУ.

Разделы имеют однотипную структуру. Она нацелена на теоретико-практическую подготовку обучающихся, на формирование у них профессиональных компетенций. Материалы учебного пособия помогут обучающимся узнать, понять и осмыслить философские концепции в области филологии, место гуманитарных наук и роль филологии в выработке научного мировоззрения, осмыслить современную научную парадигму в области филологии и динамику ее развития, систему методологических принципов и методологических приемов филологического исследования, найти важнейшие сферы практической деятельности современного филолога, что прямо коррелирует с требованиями ФГОС ВПО по направлению «Филология» (магистратура).

Учебное пособие «Филология в системе современного гуманитарного знания» является первым в России опытом подобного рода учебных изданий. Этот труд имеет несомненную теоретическую значимость и практическую ценность. Книга, бесспорно, будет востребована в гуманитарных вузах и социально-гуманитарной практике.

О.В. Марьина

ФИЛОЛОГИЯ : ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ПОЭТИКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ МУСТАЯ КАРИМА[1]

Творческое наследие М. Карима пропитано духом феномена башкирского фольклора, одной из особенностью которого является назидательность. Писатель, исходя из замысла литературного произведения, использует различные приемы, формы и принципы устного народного творчества. Наши наблюдения показывают, что в произведениях активно используются интертекстуальные связи, наиболее полно раскрывающие основные черты характеров литературных героев и способствующие наполнению произведений назидательной поэтикой.

В большинстве своем творчество М. Карима отражает морально-этическое кредо башкирского народа, с ярко выраженной назидательностью. Некоторые из них приобретают исторический и социально-политический оттенок (*«Лист и муравей» («Япрак менән кырмыҫка”), «Башкортостан, который во мне», «Долгое-долгое детство» («Оҙон-оҙон бала сак»)* и др.). Произведения *«Деревенские адвокаты» («Ауыл адвокаттары»), «Долгое-долгое детство» («Оҙон-оҙон бала сак»), «Мгновения жизни» («Ғүмер миҙгелдәре»)* воспринимаются читателем как развернутые притчи. Сказанное относится и к циклу коротких рассказов. Они, на первый взгляд, представляют собой бесхитростные повествования, адресованные детям младшего возраста, но проницательный читатель воспринимает их как универсальные – для всех возрастов. В рассказах заложена аллегория, наполняющая художественную идею глубокой содержательностью. Так, в рассказе *«Лист и муравей» («Япрак менән кырмыҫка»)* проглядывается провидческая сущность М. Карима, когда кукушка прокуковала ровно четырнадцать раз, а зеленый листочек березы слетел ему под ноги [Мустай Карим, 2004, с. 365].

Ряд авторских притч не имеют параллели в известных фондах и сборниках фольклора башкир. Таковы повествования о трех братьях, которым мудрый отец велел срубить по одному дереву; о песне, облегчающей тяжелую ношу [Мустай Карим, 1992, с. 4]; рассказ Асхата о том, почему хлеб считается священной пищей и запрещается ронять его крошки [Мустай Карим, 1992,

[1] Работа выполнена в рамках ГНТП РБ 2014 г.

с. 267]; о Исабеке-Сансаке – потомке царя Кавказа [Мустай Карим, 1992, с. 338]. Притчи-хикматы не чужды и драмам М. Карима. Рассказ одного из главных персонажей пьесы – Диваны в первом акте трагедии «В ночь лунного затмения» («Ай тотолған төндә») о том, как беркут-самка убила своих птенцов, [Мустай Карим, 1966, с. 316] вводится автором как аллегорическая увертюра к основной части произведения. Эта притча определяет основной тон трагедии, настраивает читателя и зрителя на восприятие драмы и прогнозирует развитие сюжета и развязку.

Отдельным феноменом творчества М. Карима является его дневник, который отличается обилием наставлений и др. малых жанров. Их образцы воспринимаются как сентенция, выводы, сделанные в результате глубоких раздумий писателя о жизни, судьбе, о литераторах и литературе и т.д. Среди дневниковых кулямасов наряду с народными выделяются и авторские, характеризующиеся ярко выраженной назидательностью. К авторским анекдотам можно отнести сюжеты о демократии, о Тимофее, об обновлении клятвы, о мышиной стачке, о беспокойстве во сне, о старушке, которую считали глупой бабкой, на самом деле оказавшейся добродушной и т.д. [Уфа, 2006 и др.]. Украшает страницы дневника М. Карима также и изобилие наставлений (насихатов), адресованных людям разных возрастов и профессий. Например, в записи от 6 января 1980 г. речь идет о том, как люди возле моря забавляются, бросая вверх что-нибудь из съедобного, а чайки подхватывают это на лету. Однако вороны питаются тем, что падает на землю. Назидательный художественный замысел данного этюда адресован людям, чтобы те не теряли свое достоинство [Агидель, 2006, с. 13].

Связь башкирской литературы с устно-поэтическим творчеством народа всегда являлась главной формой проявления духовной культуры и идейно-эстетических воззрений общества. Если раньше своеобразным духовным лакмусом были башкирские сэсэны-сказители, то в XX веке и в новейшем времени эту функцию выполняют поэты и писатели, среди которых особое место занимает личность Мустая Карима и его светлое творчество.

Литература

Агидель. 2006. № 10.
Мустай Карим. Мгновения жизни. Уфа, 2004.
Мустай Карим. Мгновения жизни. Уфа,1992.
Мустай Карим. Притча о трех братьях. М.,1988.
Мустай Карим. Произведения. В 4-х тт. Уфа, 1988. Т. 4.
Мустай Карим. Произведения. В 5-ти тт. Уфа, 1997. Т. 3.
Мустай Карим. Произведения. Уфа, 1966. Т. 2.
Мустай Карим. Произведения. Уфа, 2013. Т. 4.
Сулейманов А.М. Радость нашей страны. Уфа, 2007.
Уфа. 2006. № 10; 2007. № 10; 2009. № 9–10 и др.

А.М. Сулейманов, Н.М. Сиражитдинова

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

О.И. Опарина. Наука, мировоззрение и язык в XIX веке (некоторые моменты и основные тенденции). Язык тесно связан с мировоззрением определенной эпохи. Восприятие мира, как отдельного человека, так и народа в целом, формируется, в значительной степени, под влиянием достижений науки. В XIX веке в результате научных открытий и систематизации знаний изменилась картина мира. Роль ученого как автора текста и популяризатора своих идей, образа мышления становится важной. Целью статьи является проследить взаимосвязь между развитием науки, ее достижениями, изменениями в мышлении людей, роли ученого как языковой личности и основными тенденциями в английском языке в XIX веке. Изменения в языке коснулись лексики, словообразования. Ученые, авторы текстов, использовали различные стилистические приемы, чтобы убедить оппонентов в своей правоте и донести свои идеи до большего числа людей, заставить их поверить в них. В это же время начинает формироваться новый жанр – научно-популярная литература. Наметившиеся тенденции в XIX веке стали основными направлениями в развитии науки и образования в XX веке.

O.I. Oparina. Science, Worldview, and Language in the 19th Century (Some Aspects and Main Tendencies). Language is closely connected with the worldview of a certain epoch. The way a particular person and people in general perceive the world depends on the level of science development and its achievements. Worldview changed a lot in the 19th century as a result of scientific achievements, discoveries and the process of systematization. The role of a scientist as the author of the text where he expressed his ideas, way of thinking, scientific approach began to grow. Moreover, the purpose to make as many people as possible get aware of the author's opinion appeared and became important. The aim of the article is to revise and revisit the achievements of science, mentality of people and the English language in the 19th century. The article also deals with the interaction between the development of science, changes in the worldview and the role of a scientist

as the language personality together with the main tendencies and changes in English in the 19th century. Scientists, being the authors of their texts, used several stylistic methods to prove their theories and make their opponents and public in general share their ideas. That was the time when a new form of literature began to form – a popular science literature. All the tendencies appeared in the 19th century became the mainstream in science and education in the 20th century.

Н.А. Каленова. Приватность частного письма и возможность его опубликования: правовой и этический аспекты проблемы. В статье рассматривается одна из основных особенностей частного письма – его приватность. Опубликование частного письма противоречит понятию приватности коммуникации. При этом приватность эпистолярной коммуникации обеспечивает и максимальную открытость языковой личности, что составляет особенную ценность для исследования Homo Loquens. Частное письмо, представляющее собой источник личного происхождения, по справедливому убеждению многих выдающихся личностей, не следует приравнивать к таким объектам авторского права, как художественные произведения. Нерешенность противоречия обострена возрастающим количеством публикаций, содержащих письма и другие источники личного происхождения не только выдающихся людей, но и никому не известных. Данного вопроса касались и литераторы, интересующиеся творчеством художников слова, и текстологи, специально занимающиеся подготовкой рукописи к публикации, и сами выдающиеся деятели и художники слова, а также их наследники, особого внимания заслуживает освещение проблемы в работах правоведов. Такой комплексный подход позволил продемонстрировать глубокую связь правового и этического аспектов публикации частных писем, связующим звеном которой выступает воля автора.

N.A. Kalyonova. The Privacy of a Private Letter and the Possibility of its Publication: Legal and Ethical Aspects of the Problem. The article discusses privacy as one of the main features of a private letter. Publication of private letters contradicts to the concept of privacy of communications. Privacy epistolary communication provides maximum openness of a language personality. It is of special value for the study of Homo Loquens. A private letter represents a source of personal origin. Many outstanding people rightly consider that the personal letter should not be equated to such objects of copyright as literary works. The non-resolution of the conflict exacerbates by the increasing number of publications containing letters and other sources of personal origin not only of outstanding people but of unknown, either. This issue was discussed by

writers interested in the work of literary artists, and the textual critics, specially engaged in the preparation of the manuscript for publication, and the outstanding literary artists, and their heirs; the special attention should be paid to the coverage of the problem in the works of jurists. This integrated approach allows todemonstrate a deep connection between legal and ethical aspects of the private letters publication, the link of which is the will of the author.

С.В. Синцова. Мотив маски как основа взаимодействия фольклорных и литературных традиций в «Майской ночи…» Н.В. Гоголя. Повесть «Майская ночь, или утопленница» рассмотрена в контексте гендерной проблематики цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Данная проблематика не только обеспечила органичное взаимодействие фольклорных и собственно литературных традиций, но и стала источником оригинальных художественных открытий Н.В. Гоголя, предвещающих мотивы и образы его будущих творений. В повести «Майская ночь, или утопленница» одним из них стал мотив маски, а также связанные с ним мотивы зеркала, метаморфоз и вперенного взгляда. В статье доказывается тезис, что комплекс вышеперечисленных мотивов обеспечил устойчивое взаимодействие в «Майской ночи…» фольклорных и собственно литературных влияний. Данный тезис доказывается на основе комплексного анализа сюжета, системы персонажей, деталей и символов. Демонстрируется, что их совокупность определяет динамику мотивов маски и метаморфоз (а также зеркальности и пристального взгляда). Обосновывается, что каждый момент взаимодействия фольклорных и собственно литературных традиций сопровождается спонтанным порождением оригинальных художественных смыслов, которые в дальнейшем получают развитие в более зрелых произведениях Гоголя («Вий», «Портрет», «Тарас Бульба» и др.).

S.V. Sintsova. The Motif of a Mask as a Basis of Interaction of Folklore and Literary Traditions in *May Night…* by N. Gogol. The story *May Night, or the Drowned Maiden* is looked upon through the context of gender issues of the cycle *Evenings on a Farm Near Dikanka*. This phenomenon has not only provided organic interaction of folklore and the actual literary traditions but also became a source of original artistic discoveries of N.V. Gogol by foreshadowing the motifs and images of his future works. In the story *May Night, or the Drowned Maiden* one of them is the motif of a mask and the related motifs of mirrors, metamorphosis and a fixed gaze. The article proves the thesis that the complex of the above mentioned motifs ensured sustained interaction in the *May Night, or the*

Drowned Maiden folklore and actually literary influences. This thesis is proved on the basis of the complex analysis of the plot, characters, items, and symbols. The article demonstrates that this combination determines the dynamics of the motifs of masks and metamorphosis (and the mirror and gaze). It is proved that every moment of interaction of folklore and actually literary traditions is followed by spontaneous generation of original art meanings, which are developed in more mature Gogol (*Viy*, *Portrait*, *Taras Bulba*, and others).

С.М. Козлова. «Чайка» А. Чехова и «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло: обратная связь. В статье представлен опыт сравнительного анализа пьес А.П. Чехова «Чайка» и Л. Пиранделло «Шесть персонажей в поисках автора». Используемый нами прием обратной проекции текста наследника литературной традиции на текст ее основателя позволяет выявить скрытые содержательные и формальные элементы того и другого произведений. В обеих пьесах проблемы границ между искусством и жизнью, творцами и их творениями, искусством новым и старым решаются в перипетиях неудавшейся судьбы персонажей – людей несостоявшихся, «оставленных», бесплотных, ищущих своего воплощения, оформления и завершения в произведениях искусства. В «Чайке», как и в эксцентричной, условной пьесе Пиранделло, на глазах у зрителей реальные лица превращаются в литературные персонажи, а книжные сюжеты материализуются в жизненные ситуации. На основании выявленного типологического сходства мотивов, образов, идей двух авторов делается вывод: пьеса Пиранделло является модернистской разработкой и интерпретацией чеховской «Чайки», что, в свою очередь, позволяет найти ключ к жанровой загадке «странной» комедии Чехова, подтвердить мнение, что текст «Чайки» создан уже на языке искусства XX века.

S.M. Kozlova. *The Seagull* by A. Chekhov and *The Six Characters in Search of the Author* by L. Pirandello: the Return Projection. The article presents an experience of the comparative analysis of plays *The Seagull* by A.P. Chekhov and *The Six Characters in Search of the Author* by L. Pirandello. The method of return projection of the text of the literary tradition successor on the text of its founder used by the author allows us to reveal the latent substantial and formal elements of the both works. In both plays the problems of the borders between art and life, creators and their creations, new art and old art are solved in the peripeties of unlucky fates of the characters, people unfulfilled, “lost”, unbodied and searching for their embodiment and perfection in the works of art. In *The Seagull*, as well as in the eccentric and conventional play of Pirandello, real faces turn into the

literary characters, and literary plots come into life before the spectators' eyes. Based on the identified typological similarity of motifs, shapes and ideas of these works, the following conclusion is made: the Pirandello's play is a modernistic work and interpretation of Chekhov's *The Seagull*, which, in turn, allows us to find a key to the genre puzzle of the "strange" Chekhov's comedy and to confirm the point of view that *The Seagull*'s text is created already in the language of art of the 20th century.

А.С. Поршнева. Сюжетно-пространственный комплекс «переход границы» в романе Клауса Манна «Бегство на север». Статья посвящена вопросам взаимодействия пространственной и сюжетной организации романа К. Манна «Бегство на север», являющегося образцом жанра эмигрантского романа в немецкой литературе 1930-х годов. Предметом анализа является сюжетно-пространственный комплекс перехода границы между двумя аксиологически различными участками пространства эмиграции – то есть пространственной картины мира, носителем которой выступает героиня-эмигрантка. В статье рассматривается как первый (между центральной зоной и первым «кольцом» вокруг нее), так и второй (между первым и вторым «кольцами») переход границы, осуществляемый героиней романа. Показывается, что необходимым условием перехода границы являются события «порогового» характера, в случае героини К. Манна – принесение жертвы. Особое внимание уделяется структуре порогового события во втором переходе, которое представляет собой двойное жертвоприношение. Пограничное пространство, в пределах которого осуществляется обеспечивающая переход жертва, квалифицируется как «переломный хронотоп».

A.S. Porshneva. Plot and Space Complex "Border Crossing" in K. Mann's Novel *Flight to the North*. The paper deals with the interaction between space and plot organization of K. Mann's novel *Flight to the North* which is an example of German exile novel having appeared in the 1930s. The main problem to be analyzed is plot and space complex «border crossing». The border separates two parts of exile space with different axiological status. Exile space is considered to be a space world building which is a product of the emigrant-character's consciousness. The author considers the first border crossing when the main character crosses the border between the exile space's central part and the first «circle» around it. Then the second border crossing is analyzed when the main character leaves the first «circle» and goes into the second one. It is proved that special liminal events enable to cross the border. For K. Mann's character this event is a sacrifice. Special attention is paid to this liminal event's structure while

the second border crossing because it contains two sacrifices. The liminal space where the sacrifice occurs is proved to be a "chronotope of change" according to the theory of M.M. Bakhtin.

А.И. Куляпин. Продавцы против покупателей: хронотоп магазина в художественном мире В.М. Шукшина. Шукшин, начиная с раннего рассказа «Светлые души» (1961) и кончая опубликованной уже после смерти повестью для театра «А поутру они проснулись…», отдал щедрую дань теме торговли. Лексема «продавец» в его текстах почти всегда включена в определенный ряд контекстуальных синонимов. В полном виде этот ряд выглядит так: «чиновники – продавцы – хулиганы». С одной стороны, работник торговли близок к власть имущим, с другой – к маргинализованным асоциальным элементам. Магазин – часть пространства насилия и власти, локус подчинения и страха. Кроме того, магазин вписан Шукшиным в сказочно-мифологическое пространство. Писатель отчасти даже демонизирует фигуру продавца, используя фольклорно-мифологические мотивы и образы. Советские продавцы или складские работники – настоящие волшебники (правда – злые), так как вещи и ценности творят из ничего: полки магазинов пусты, а у них все есть. Сельмаг в художественном мире Шукшина занимает промежуточное место между собственно магазином и таким карнавализованным топосом, как базар. Праздник и Воля – центральные категории Шукшина – напрямую связаны с базаром как пространством стихийной свободы.

A.I. Kulyapin. The Sellers against the Buyers: Chronotope of the Store in the Artistic World of V. Shukshin. Shukshin from an early story *Light of the Soul* (1961) and to the story for the theatre *And in the Morning They Woke Up...*, published after his death, gave a generous tribute to the subject of the trade. The lexeme «seller» in his texts almost always included into some series of contextual synonyms. The full text of this series is: «officials – sellers – bullies». On the one hand, the worker of trade is close to those in power, on the other – towards marginalized asocial elements. A store is a part of the space of violence and power, locus of subordination and fear. Also a store is inscribed in a dreamlike and mythological space. The writer partly even demonizes the figure of the seller using the folklore and mythological motifs and images. Soviet sellers or warehouse workers are true magicians (actually, wicked ones), because the things and values are created from anywhere: the store shelves are empty, but they have everything. A village shop in the art world of Shukshin occupies an intermediate position between a shop and such a carnivalized topos as a market place. Holiday and Liberty – the central categories of Shukshin – are

directly linked with the concept of a market place, as a space of spontaneous freedom.

О.В. Протопопова. Стилистические явления в деловой словесности периода ВОВ как отпечаток эпохи. В статье сопоставительно рассмотрены тексты в жанрах речей и директив советских руководителей периода 1941–45 годов, когда лейтмотивом отечественной словесности стал патриотизм. Предметом изучения выступает меж- и внутристилевая интерференция, детерминированная изменением интенциональности в условиях освободительной народной войны. Лингвостилистический анализ названных жанров устной и письменной речи показал проникновение средств и приемов выразительности из публицистики и художественной литературы в предписывающие официально-деловые тексты, что можно расценить как проявление межстилевой интерференции. Реализация в этих документах дополнительных задач общения, наряду с основной – императивной – функцией, их военно-патриотической направленностью, привела к проникновению в ритуальные тексты русского тоталитарного языка эпохи сталинизма средств и приемов выразительности. Представляется обоснованным относить к продуктам политической коммуникации не только рассмотренные публичные речи руководителей, но и предписания власти, которые регулируют поведение адресата, воздействуя при этом на его сознание и эмоции. Обнаруженные заимствования типичны также для военного красноречия, а значит, уместно говорить и о внутристилевой интерференции в разновидностях делового стиля, ставшей в тот период следствием изменения интенциональности в сторону возрастания ее воздействующей, эмоционально-побудительной компоненты.

O.V. Protopopova. Stylistic Phenomena in Business Literature of the World War II Period as an Imprint of the Epoch. The article compares the texts of speeches and directives of the Soviet leaders during 1941–45, when patriotism was the key-note of the national literature. An object for study is inter- and intrastyle interference determined by the change in the intentionality during the people's war of liberation. Linguistic and stylistic analysis of these genres of speech and writing showed penetration of journalism and fiction expression tools and techniques into the prescribing official and business texts, which can be seen as a manifestation of interstyle interference. Embodiment of additional communication tasks in these documents, along with the main – imperative – function, is predetermined by their military-political direction, which resulted in the penetration of expressive ways and means into the ritual texts of the Russian totalitarian language of the Stalin's age. We consider it

justified to attribute not only the examined public speeches of leaders, but also authority directions to the products of political communication, as they regulate the addressee behavior and influence their mind and emotions. The revealed borrowings are also characteristic of war oratory, so it is pertinent to speak about intrastyle interference in the business style varieties, which has resulted from the change of intentionality towards its greater effecting, emotional and motivating component.

Н.Г. Нестерова. Прагматика побудительных высказываний в радиодискурсе. В статье представлен лингвопрагматический подход к анализу побудительных высказываний, функционирующих в спонтанном радиодискурсе развлекательного и информационно-разговорного радио. Выявляются типичные способы прямых и косвенных побудительных актов и их вербальное воплощение. Прагматика побуждения в радиодискурсе связана с установкой на диалогичность, интерактивность. Стратегия побуждения конкретизируется в зависимости от жанра радиопередачи, ее тематического наполнения. Побудительная интенция представляет собой намерение ведущего сделать массового адресата активным участником диалога. Так как ядро используемых императивных жанров составляют не директивные жанры, стремление манипулировать адресатом в большей части ситуаций реализует как цели радиоканала, так и интересы адресата. Эффект воздействия побудительных высказываний в разговорных радиопрограммах планируемый, он получает полную реализацию, доказательством чего становится обратная связь. Это позволяет говорить о положительном прагматическом эффекте побудительных высказываний в спонтанном радиодискурсе.

N.G. Nesterova. Pragmatics of Imperative Utterance in Radiodiscourse. The article represents a linguistic and pragmatic approach to the analysis of imperative utterances functioning in the spontaneous radiodiscourse of entertaining and info-talk radio. Typical ways of direct and indirect imperative acts as well as their verbal implementation are determined. Imperative pragmatics in the radiodircourse is connected with orientation to dialogueness and interactivity. Imperative strategy is considered in accordance with the genre of the radio-program, its theme and topic. Imperative intention is an intention of the radio-presenter to make a mass addressee an active participant of a dialogue. Since the core of used imperative genres is built not by directive genres, the intention to manipulate the addressee in most of the situations realizes the aims of the radio channel as well as the interests of the addressee. The effect of influence of imperative utterances in radio talk shows is planned and

expected, it gets its full realization, and this is proved by feedback communication. Thus, we can talk about positive pragmatic effect of imperative utterances in the spontaneous radiodiscourse.

Ю.В. Богоявленская. Воздействующий потенциал парцелляции в медиатексте. Парцелляция рассматривается как полифункциональное явление и особый прием коммуникативно-стилистической организации текста, способный оказывать интеллектуальное и эмоционально-эстетическое воздействие на адресата. Специфика этого воздействия исследуется в сопоставительном аспекте на материале французских и русских газетных текстов, где парцелляция выступает в роли интенционально обусловленного аргументативно-риторического и изобразительно-выразительного средства. Парцелляция обладает мощным потенциалом воздействия на разум, эмоции и чувства, причем на первый план выходит в зависимости от речевой ситуации и коммуникативных установок адресанта то рациональный, то эмоционально-эстетический тип воздействия. Усилению ее эстетического воздействия способствует часто одновременная реализация креативной, смыслогенерирующей и игровой функций. Применение парцелляции обеспечивает адекватную коммуникативным и прагматическим установкам рецепцию текста.

Yu.V. Bogoyavlenskaya. Effecting Potential of Parceling in Newspaper Text. Parceling is considered as a multifunctional phenomenon and as a special method of communicative stylistic organization of the text. Parceling has intellectual, emotional, and aesthetic influence upon the recipient. The specific character of this influence is studied in comparative aspect through French and Russian newspaper texts, where the parceling is an intentionally caused argumentative and rhetorical, figurative and expressive means. Parceling has a strong potential influence on the reader's mind, emotions, and feelings, the rational or the emotional and aesthetic type of impact are correspondingly placed in the forefront depending on the speech situation and communicative settings of the sender. Simultaneous realization of creative, semantic, and gaming functions often contributes to the increase of its aesthetic effect. Application of parceling assures an adequate communicative and pragmatic reception of the text.

Е.А. Сивкова. Орфографические и графические особенности написания гласных после шипящих и «ц» в текстах разных территорий XV века. В статье анализируются три источника церковнославянского языка русской редакции XV века: восточно-новгородская «Молитва святой Троице», московское «Житие Симеона Столпника», вологодские «Память и похвала князю Владимиру» и «Житие князя

Владимира». В качестве общеупотребительных в области использования указанной орфограммы выделяем следующие нормы: выбор гласных после шипящих и Ц соответствует общим традициям их написания в соответствии с качеством мягкости/твердости анализируемых согласных; при написании гласной в корне, суффиксе, интерфиксе основной принцип – этимологический, традиционный; в окончании – грамматический; сочетания *жа, ща, ца, чю* являются для проанализированных текстов XV века графическими, так как не имеют вариантов написания. Московский книжник Нил Сорский произносит твердые звуки [ж], [ш] и мягкий [чʼ]. Орфография восточно-новгородского писца говорит о мягком произношении [жʼ], [чʼ] и идущем процессе отвердения [ш], [ц]. Вологодский писец мягко произносит все шипящие и Ц. Сделанные выводы подтверждают мысль С.И. Коткова о том, что к XV веку процесс отвердения шипящих и Ц нельзя считать завершившимся.

E.A. Sivkova. Spelling and Graphic Peculiarities of Writing Vowels after Sibilants and «ц» in the Texts of Different Territories of the 15th century. Three sources of the church Slavonic language of Russian edition of the 15th century are analyzed in the article: *Prayer to Holy Trinity* in East Novgorod, *The biography of Simeon Stolpnik* in Moscow, *Memory and Praise of Prince Vladimir* and *The biography of Prince Vladimir* in Vologda. Following standards are highlighted as the most widespread in the sphere of usage of the noted orthogram: the selection of vowels after sibilants and Ц corresponds to the general traditions of their spelling in accordance with the quality of softness / hardness of the analyzed consonants, in spelling of a vowel in the root, suffix, interfix a basic principle is etymological, traditional, in the flexion it is grammatical, combinations *жа, ща, ца, чю* are graphic for the analyzed texts in the 15th century, as they have no variants of spelling. The writer from Moscow whose name is Neil Sorsky pronounces hard sounds [ж], [ш] and soft [чʼ]. The spelling of the East Novgorod writer confirms the soft pronunciation of [жʼ], [чʼ] and the ongoing process of hardening of [ш], [ц]. A writer from Vologda pronounces softly all sibilants and Ц. The conclusions that were made prove the idea of S.I. Kotkov – he says that the process of hardening of sibilants and Ц cannot be regarded as a complete process by the 15th century.

Д.С. Скокова. Пространство и поэт в эстетике М.А. Волошина: стихотворение «Дом Поэта». В статье представлены основные результаты исследования центральных в эстетической системе М.А. Волошина элементов – Поэта, Дома и домашнего очага (Коктебель) – на материале программного стихотворения «Дом поэта».

Они формируют парадигму, внутри которой действуют единые законы конструирования данных образов, благодаря чему обнаруживается их взаимосвязь и взаимозависимость, тождество друг другу. Эти принципы: взаиморастворение (негерметичность), взаимоотражение, накопление смыслов с целью собственного преобразования. Опора на философские исследования в области феноменологии географического пространства дает возможность рассматривать географическое пространство Коктебеля как метафору культурной и художественной мысли Волошина. Феномен «профиля поэта» (как топографически материализованный знак родства поэта и пространства) и обстоятельство узнавания Волошиным себя в другом позволяют говорить о создании единого поля сообщающихся эстетико-философских смыслов для всех элементов внутри парадигмы «поэт – дом – пространство».

D.S. Skokova. Space and Poet in Aesthetic System of M.A. Voloshin: ***Poet's House.*** The article presents main results of the research of central elements in the aesthetic system of M.A. Voloshin – figures of the poet, the house and home space (Koktebel) – by the material of the conceptual poem *Poet's House*. These elements form a paradigm within which their unified constructing principles are acting, due to this their interrelationship and interdependence, the identity to each other is found. These constructing principles are: the dissolving in each other (boundaries of figures are open), mutual reflections and accumulation of meanings to transform itself. Reliance on philosophical research in the phenomenology of geographical space enables us to consider geographical space of Koktebel as a metaphor for Voloshin's cultural and artistic mind. The phenomenon of «Profile of the poet» (as a topographically materialized sign of poet and space kinship) and the fact of Voloshin's recognition of himself in the Other lead us to suppose that there is a common field of communicating aesthetic and philosophical meanings for all elements within the paradigm of «the poet – the house – the home space».

М.Ю. Аржанников. Модель текста средневековых немецких заклинаний. В статье описана наиболее часто встречающаяся структурная модель средненемецких заклинательных текстов, ее блоки. В настоящее время этот тип текста средневекового периода остается малоизученным, и работы на данную тематику представлены в основном зарубежными учеными, для которых основным критерием определения текстовой модели является содержание, преобладающий в нем тип речевого действия. Однако содержательный подход к ее изучению не позволяет рассмотреть заклинательную традицию комплексно и определить ее основы, каноны составления заклинаний. Предлагаемая в

данной работе модель является результатом исследования внутренней структуры текстов. Структурный подход, используемый при изучении этого типа текстов, позволяет определить принципы составления и значение конкретного блока в заговорно-заклинательной традиции. Каждый из трех блоков модели обладает своей прагматической ценностью, языковыми особенностями и характеристиками, позволяющими взглянуть на анализ заклинаний средневекового периода с другой стороны.

M.Yu. Arzhannikov. The Model of a Medieval German Invocation Text. This article describes a common model of medieval German invocations and its blocks. At present this type of medieval text remains insufficiently explored, and papers on the subject area are mostly written by foreign scholars, for whom the main criterion for the text model is its content and the predominant type of speech act in it. However, the semantic approach to the analysis does not make it possible to research the invocating tradition in its totality and to describe its principles, canons of compiling invocations. The model proposed in this work results from inner text structure investigations. The structural approach used by researches of this type of the text makes it possible to describe principles of compilation and meanings of the concrete block in the invocating tradition. Each of three blocks in the model has its own pragmatic meaning, linguistic peculiarities and characteristics, which make possible to present quite a new view at the analysis of medieval German invocations.

Г.М. Булякова, Р.И. Шахмухаметова. Раскрытие детской психологии в условиях военной действительности в повестях А. Бикчентаева. В 2015 году исполнится 70 лет со дня Великой Победы над фашистскими захватчиками. Все эти годы память о бессмертном подвиге народа, отстоявшего независимость Родины, живет в сердцах каждого из нас. Многие наши писатели в своих произведениях по-разному отражают тему Великой Отечественной войны. Среди них особое внимание привлекают произведения известного башкирского писателя, лауреата государственной премии имени Салавата Юлаева Республики Башкортостан Анвера Гадеевича Бикчентаева. В этом плане очень интересны его повести для детей «Сколько лет тебе, комиссар?», «Прощайте, серебристые дожди» и «В логове дьявола». В центре всех этих произведений стоит один и тот же герой – двенадцатилетний мальчик по имени Азат Байгужин. Изображая детскую психологию в суровых условиях военного времени, автор стремится показать, как меняет война отношение юного человека – воина-подростка к окружающему миру, к людям, к природе; как сказывается

суровость и жестокость на психологии детей; как относится юный человек к убийству человека, хотя и врага – фашиста.

G.M. Bulyakova, R.I. Shakhmukhametova. The Disclosure of Child Psychology under Military Reality in Stories by A. Bikchentaev. The year 2015 is the year of the 70th anniversary of the Great Victory over the fascist invaders. All these years the memory of the immortal feat of the people, having defended the independence of its Motherland, lives in our hearts. Many writers reflect the theme of the Great Patriotic war in their works in different ways. Among the works the special attention is drawn by those written by the Republic of Bashkortostan Salavat Yulayev's State Prize laureate Anver Gadeevich Bikchentaev. The especially interesting works are the stories for children *How Old Are You, Commissar?*, *Farewell to Silver Rains* and *In the Devil's Den*. In the centre of all these pieces of work there is the same character – a twelve-year-old boy Azat Baiguzhin. Depicting child's psychology in harsh wartime conditions, the author tries to solve such problems as how the war changes the attitude of a young man – a teenage soldier – to the world, to people, to the nature; how the severity affects a child's soul; what a young man thinks about killing a person, even the enemy.

С.С. Комбу. Первый роман тувинской литературы. В статье рассматривается первый роман тувинской литературы. «Чүгүрүк Сарала» («Настигающий птицу») М. Кенин-Лопсана – это его первое крупное произведение, первый роман тувинской литературы. Именно первый его роман открыл новый этап его творчества и вместе с тем новый этап в истории тувинской литературы. Роман М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» свидетельствует об утверждении в тувинской литературе романа как жанра. В романе «Настигающий птицу» определились основные идейно-художественные особенности творчества М. Кенин-Лопсана, получившие развитие в его последующих романах. В своем первом романе автор по-своему воспринял традиции русского и мирового романа. Роман «Настигающий птицу» – это начальный этап творческой эволюции писателя. Но почему идейный и творческий подъем побудил его обратиться к роману? По-видимому, в этом сказалось и веление времени. С 1937 года на тувинском языке начали выходить переводы произведений писателей других народов и художественные произведения. И не менее важен был, на наш взгляд, именно интерес к героическому прошлому своего народа и развитию национального самосознания, что побудило писателя обратиться к жанру романа. Так в 1965 году появился первый роман тувинской литературы.

S.S. Kombu. The First Novel of Tuvinian Literature. The article examines the first novel in Tuvinian literature**.** «Chygyryk Sarala» («Overtaking a Bird») is M. Kenin-Lopsan's first large work, it is the first large novel of Tuvinian literature. It opened a new phase of his creativity, and at the same time a new stage in the history of Tuvinian literature. The novel by M. Kenin-Lopsan «Chygyryk Sarala» («Overtaking a Bird») shows the formation of a novel as a genre in Tuvinian literature. In the novel «Chygyryk Sarala» («Overtaking a Bird») there appeared the main ideological and artistic features which developed in writer's subsequent novels. «Chygyryk Sarala» («Overtaking a Bird») is the initial stage of the writer's creative evolution. In his first novel the writer perceived the traditions of Russian and world novel. But why did the ideological and creative impulse make him turn to the novel? Apparently, it was the imperative of his time. Since 1937 there emerged translations of writers of other nations in the Tuvan language, and fiction books were published. And his interest in the heroic past of the Tuvan people and in the development of national consciousness, in our opinion, was of much importance, which led the writer to turn to the genre of the novel. So, in 1965 there appeared the first novel of Tuvinian literature.

Г.В. Напреенко. О двух подходах к идентификационному моделированию текста. Статья посвящена разграничению двух подходов к формально-количественному моделированию текстов на лексическом уровне в идентификационном аспекте. Моделирование осуществляется путем применения интерсемиотического перевода текстов и их поэтапного представления в разных формально-количественных статистических структурах. В данной статье объектом идентификационного моделирования является персонотекст. Персонотекст – это текст в аспекте проявления в нем свойств и способностей языковой личности, которые выражаются, в том числе, количественными характеристиками лексических единиц, их составляющих. Выявленные лексико-квантитативные характеристики персонотекстов при сопоставлении друг с другом позволяют атрибутировать их по авторской принадлежности. При этом идентификация персонотекста и языковой личности не предполагает определения конкретного типа языковой личности, т. к. это является прерогативой другого типа исследования. Статья направлена на проверку двух подходов к идентификации авторской речевой индивидуальности, проявляющейся в тексте: универсального и специально-ориентированного.

G.V. Napreenko. Two Approaches to Identification Modeling of the Text. The article considers the distinction between the two approaches

to formal quantitative modeling of a personal text at the lexical level, in the identification aspect. The simulation is performed by applying the intersemiotic translation of texts and their staged performances in different formal quantitative statistical structures. In this article, the object of identification modeling is a personal text. The personal text is the text in the aspect of manifestation of the properties and abilities of linguistic identity in it, which are expressed by including quantitative characteristics of the lexical units, their constituents. The identified lexical-quantitative characteristics of the personal text when comparing to each other allow attributing their copyright. This identification of a personal text and linguistic identity does not specify a particular type of linguistic identity, as it is the prerogative of another type of research. The article aims to test two variants of identifying the author's speech individuality expressed in the text: «universal» and specially oriented approaches to identification of the personal text modeling.

И.С. Кожеватова. Факторы, повышающие инвективный потенциал иронии (на материале современной публицистики). В статье затрагивается проблема использования иронии в качестве скрытой стратегии дискредитации личности и анализируются факторы, повышающие инвективный характер иронического метода описания. Категория инвективности и языковые средства ее актуализации исследуются на примере дискурсивной среды СМИ. Ирония, являясь распространенным приемом современной публицистики, выступает как актуальный способ реализации имплицитных инвективных смыслов, ее использование позволяет скрыть инвективную семантику публицистического текста. Однако анализ инвективной функции иронии выявил факторы, позволяющие доказать инвективный смысл иронии: это прямая субъектная отнесенность отрицательной оценки, нарушение коммуникативной дистанции, ироническое осмеяние личных качеств адресата, резкое нарушение этической нормы коммуникации. Проявлению скрытой оценочности иронии способствует окружающий контекст.

I.S. Kozhevatova. Factors that Increase Invective Potential of Irony (by the Material of Journalistic Texts). The following article focuses on irony which nowadays is an actual form of invective expression of the social attitude in mass media. Using the material of the works of opinion journalism it shows that the irony has its invective potential and there is a need in the description of the factors that increase invective potential of irony. The category of invectiveness and language tools for its actualization are investigated by the example of media environment. The irony being the widespread tactic of modern journalism, works as an

important means of implementing implicit invective meanings, its use allows to hide invective semantics of a media text. However, the analysis of irony invective functions revealed the factors that allow us to prove invective sense of irony: it is the direct subjective attribution of negative evaluation, violation of communicative distance, ironic derision of a recipient's personal qualities, a sharp violation of the ethical standards of communication. The manifestation of the latent evaluation of irony contributes to the surrounding context.

Ю.В. Хаперская. Функционирование производных предлогов в газетно-публицистическом стиле. В статье анализируется функционирование производных предлогов в текстах газетно-публицистического стиля, отобранных из Национального корпуса русского языка. На основании частотности употребления предлога в газетно-публицистическом стиле определяется поле производных предлогов, наиболее активных в газетных текстах. Производные предлоги рассматриваются по нескольким параметрам: с точки зрения абстрактности / конкретности значения, морфологических типов предлогов, выражаемых предлогами семантических отношений, способности предлогов вступать в синонимические отношения, а также в аспекте состояния лексикографического описания рассматриваемых единиц. На основе данных характеристик предлогов сделана попытка выявить особенности функционирования производных предлогов в газетно-публицистическом стиле. Анализ полученных данных позволяет обосновать тезис о том, что производные предлоги активно участвуют в реализации базовых стилевых черт газетно-публицистического стиля (официальности, сдержанности, известной обобщенности изложения и одновременно стилевом «эффекте новизны»), сформированных на основе базовых функций газеты (информационной и воздействующей).

Y.V. Khaperskaya. Functioning of Derivative Prepositions in Newspaper Style. The article analyzes the functioning of derivative prepositions in newspaper style that are selected from the Russian National Corpus. Based on the frequency of preposition in newspaper style, the field of the active derivatives prepositions in newspaper's texts is defined. The derivative prepositions are described according to several parameters: from the point of abstractness / concreteness, morphological types of prepositions, semantic relations expressed by prepositions, the ability of prepositions to get into synonymous relations, and also in terms of lexicographical description. Based on these characteristics of prepositions there is made an attempt to identify the features of the functioning of derivative prepositions in newspaper style. Analysis of the data allows to prove the thesis that the

derivative prepositions are actively used in the process of realization of basic stylistic features of newspaper style (formality, restraint, known synthesis of utterance, at the same time the stylistic «effect of novelty») that are formed on the basic functions of the newspaper (informational and influencing).

НАШИ АВТОРЫ

АРЖАННИКОВ, Михаил Юрьевич – аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: arzhannikov-miha@mail.ru

БОГОЯВЛЕНСКАЯ, Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).
E-mail: jvbog@yandex.ru

БУЛЯКОВА, Гадиля Мударисовна – кандидат филологических наук, профессор Сибайского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (Сибай).
E-mail: rshakhmukhametova@mail.ru

КАЛЕНОВА, Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного архитектурно-строительного университета.
E-mail: nakalyon2011@gmail.com

КОЖЕВАТОВА, Инна Сергеевна – магистрант Тольяттинского государственного университета.
E-mail: inna_iks@mail.ru

КОЗЛОВА, Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: kozlova41@mail.ru

КОМБУ, Сайлыкмаа Салчаковна – учитель Государственного лицея Республики Тыва (Кызыл).
E-mail: kombu-sailykmaa@inbox.ru

КУЛИНКИНА, Татьяна Юрьевна – доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: tkulinkina@rambler.ru

КУЛЯПИН, Александр Иванович – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: iskander58@mail.ru

МАЛЫГИНА, Элеонора Владимировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: ewm86@mail.ru

МАНСКОВ, Сергей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: dozent2@yandex.ru

МАРЬИНА, Ольга Викторовна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: marin_alex@mail.ru

НАПРЕЕНКО, Галина Викторовна – стажер-исследователь Кемеровского государственного университета.
E-mail: vila1991@mail.ru

НЕСТЕРОВА, Наталья Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета.
E-mail: nesterovatomsk@rambler.ru

ОПАРИНА,
Ольга
Игоревна
– кандидат филологических наук, старший преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.
E-mail: oloparina@rambler.ru

ПОРШНЕВА,
Алиса
Сергеевна
– кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург).
E-mail: alice-porshneva@yandex.ru

ПРОТОПОПОВА,
Ольга
Витальевна
– доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета.
E-mail: olgaprotopopova@yandex.ru

СЕМИЛЕТ,
Тамара
Алексеевна
– доктор философских наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: 7let@mail.ru

СИВКОВА,
Евгения
Александровна
– кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Челябинского государственного педагогического университета.
E-mail: paleo17@mail.ru

СИНЦОВА,
Светлана
Викторовна
– доктор философских наук, профессор Казанского государственного энергетического университета.
E-mail: esintsov@mail.ru

СИРАЖИТДИНОВА,
Нафиса
Миндияровна
– кандидат филологических наук, редактор Научно-издательского комплекса «Башкирская энциклопедия» (Уфа).
E-mail: birusa-raf@mail.ru

СКОКОВА,
Динара
Сергеевна
– аспирант Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул).
E-mail: hotaru-9@mail.ru

СУЛЕЙМАНОВ, Ахмет Мухаметвалеевич – доктор филологических наук, профессор Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (Уфа).
E-mail: 2733544@mail.ru

ХАПЕРСКАЯ, Юлия Владимировна – аспирант Тольяттинского государственного университета.
E-mail: ulka-haper@mail.ru

ЧЕРНЫШОВА, Татьяна Владимировна – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

ЧУВАКИН, Алексей Андреевич – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

ШАХМУХАМЕТОВА, Разиля Идрисовна – старший преподаватель Сибайского института (филиала) ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (Сибай).
E-mail: rshakhmukhametova@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция февраль 2010)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованым для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссераций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 14.02.2015. Подписано в печать 17.02.2015. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № 38.

Типография Алтайского государственного университета:
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66

© Издательство Алтайского государственного университета, 2015

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 30 тыс. знаков с пробелами, научные сообщения – до 16 тыс. знаков с пробелами, другие материалы – до 6 тыс. знаков с пробелами. Для аспирантов – объем не более 16 тыс. знаков с пробелами!
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются *курсивом*.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в сокращенном варианте (без указания издательства, страниц и вида издания – учебное пособие, монография, сборник и т.п.) и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*а*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, факультет массовых коммуникаций, филологии и политологии, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Дорониной Светлане Валерьевне. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: sovet01@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
8. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.
9. Требования к оформлению основного текста статьи: 12 кегль, шрифт: Times New Roman, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 0,8 см. **Неосновной текст**, предваряющий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: и.о. фамилия автора (на русском и английском языках, выделяется полужирным), название (на русском и английском языках, выделяется полужирным), аннотации на русском и английском языках (не менее 1000 знаков с пробелами каждая). Далее следует **основной текст** статьи: название (на русском языке, прописными буквами, выравнивание по центру), и.о. фамилия автора (полужирным, курсивом, выравнивание по центру), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке, отступы слева и справа по 0,8 см., выравнивание по ширине), собственно текст, список литературы.

Примечания:

1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384. 2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.